

**САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
Кафедра философии и истории

Внешнеполитические интересы России: история и современность

**Сборник материалов
XIV Всероссийской научной конференции**

24 апреля 2026 года

г. Самара

**Самара
2026**

УДК 93/94
ББК 66.4(2Рос)
В 60

Ответственный редактор:
А. Н. Сквозников

В 60 **Внешиполитические интересы России: история и современность :**
сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции. Самара,
24 апреля 2026 г. / отв. ред. А. Н. Сквозников. — Самара : Самарама,
2026. —

ISBN 978-5-6056147-6-0

Сборник содержит доклады участников XIV-й Всероссийской научной конференции «Внешиполитические интересы России: история и современность». В своих работах авторы рассматривают актуальные проблемы в изучении российской внешней политики и дипломатии в различные исторические периоды и на современном этапе в контексте развития всей системы международных отношений.

Издание предназначено для специалистов в области международных отношений, истории внешней политики и дипломатии, славяноведения и балканистики, геополитики, международного права, а также студентов, аспирантов и всех тех, кого интересует отечественная и мировая история и международные отношения.

УДК 93/94
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-6056147-6-0

© Оформление ООО «Самарама», 2026

РОССИЯ И КИТАЙ В АРКТИКЕ: ТРУДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Белащенко Д. А., доцент

e-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Гудкова Е. О., аспирант

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Сотрудничество между Россией и Китаем в Арктике является сложным и многосторонним процессом, который в условиях международного кризиса предоставляет как возможности, так и риски. Целью данной статьи является выявление фактических и потенциальных трудностей, с которыми Россия и Китай могут столкнуться в рамках данного стратегического партнерства. В фокусе исследования находятся вопросы, связанные со статусом региона, добычей природных ресурсов и охраной окружающей среды. На основе проведенного анализа формулируются перспективы влияния выявленных трудностей на дальнейшее взаимодействие между государствами.

Ключевые слова: Россия, Китай, Арктика, статус Арктики, Сообщество единой судьбы человечества.

RUSSIA AND CHINA IN THE ARCTIC: INTERACTION CHALLENGES

D. Belashchenko, E. Gudkova

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Nizhny Novgorod, Russia*

Russia and China partnership in the Arctic is a complex and multilateral process that provides both opportunities and risks due to an international crisis. The aim of this article is to identify the current and potential difficulties that Russia and China may encounter in the process of cooperation in the Arctic region. The research focuses on several issues related to the region's status, the extraction of natural resources, and environmental protection. Based on the conducted analysis, the authors try to formulate how the identified difficulties may influence further interaction between the states.

Keywords: Russia, China, the Arctic, the Arctic status, the Community of the common destiny.

2021 г. стал для Арктического совета стартовой точкой регресса, когда члены организации начали бойкотировать РФ в качестве Председателя, что не могло не отразиться на эффективности Совета и вынудило Россию привлечь неарктические государства для раз-

вития региона, в том числе КНР [8]. Несмотря на многолетнее плодотворное сотрудничество, на данный момент существует вероятность, что вектор, которого придерживались Москва и Пекин может подойти к логическому завершению по достижении определенных целей.

Китай не совсем новый игрок в арктическом регионе, но значимое влияние на процессы там начал оказывать относительно недавно. Как страна, не имеющая в Арктике территорий, но проявляющая к ней большой интерес, КНР в начале 21 века была скорее потенциальной угрозой, нежели надежным партнером для стран Арктического совета, включая Россию [5]. В 2008 году КНР подает заявление на участие в Совете в качестве постоянного наблюдателя, но ожидание ответа затягивается, так как было необходимо достичь консенсуса, чему некоторые страны демонстративно противились. Пекин долгое время старался не демонстрировать свои амбиции в регионе перед странами с обширными территориальными владениями в Арктике, т. е. Россией, Канадой и США, поэтому активно заключал соглашения со странами «послабее»: Норвегией, Исландией и Данией [3]. Стоит отметить, что сотрудничество оказалось продуктивным, КНР до сих пор использует норвежский Шпицберген для станции «Хуанхэ».

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 позиции КНР в регионе укрепляются, Пекин принимают в Совет в качестве постоянного наблюдателя, что позволяет ему более свободно продвигать свои проекты [4]. Возрастающая стратегическая значимость арктического региона для КНР подтверждается более частым упоминанием в доктринальных документах (в основном — Белые книги). На протяжении всего периода руководства Си Цзиньпина проводится плодотворная работа по популяризации концепции Сообщества единой судьбы человечества, которая заложила нормативно-ценностную основу для внешней политики КНР, в том числе арктической [6]. На данную концепцию также накладывается инициатива «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП), важной частью которой является проект «Ледовый шелковый путь», идущий через Арктику, который на первый взгляд не только не представляет угрозы странам Совета, но и может принести прибыль [5]. Таким образом, Китай полноценно вписался в арктические процессы и, несмотря на свой «второстепенный» статус, смог приступить к реализации сразу нескольких проектов в регионе, в основном в рамках двустороннего взаимодействия с членами Арктического совета.

Начиная с 2014 года, когда отношения России и большинства стран Совета начали ухудшаться на фоне Украинского кризиса, но Совет продолжал функционировать (хоть и с перебоями, если вспомнить о бойкоте заседания Совета в Москве [9]). Тем временем, российско-китайские отношения начали укрепляться. На различные рода преференции также оказывал влияние тот факт, что Китай начал превращаться в крупный финансовый центр и альтернативный рынок сбыта полезных ископаемых. Пекин предоставил РФ хорошую возможность диверсификации партнеров в арктическом регионе, так как главным последствием кризиса стали антироссийские санкции, в том числе со стороны стран Арктического совета [5]. Однако, после начала СВО сотрудничество с Пекином постепенно стало не просто частью многовекторной политики, но банальной необходимостью. Сильное укоренение Китая в Арктике и его чрезмерные амбиции осложняют реализацию взаимовыгодных и равноправных отношений Пекина и Москвы.

Ключевым подтверждением китайских амбиций в арктическом регионе стала публикация Белой книги КНР по Арктике в 2018 году [1]. В этом документе Пекин вводит 2 идентифицирующих его термина: «заинтересованная сторона» и «приарктическое государство». Первый термин активно эксплуатируется в международном сообществе, однако второй можно смело назвать «спорным». На данный момент статус «приарктического государства», закреплен за Китаем и активно используется другими государствами, что свидетельствует о намерении Китая продолжить влиять на разворачивающиеся в Арктике процессы.

Концепция Сообщества единой судьбы, как и Белая книга по Арктике, постулирует, что современные глобальные вызовы, включая арктические, не могут быть разрешены без привлечения всего международного сообщества. При этом китайский подход сосредоточен на климатических изменениях и научных исследованиях в Арктике, а также подчеркивает приверженность принципам международного права и уважение государственного суверенитета [1]. Позиция, обозначенная подобным образом, позволяет Китаю обосновать свою растущую вовлеченность в арктические дела не как угрозу, а как ответственное, а главное легитимное участие, отвечающее интересам мирового сообщества. Несмотря на инструментализированный характер изложенной риторики, ее положения находят широкую поддержку среди других неарктических государств, что в

свою очередь является неприемлемым для России и других стран Совета, которые уже давно определили для себя статус Арктики.

Как упоминалось ранее, начало председательства России в Арктическом совете в 2021 году ознаменовалось бойкотом совместной работы со стороны остальных членов Совета, что продемонстрировало хрупкость и нестабильность арктического сотрудничества перед лицом внерегионального кризиса. Поскольку Арктика исторически является зоной пересечения интересов как региональных, так и внерегиональных игроков, подобная демонстрация слабости на современном этапе существования Совета стала для многих акторов не проблемой, а возможностью действовать. Данные события придали вес пунктам Белой книги КНР по Арктике, затрагивающим привлечение международного сообщества в регион как способ решения многих вызовов. Что также находит отклик среди других неарктических государств, которые давно убеждены в необходимости обратиться к глобальному управлению, а не региональному.

В настоящее время проекты, связанные с добычей углеводородов, формируют базис российско-китайского сотрудничества в Арктике. Однако обращение к официальной Белой книге КНР об арктической политике выявляет определённые противоречия в заявленных подходах. В документе акцент делается на обеспокоенность Пекина климатическими изменениями в регионе, а не на разработку энергоресурсов, которая сама по себе генерирует и усугубляет экологические проблемы. При том что Китай выступает ключевым и надёжным партнёром России в нефтегазовых проектах, основные экологические издержки от интенсивного промышленного освоения Арктики понесёт в первую очередь Россия, а не Китай. Это закономерно вызывает предположение, что климатическая риторика может служить для Пекина инструментом легитимации своего присутствия в регионе под предлогом ответственности всего мирового сообщества.

Несмотря на потенциальную конфликтогенность ситуации, РФ поддерживает китайскую инициативу «Ледяного шелкового пути», как части проекта «ОПОП», так как это способствует развитию инфраструктуры в регионе и делает СМП точкой привлечения международных инвестиций [3]. Партнерские отношения с Китаем и совместное осуществление проекта позволит России получить выгоду и не дать Пекину занять лидерскую позицию в регионе.

На данном этапе сотрудничество преобладает над соперничеством в регионе, в связи с изоляцией России в политических и

экономических международных процессах. Несмотря на то, что РФ активно пытается диверсифицировать партнеров, с большой вероятностью заменить Китай или встать с ним на равных как с основным партнером РФ никто не сможет. К началу 2025 года товарооборот между Россией и Китаем превышает товарооборот с той же Индией примерно на 140 миллиардов долларов, при том, что Китай занимает первое место среди торговых партнеров, а Индия — второе [7]. В связи с чем, поднимать и актуализировать проблему оспаривания Китаем статуса Арктики не является первостепенным интересом для Москвы.

Анализ взаимодействия РФ и КНР в Арктике позволяет сделать вывод, что успешная синергия интересов этих государств ограничена фундаментальными различиями в целеполагании. На данный момент Россия играет роль «пропускного пункта» в регион, однако Китай уже обозначил, что претендует на более свободный доступ в Арктику в будущем. Для России управление Арктикой — залог прибыли и безопасности, а для Китая — непреодолимое ограничение для развития своей логистики. Союз РФ и КНР на данный момент подкреплён глобальной целью построения многополярности, однако при ее теоретическом достижении, двустороннее взаимодействие имеет риск стать сугубо прагматичным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 26.01.2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения 28.03.2026)

2. Еремина Н. В. «Полярный Шелковый путь». Китай подбирается к Арктике // Евразия.Эксперт. 26.02.2018. URL: <https://eurasia.expert/polyarnyy-shelkovyy-put-kitay-podbiraetsya-k-arktike/> (дата обращения: 28.03.2026).

3. Кижасева А. В. Арктика как новый вектор внешней политики Китая // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 9. С. 125—130.

4. Кирунская декларация по случаю Восьмой Министерской сессии Арктического совета, 15 мая 2013 года, г. Кируна, Швеция // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15.05.2013. URL: <https://www.mid.ru/ru/> (дата обращения: 28.03.2026).

5. Лукин А. Л., Ли Юнхуэй, Кейдун И. Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 123—131.

6. Семенов А. В. К вопросу о понятии и интерпретации концепции «сообщества единой судьбы человечества» / А. В. Семенов, А. В. Цвык // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 1. С. 547–554.

7. Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России // РБК. 02.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39> (дата обращения: 28.03.2026).

8. Страны Арктического совета отказались участвовать во встречах под председательством России // Информационное агентство ТАСС. 03.03.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13953855> (дата обращения: 28.03.2026).

9. Филиппова Л. В. Двустороннее сотрудничество России и Китая в Арктике на фоне ослабления институтов регионального сотрудничества // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2023. № 13. С. 473–477.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА БАЛКАНАХ И РОЛЬ РОССИИ В ИХ УРЕГУЛИРОВАНИИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Бочарова О. С., к. ю. н, доцент
nihil13@mail.ru

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске

Фролов А. П., студент
apfrolov1003@gmail.com

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье анализируются этнические конфликты на Балканах и официальная позиция Российской Федерации в процессах их урегулирования. На основе заявлений российских официальных лиц, дипломатических документов и материалов заседаний СБ ООН систематизированы ключевые элементы российской стратегии: приверженность резолюции 1244 СБ ООН как единственной правовой основе косовского урегулирования, поддержка территориальной целостности Сербии, защита конституционных положений Дейтонского соглашения по Боснии, критика западных подходов к решению балканских проблем. Особое внимание уделяется инструментам дипломатического влияния России, включая право вето, политическую поддержку Республики Сербской и развитие многосторонних контактов в рамках «народной дипломатии». Сделан вывод, что официальная позиция России основана на принципе сохранения международно-правового урегулирова-

ния, сложившегося в 1990-е годы, что создает предсказуемые условия для всех вовлеченных сторон.

Ключевые слова: Балканы, этнические конфликты, Россия, официальная позиция, резолюция 1244, Дейтонское соглашение, Республика Сербская, Косово, дипломатия, Совет Безопасности ООН.

ETHNIC CONFLICTS IN THE BALKANS
AND RUSSIA'S ROLE IN THEIR SETTLEMENT:
OFFICIAL POSITION AND DIPLOMATIC PRACTICE

O. Bocharova

Minsk Branch of the Russian State Social University, Minsk

A. Frolov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article analyzes ethnic conflicts in the Balkans and the official position of the Russian Federation in the processes of their settlement. Based on statements by Russian officials, diplomatic documents, and materials from meetings of the UN Security Council, the article systematizes the key elements of the Russian strategy: adherence to UN Security Council Resolution 1244 as the only legal basis for the Kosovo settlement, support for Serbia's territorial integrity, defense of the constitutional provisions of the Dayton Agreement in Bosnia and Herzegovina, and criticism of Western approaches to resolving Balkan issues. Special attention is paid to Russia's diplomatic influence tools, including the use of the veto, political support for the Republika Srpska, and the development of multilateral contacts through «people's diplomacy.» It is concluded that the official Russian position is based on the principle of preserving the international legal settlement established in the 1990s, which creates a predictable framework for all parties involved.

Keywords: Balkans, ethnic conflicts, Russia, official position, Resolution 1244, Dayton Agreement, Republika Srpska, Kosovo, diplomacy, UN Security Council.

Балканский полуостров на протяжении столетий остается одним из наиболее конфликтогенных регионов Европы. Переплетение этнических, религиозных и геополитических факторов создало уникальную среду, в которой межнациональные противоречия неоднократно перерастали в вооруженные столкновения. Распад Югославии в 1990-е годы привел к серии кровопролитных этнических конфликтов, последствия которых продолжают оказывать влияние на региональную стабильность по сей день.

Российская Федерация, являясь историческим актором на Балканах и постоянным членом СБ ООН, на протяжении последних трёх десятилетий сохраняет активное присутствие в регионе, ис-

пользуя разнообразные инструменты дипломатического, политического и культурного влияния. Как отмечает Бранимир Сталетович в недавнем исследовании, опубликованном в *East European Politics and Societies*, «...влияние России на Западные Балканы привлекает все большее внимание как учёных, так и политических аналитиков <...> и обращают внимание на использование дипломатии памяти как инструмента, с помощью которого Россия стремится утвердить свое присутствие в Сербии...» (*перевод наш*) [1, с. 251]. На основе анализа официальной позиции Российской Федерации по этническим конфликтам на Балканах выделим основные принципы российской политики и дипломатии, а также рассмотрим практические инструменты их реализации.

Исторические корни российского присутствия на Балканах уходят в XIX столетие, когда Российская империя позиционировала себя как защитница православных народов Османской империи. Как отмечает М. Ю. Мартынова в фундаментальном исследовании «Балканский кризис: народы и политика», драматическому разделу территории многонационального государства и рождению новых обществ в Восточной Европе посвящен анализ событий, связанных с распадом Югославской федерации, где исследуются истоки кризиса, суть военных столкновений в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, а также межэтнические противоречия в других районах Балкан [2].

Официальная позиция России в отношении балканских этнических конфликтов базируется на выработанных в 1990-е годы резолюции 1244 СБ ООН по Косово и Дейтонскому соглашению по Боснии и Герцеговине.

Конфликт вокруг Косово остается наиболее острым этнополитическим противостоянием на Балканах. Провинция, населенная преимущественно этническими албанцами, в одностороннем порядке провозгласила независимость от Сербии в 2008 году. Как отмечает Д. В. Ефременко в статье «Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия», «...вмешательство Запада привело к появлению в регионе Западных Балкан второго албанского государства – Косово, которое пока остается частично признанным. Уже одно это создает многочисленные проблемы для регионального равновесия и безопасности» [3]. В 2025 году С. В. Лавров подчеркнул, что «...признание одностороннего провозглашения независимости сербского края Косово ... создало вопиющий прецедент грубого попрания основопо-

лагающих норм и принципов международного права, прежде всего Устава ООН» [4]. Резолюция 1244 СБ ООН остаётся единственной легитимной основой для урегулирования косовской проблемы, а любые попытки подменить эту резолюцию «новыми форматами» или навязать Белграду и Приштине решения, которые не учитывают мнение сербской стороны, являются грубым нарушением международного права. Ещё в период обсуждения плана Мартти Ахтисаари по статусу Косово в 2007 году представитель РФ в ООН В. И. Чуркин предложил направить в Белград и Приштину миссию членов СБ ООН чтобы уяснить ситуацию [5]. Россия последовательно выступала против навязывания решений, не учитывающих позицию сербской стороны.

В официальных заявлениях российского руководства и дипломатических ведомств неизменно акцентируется необходимость отхода от однополярной модели международных отношений. В материалах форума «Россия — Балканы в архитектуре многополярного мира» (2026), говорится про народную дипломатию для «сохранения и развития отношений России с Балканами» [6]. Депутат Скупщины Сербии Боян Торбица заявил о важности сотрудничества Сербии и России, несмотря на явные препятствия со стороны стран НАТО и ЕС, которые «в последние годы, не говоря уже о десятилетиях, не очень благосклонно относятся и к России, и к Сербии» [6]. Эта риторика находит отклик у значительной части населения региона. Согласно данным, приводимым Б. Сталетовичем, «...нынешние стратегии России на Балканах наиболее заметны в Сербии, Боснии и Герцеговине и Черногории <...> более 50 процентов сербского населения считают Россию ключевым союзником» (*перевод наш*) [1, с. 252].

Официальная позиция России по Косово строится на том, что основой урегулирования косовской проблемы является резолюция 1244 СБ ООН (1999), которая подтверждает территориальную целостность Союзной Республики Югославии (правопреемница Сербия). На заседании СБ ООН (2016) В. И. Чуркин прямо заявил, что «...Приштина должна незамедлительно выполнить соглашение JSO (о Сообществе сербских муниципалитетов) и это покажет готова ли она выполнять взятые на себя обязательства» [7].

На заседании СБ ООН (2021) Д. А. Полянский заявил: «...Приштинские власти не предпринимают никаких усилий для доверия между населяющими край национальными общинами, что ведёт к вытеснению неалбанского населения из края, является нарушением

резолюции 1244 и создает новые угрозы для мира и безопасности на Балканах, подрывая дейтонские механизмы регионального контроля над вооружениями, утвержденные резолюцией 1031 СБ ООН» [8], а после, уже в сентябре 2023 года, на 78-й сессии Генассамблеи ООН, С. В. Лавров заявил о нежелании ЕС влиять на выполнение договоренностей [8]. Российская дипломатия последовательно критикует действия Приштины, которые направлены на одностороннее изменение условий урегулирования.

В официальных выступлениях российских представителей неизменно поднимается тема использования территории Косово для дестабилизации региона. Так, в мае 2016 года представитель РФ в ООН В. И. Чуркин прямо заявил, что «...Косово стало убежищем и транзитным центром для радикальных исламистов, которые используют эту территорию для вербовки и обучения, а Косово имеет наибольшее количество боевиков, воюющих за Исламское государство» [7], что является аргументом для недопущения поспешного признания независимости Косово.

В Боснии и Герцеговине Россия последовательно выступает за сохранение Дейтонского соглашения (1995) как основы государственного устройства. Этот документ, положивший конец войне, создал сложную федеративную структуру, в рамках которой Республика Сербская обладает широкой автономией. В сентябре 2025 Президент Республики Сербской Милорад Додик заявил, что «... Республика Сербская благодарна России за понимание в отношении ситуации в Республике Сербской и Боснии и Герцеговине, когда сохраняется опасность того, что сербский народ может оказаться в еще худшем положении в результате так называемых «окончательных решений», запланированных Западом» [9]. Ранее М. Додик вручил Президенту России высшую награду Республики Сербской за укрепление сотрудничества между двумя странами и поддержку Дейтонского соглашения со созданием БиГ [9]. Как отмечает Б. Сталетович, М. Додик, остаётся доминирующей политической фигурой, а «...Россия легитимизирует свою роль, апеллируя к общей славянской и православной идентичности, при этом Сербская православная церковь выступает важным культурным и идеологическим каналом» (*перевод наш*) [1, с.252]. Так, российская поддержка Республики Сербской имеет не только политическое, но и духовное измерение. Примером является строительство Спасо-Преображенского русско-сербского храма и Духовно-культурного центра в Бая-

Луке, что демонстрирует тесные культурные и религиозные связи между Россией и Республикой Сербской [10].

В январе 2026 года М. Додик заявил в Баня-Луке, что «...“ничего не будет прежним” и подтвердил, что настаивает на возвращении Дейтонских юрисдикций в состав Республики Сербской чтобы она “проводила выборы самостоятельно”» [11], он поддерживает политику России и анонсировал празднование Дня государственности Сербии (Сретенье) на территории Республики Сербской. В марте 2026 года в интервью РИА Новости Додик заявил, что НАТО на Балканах в ходе развала Югославии отработывала план нападения на Россию: «...события на Балканах стали для НАТО своего рода тренировочной площадкой перед реализацией планов, которые впоследствии начали осуществляться на украинском направлении» [12].

Ключевым инструментом российской политики на Балканах является использование статуса постоянного члена СБ ООН. Спикер парламента Сербии Ивица Дачич заявил, что Россия помогает в защите национальных интересов Сербии и «...единственная страна, которая наложит вето на признание Косово в Совете Безопасности» [13].

Значительное место в российской стратегии занимает культурное и гуманитарное сотрудничество, получившее название «народная дипломатия», которая, «является перспективным направлением для сотрудничества» [6]. Культурная дипломатия включает поддержку изучения русского языка и сербского языка в обеих странах, научные обмены, совместные исторические исследования. Министр НТР и ВО Республики Сербской Драга Мاستилович отметил, что два государственных университета — Восточно-Сараевский и Баня-Лукский заключили соглашения с научными центрами и университетами из различных регионов России, а «Республика Сербская тесно сотрудничает в области исторической науки с Российским историческим обществом» [6].

В январе 2026 года в интервью сербскому изданию «Политика» С. В. Лавров отдельно остановился на историческом измерении: «...многовековые традиции близости наших народов, память о братстве по оружию в борьбе против фашизма в годы Второй мировой войны это прочный фундамент, на котором развивается наше сотрудничество» [13].

Проведенный анализ официальной позиции Российской Федерации по этническим конфликтам на Балканах позволяет сделать следующий вывод.

Российская политика в регионе основывается на международно-правовом урегулировании, выработанном в 1990-е годы — Резолюции 1244 СБ ООН по Косово и Дейтонском соглашении по Боснии и Герцеговине. Россия неизменно выступает против любых попыток пересмотра этих документов или их одностороннего толкования. Резолюция 1244 остаётся «единственной легитимной основой для урегулирования косовской проблемы», а любые попытки подменить её являются «грубым нарушением международного права». Официальная риторика России строится вокруг противостояния Западу и защиты принципов многополярного мира. Россия использует широкий спектр инструментов для реализации своей политики, включая дипломатическую поддержку в СБ ООН, дипломатию культуры и памяти, а также поддержку пророссийских политических сил в регионе. Официальная позиция России получает широкую поддержку среди значительной части населения Сербии и Республики Сербской, что создает прочную базу для сохранения российского присутствия на Балканах

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Staletović, B. Russian Influence in the Western Balkans: Elite Receptivity and the Limits of Institutional Penetration // East European Politics and Societies. — 2026. — Vol. 40 (1). — Pp. 249–268.
2. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. — М.: Старый сад, 1998. — 466 с.
3. Ефременко Д. В. Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия // Международная аналитика. — 2021. — Т. 12, № 1. — С. 74–95.
4. Ответы МИД РФ на вопросы СМИ, поступившие к пресс-конференции Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году // МИД РФ: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2076307/ (дата обращения: 30.03.2026).
5. Россия предложила перед рассмотрением предложений Ахтисаари по Косово направить в Белград и Приштину миссию СБ ООН // Новости ООН: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2007/03/1103571> (дата обращения: 30.03.2026).
6. В Москве прошел III международный экономический форум «Россия – Балканы» // Институт стран СНГ: [сайт]. URL: <https://i-sng.ru/novosti/v-moskve-proshel-iii-mezhdunarodnyy-yekonom/> (дата обращения: 30.03.2026).
7. Russia believes EU tacitly supports Pristina on A/CSM issue (InSerbia) // UNMIK Media Observer: [сайт]. URL: <https://media.unmikonline.org/mediareports/serb-monitoring-7033> (дата обращения: 30.03.2026); Совбез ООН:

кто возражает, а кто поддерживает Приштину? // KoSSev: [сайт]. URL: <https://kossev.info/ru/sb-un-ko-ima-zamerke-a-ko-podrzava-pristinu/> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Выступление Д. А. Полянского на видеоконференции членов СБ - ООН по ситуации в Косово ООН // Постоянное представительство РФ при ООН: [сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/kosovo13042021> (дата обращения: 30.03.2026); Выступление С. В. Лаврова на общеполитической дискуссии 78-й сессии ГА ООН // Постоянное представительство РФ при ООН: [сайт]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/unga_230923 (дата обращения: 30.03.2026).

9. Додик: благодарность России за понимание Српски // SRpskaNAtional: [сайт]. – URL: <https://srpskanational.com/republika-srpska/dodik-gratitude-to-russia-for-understanding-srpska/2929> (дата обращения: 30.03.2026); Республика Сербская наградила Путина за поддержку Дейтонского соглашения – Dodik // TASS: [сайт]. URL: <https://tass.com/world/1562177> (дата обращения: 30.03.2026).

10. Кресты для русско-сербского храма доставлены в Баян-Луку // Православие RU: [сайт]. – URL: <https://pravoslavie.ru/158948.html> (дата обращения: 30.03.2026)

11. Dodik: After the visit to Israel, nothing will be the same, Dayton has been annulled, RS is moving towards independence // Vijesti: [сайт]. <https://en.vijesti.me/world-a/balkan/793542/Dodik%3A-Nothing-will-be-the-same-after-visiting-Israel-Dayton-is-annulled-RS-is-moving-towards-independence>. (дата обращения: 30.03.2026).

12. Додик рассказал о планах НАТО по нападению на Россию // РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20260329/nato-2083569753.html> (дата обращения: 30.03.2026)

13. «Russia is not allowing Kosovo to go to the UNSC, it is helping us in the protection of state and national interests», Dacic: With sanctions against it, Serbia would harm itself // BalkanWeb: [сайт]. URL: <https://www.balkanweb.com/en/Russia-is-not-allowing-Kosovo-to-go-to-the-UN-Security-Council-it-is-helping-us-to-protect-the-Dacian-state-and-national-interests-with-sanctions-against-it-Serbia-would-damage-itself/#gsc.tab=0> (дата обращения: 30.03.2026).

14. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова сербской газете «Политика» 3 февраля 2014 года // МИД РФ: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1630879/ (дата обращения: 30.03.2026).

ЕЖЕГОДНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЕДОМСТВЕННЫЙ СПРАВОЧНИК И СБОРНИК ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Голиков А. Г., д. и. н., профессор

e-mail: golikov@hist.msu.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

В статье проанализирована двуединая функция издания «Ежегодник Министерства иностранных дел Российской империи» — ведомственного справочника и сборника дипломатических документов.

Ключевые слова: внешнеполитическое ведомство Российской империи, международные отношения, Гулльский инцидент.

YEARBOOK OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE: DEPARTMENTAL HANDBOOK AND COLLECTION OF DIPLOMATIC DOCUMENTS

A. G. Golikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article analyzes the dual function of the publication “Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire” — a departmental directory and a collection of diplomatic documents.

Keywords: Foreign Ministry of the Russian Empire, international relations, the Hull Incident.

Ядро системы периодической печати дореволюционной России образовывали ведомственные издания. Они сообщали современникам официальную информацию и давали её трактовку, которая должна была служить камертоном для публикаций в частных газетах и журналах. В XIX — начале XX века внешнеполитическое ведомство издавало специальную газету на французском языке [1]. В 1806-1812 гг. она именовалась «Journal du Nord», в 1813-1824 гг. — «Conservateur Impatrial», а с 1825 по 1906 г. — «Journal de St.-Pétersbourg». В 1907-1917 гг. под тем же наименованием выходила частная газета.

Кроме того, в 1869 году МИД напечатал «Справочную книгу для должностных лиц и заграничных установлений Министерства иностранных дел» [2], а в 1861-1916 гг. издавался «Ежегодник Министерства иностранных дел Российской империи» (Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année. St.-Pétersbourg. 1861-1916). Первоначально текст печатался на французском языке, а с 1886 г. — на русском и французском языках [3].

В статье охарактеризовано содержание томов «Ежегодника» и на конкретном примере показано значение для историков опубликованных на их страницах дипломатических документов.

«Ежегодник» содержал сведения о государственном устройстве Российской империи. Справочно сообщалось о днях рождений и тезоименитств императоров и членов царствующего дома. Печатался перечень высших и центральных учреждений с указанием лиц, их возглавлявших.

Подробно перечислялись структурные подразделения центрального аппарата МИД: Совет министерства, состоящий при министре; Канцелярия министерства и состоящие при ней экспедиции; департаменты; архивы (Санкт-Петербургский и Московский); а также заграничные учреждения ведомства — посольства, миссии, консульства. В каждом случае сообщались сведения по их личному составу. Поскольку справочник издавался в течение более полувека в нем сосредоточена информация о чиновниках внешнеполитического ведомства России за вторую половину XIX — начало XX вв.

Равным образом в «Ежегоднике» представлены «правители стран и народов во всех частях света» и персоналии дипломатического корпуса иностранных государств, аккредитованные Петербургом в качестве руководителей и сотрудников посольств, миссий и консульств для работы в России.

Для желавших поступить на службу в МИД печатались программы экзаменов и списки рекомендуемой для подготовки к ним литературы. Чиновники ведомства находили здесь нормативные документы, регламентирующие их деятельность: Учреждение МИД 1868 года с последующими изменениями, консульский регламент, циркуляры по МИД, а для справок — тарифы на услуги телеграфа и почты, сравнительные таблицы курса рубля и иностранных валют, правила взимания консульских сборов и многое другое.

Значительное место в томах «Ежегодника» занимали официальные публикации дипломатических документов. Такие тематические подборки материалов могли быть значительны как по составу, так и по объёму. Например, в том за 1871 год включены: дипломатическая переписка за октябрь-декабрь 1870 года по поводу отмены ряда статей Парижского договора 1856 года; протоколы заседаний Лондонской конференции; договор от 3 марта 1871 года о пересмотре постановлений Парижского договора 1856 года.

В томе за 1877 год опубликована подборка документов, посвященных Восточному вопросу. Здесь находим: манифест императора

Александра II от 12 (24) апреля 1877 года и циркуляр князя А. М. Горчакова об открытии военных действий против Турции. В следующем томе за 1878 год напечатаны: протокол от 19 (31) января 1878 года о принятии турецкими делегатами предварительных условий о мире и установлении перемирия; Сан-Стефанские мирные прелиминарии от 19 февраля (3 марта) 1878 года; циркуляр князя Горчакова от 28 марта (9 апреля) 1878 года с приложением памятки записки в ответ на циркуляр маркиза Солсбери от 1 апреля 1878 года о великобританских интересах; протоколы заседаний Берлинского конгресса с приложениями и Берлинский трактат от 13 (25) июля 1878 года.

В томе «Ежегодника» за 1902 год напечатаны конвенции и декларации, подписанные на I конференции мира в Гааге в июне 1899 года. Конференция была созвана по инициативе России, поэтому здесь же помещены тексты правительственных сообщений в связи с этапами подготовки этого форума, а также Заключительный акт международной конференции мира.

Начиная с тома за 1894 год, дипломатическое ведомство регулярно публиковал перечни документов, вошедшие в ранее изданные «Ежегодники».

Хорошо известно, что публикации документов, которые государства осуществляют в условиях международных кризисов, служат интересам политики. Так, в 1905 году, во время русско-японской войны, когда Англия, союзная Японии, фактически выступала на стороне последней, в очередном томе «Ежегодника» российского МИД был опубликован текст «Декларации, подписанной с Великобританией 12-го (25-го) ноября 1904 года о соглашении поручить Международной следственной комиссии разъяснение вопросов, касающихся происшествия в Северном море в ночь с 8-го на 9-е (21-го на 22-ое) сентября 1904 года» [4].

Тогда русские корабли Второй Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала З. П. Рождественского, двигаясь из Балтийского моря на Дальний Восток, в районе Доггер-банка (в Северном море) в условиях плохой видимости открыли огонь по неизвестным судам. В результате пострадали английские рыбаки, было повреждено несколько траулеров, а эскадра продолжила путь, не пытаясь оказать помощь пострадавшим. Командующий эскадрой и её офицеры отстаивали тезис об атаке японских миноносцев, о которых предупреждали данные агентурной разведки. В англо-русских отношениях возник острый кризис.

В литературе это событие получило название Гудльский инцидент. Его история исследована в монографии Д. Б. Павлова [5]. Тема по-прежнему привлекает внимание учёных, о чём свидетельствуют, в частности, опубликованные уже в 2020-е годы статьи А. Г. Голикова [6] и Г. А. Гребенщиковой [7].

12 (25) октября британский статс-секретарь по иностранным делам маркиз Г. Ленсдаун вручил российскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу ноту с требованием немедленных извинений, полного удовлетворения пострадавших и гарантий против повторения инцидента. Аналогичную ноту направили послу в Петербурге сэру Ч. Гардингу для вручения российскому министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу. Лондон настаивал, чтобы поход эскадры был остановлен, угрожая в противном случае войной, а также на тщательном расследовании и суровом наказании виновных. Предложение Ламздорфа 15 (28) октября создать Международную следственную комиссию Лондон принял. Однако стороны решительно разошлись в понимании характера и задач деятельности комиссии [8].

В комиссию должны были войти высшие морские офицеры от обеих заинтересованных государств и трёх других держав. Её составили пять адмиралов, представлявшие Россию, Англию, Францию, США и Австро-Венгрию. Комиссия приступила к работе 9 (22) декабря в Париже под председательством французского адмирала Ф. Фурнье.

Не дожидаясь вердикта комиссии, в Лондоне опубликовали так называемую «Синюю книгу» — сборник дипломатических документов, представленных английским правительством парламенту в связи с инцидентом в Северном море [9]. Своё название сборник традиционно получил по цвету обложки книги. В неё были включены 96 телеграмм за период 23 (10) октября — 25 (12) ноября 1904 года, которыми обменивались руководители дипломатического ведомства Великобритании и посольство в Петербурге. Документы позволяют последовательно проследить процесс выработки двусторонней декларации держав. Лондон настаивал на суде над русскими офицерами и безапелляционно требовал сурового наказания виновных. Однако вынужден был отступить.

Российский МИД огласил только итоговый документ. В опубликованном тексте Декларации от 12 (25) ноября 1904 года (статья 2) задача следственной комиссии формулировалась следующим образом: «Комиссия исследует и даст отзыв о всех обстоятельствах,

имеющих отношение к происшествию в Северном море, и в частности даст заключение, на ком лежит ответственность, и о степени порицания, лежащих на подданных обеих высоких договаривающихся сторон, или на подданных других стран, в том случае, если следствием их ответственность будет установлена».

12 (25) февраля 1905 года петербургская газета «Новое время» сообщила, что Международная следственная комиссия вынесла вердикт. Единогласно принятое членами комиссии постановление гласило, что происшествие в Северном море «по духу своему, не может послужить каким-либо умалением военных качеств или гуманных чувств адмирала Рожественского или личного состава его эскадры» [10].

Сообщая об этом решении, газета констатировала: «Доклад комиссии является большой дипломатической победой России... Заключение это и притом единогласное является в высшей степени важным для России, так как совершенно устраняет вопрос о каком-либо порицании адмиралу Рожественскому или чинам эскадры» [11].

Публикация «Декларации» от 12 (25) ноября 1904 года в «Ежегоднике» российского МИД и материалы, изданные английской стороной, ярко характеризуют действия дипломатии двух держав в ходе конфликта. В то время как Лондон обрушил на современников лавину эмоционально окрашенной информации, явно надеясь повлиять на общественное мнение и косвенно оказать давление на заседавших в Париже адмиралов, Петербург искусно действовал на поле закрытых для публики переговоров. Русские дипломаты сумели предложить и отстоять собственную версию декларации, использовав наработки в сфере международно-правовых отношений, одобренные Гаагской конференцией мира. А затем, опираясь на поддержку союзной Франции, добиться благоприятного решения Международной следственной комиссии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Голиков А. Г.* «Journal de St.-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. — 2003. — С. 3–16.
2. *Шатохина-Мордвинцева Г. А.* «Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел» и её автор-составитель Михаил Николаевич Никонов // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2023. — Т. 14. № 9 (131). Порядковый номер 13.

3. Ежегодник Министерства иностранных дел Российской империи. СПб., 1886-1916; Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année. St.-Petersbourg. 1861-1916.

4. Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1905. St.-P. 1905. — Р. 225–228

5. Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: секретные операции на суше и на море. — Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 524 с.

6. Голиков А. Г. Публикации в прессе о так называемом Гульском инциденте в фокусе внимания российского Министерства иностранных дел // «Не отступать от исторической правды...». К 100-летию со дня рождения доктора исторических наук К. Ф. Шацилло. — Москва : ИРИ РАН, 2024. — С. 356–362.

7. Гребенщикова Г. А. «Наша эскадра стреляла не по каким-то подозрительным судам, но по неприятельским миноносцам, шедшим на неё в атаку». Военный инцидент, произошедший между Россией и Англией в Северном море 8 (21) — 9 (22) октября 1904 года // Военно-исторический журнал. — 2025. — № 3. — С. 44–53.

8. Рыбачёнок И. С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. — Москва : Росспэн, 2012. — С. 110–118.

9. Correspondence belating to the North sea incident. Presented to both Houses of Rarlament by Command of His Majesty. London. February. 1905.

10. Новое время. 1905. 17 февраля (2 марта). Внешние известия. Постановление комиссии по происшестввию в Северном море.

11. Новое время. 1905. 13 (26) февраля. Корреспонденция «Нового времени».

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Гребенкин А. Н., д. и. н, доцент

e-mail:angrebyonkin@mail.ru

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел

В статье представлен анализ взглядов поэта, дипломата и мыслителя Ф. И. Тютчева на внешнеполитические интересы России. Особое внимание уделено противостоянию России и Запада. Выявлены факторы, которые, по мнению Тютчева, обуславливали это противостояние, рассмотрено взаимовлияние религиозной и политической составляющих борьбы России и европейских государств. Охарактеризован проект создания православной Восточной империи, которая должна была включить часть западного мира.

Обоснована актуальность идей, высказанных Тютчевым, в контексте современного противоборства России и Запада.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, Россия, Запад, православие, папство, противостояние, Восточная империя.

RUSSIA'S FOREIGN POLICY INTERESTS IN THE REPRESENTATION OF F. I. TYUTCHEV

A. Grebenkin

Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel

The article presents an analysis of the views of poet, diplomat and thinker Fyodor Tyutchev on Russia's foreign policy interests. Special attention is paid to the confrontation between Russia and the West. The factors that, in Tyutchev's opinion, caused this confrontation are identified, and the mutual influence of religious and political components of the struggle between Russia and European states is considered. The project of creating an Orthodox Eastern Empire, which was supposed to include a part of the Western world, is described. The relevance of the ideas expressed by Tyutchev is substantiated in the context of the modern confrontation between Russia and the West.

Keywords: F. I. Tyutchev, Russia, West, Orthodoxy, papacy, confrontation, Eastern Empire.

Ф. И. Тютчев много лет отдал дипломатическому поприщу. Мысли и замечания великого поэта по поводу не только современных ему, но и исторических событий, размышления о судьбах России и ее историческом предназначении в контексте мировой политики сохраняют свою актуальность и поныне. Тот Запад, о борьбе с которым Тютчев писал в середине XIX в., продолжает оставаться нашим главным противником. И пусть политические проекты, которые рождались в создании гениального мыслителя почти два столетия назад, уже не в полной мере соответствуют сегодняшним геополитическим и социокультурным реалиям, ряд его тезисов и предложений могут найти себе полноценное место в арсенале современных российских дипломатов.

Магистральной тенденцией развития современного ему мира поэт считал противостояние России и Запада, которое выходит далеко за рамки политического противоборства и имеет религиозную, культурную, цивилизационную окраску. При этом генератором неприязненного отношения является именно Запад. Тютчев писал: «Современная мысль, дитя Запада, видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию» [5, с. 117]. «Вина» России при этом заключается лишь в законных попытках

реализации ею ее внешнеполитических интересов. Наша страна последовательно выступает в качестве центра объединения Восточной Европы, защитницей восточноевропейских государств, и в силу этого в глазах Запада, не признающего иной, отличной от него Европы, является его антагонистом. Недоброжелатели России, как отмечал Тютчев, настаивали на том, что она «занимает огромное место в мире, и тем не менее... представляет собой лишь материальную силу и ничего более» [5, с. 130]. Впрочем, в представлении Запада высококоразвитая Византийская империя также всегда являлась чем-то отсталым, варварским, диким.

Россия, по мнению поэта, в качестве самостоятельной цивилизации лишь начинает свой путь, и когда она достигнет необходимой степени политического самосознания, то добьется признания Западом. Первая попытка отстоять свои права в качестве субъекта большой политики была предпринята Петром Великим. По мнению современного исследователя Е. В. Линьковой, Тютчев утверждал, что «российский император буквально заставил страны Западной Европы принять факт существования России как равной силы, как центра Восточной Европы, как геополитическую величину» [2, с. 41]. Все необходимые предпосылки для того, чтобы заявить о своих интересах, у России есть. Наша страна имеет историю, гораздо более славную, чем исторический путь государств Западной Европы. Отмеченное В. С. Глаголевым иррациональное восприятие Тютчевым истории порождает исторический провиденциализм. По мнению поэта, «История (написано с большой буквы самим Тютчевым. — А. Г.), в течение трех столетий разрешавшая в ее пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал все это время свои таинственные судьбы» [5, с. 112], является истинной защитницей России. Российская империя выступает в качестве преемницы Византии, Восточной империи, которая, в свою очередь, что бы ни говорили на Западе, является законной и прямой преемницей Римской империи. Российский император «необходимо и будет единственным законным государем православного Востока, к тому же осуществляющим свою верховную власть в той форме, которую сочтет подходящей» [5, с. 135]. Органически присущие всем славянским народам панславистские настроения находят отражение и в политической сфере; единственно возможной формой политического единства может стать только объединение под властью России. При этом религиозный фактор, принадлежность к православию обладает приоритетом перед фактором национальным так же, как дух

имеет главенство над телом. Объединенное славянство призвано стать телом грядущей Восточной империи, православие же будет ее душой. В советской историографии эта концепция Тютчева названа «панславистской утопией» [4, с. 196]. Однако геополитическое единство Евразии, пусть и не на православно-славянской основе, столетие спустя обрело вполне зримые очертания.

Православный Восток может полноценно существовать лишь при условии обретения политического единства, и славяне должны сплотиться вокруг России, ибо они «всего лишь составные части единого живого организма» [6, с. 234]. Задачей России является восстановление империи, для чего необходимо устранить вредоносное воздействие католической церкви и Османской империи. В свою очередь, восстановлению Восточной империи должно содействовать решение Восточного вопроса в пользу России. Если возвращение Константинополя мирным путем невозможно, то его следует вернуть силой оружия.

Таким образом, противостояние между Восточной империей и Западом, как и борьба Западной и Восточной церквей, неизбежны. По мнению Тютчева, борьба России и Запада не прекращалась никогда, в ней были лишь кратковременные паузы. В своей «Записке», написанной в 1849 г., мыслитель утверждал, что «Борьба между Западом и нами готова разгореться еще жарче, чем когда бы то ни было, и на сей раз опять, как и прежде, как всегда, именно римская Церковь, латинская Церковь оказывается в авангарде противника» [5, с. 131]. Победу России должно облегчить то обстоятельство, что Запад расколот на революционеров и их противников и не может оказать сильного сопротивления.

В основе политической борьбы лежит религиозный разлом. Восточная церковь является истинной наследницей вселенской церкви, в то время как притязания Запада на религиозную гегемонию не имеют под собой прочной основы. Протестантизм, по мнению Тютчева, изжил себя, а католическая церковь погрязла в мирских дрязгах и забыла об истинном предназначении религии и связанных с ней организаций. Следствием политики Рима стало искажение христианства, распространение ересей и атеизма. Еще более губительным было воздействие Рима на политическую жизнь Франции, Германии, Италии. Провозглашение автономии воли человека и крайние формы индивидуализма породили революционный взрыв. Что касается славянства и России, то для них папство было и продолжало оставаться злейшим врагом, поощрявшим колониза-

ционную политику, вдохновлявшим тех, кто осуществлял «натиск на Восток». Польша и Чехия были уничтожены в цивилизационном отношении. Оставшаяся часть славянского мира была спасена Россией.

Необходимым условием объединения церквей является лишение Папы Римского светской власти, тем более что Запад в XIX столетии не оставлял попыток создать на Востоке подчиненную ему Латинскую империю и тем самым распространить там свое политическое влияние. Подобный опыт уже был — Латинская империя была создана в 1204 г., после разгрома Византии в ходе Четвертого крестового похода. Это было проявлением политики, направленной на создание системы прямого управления другими государствами. Латинская империя просуществовала в течение нескольких десятилетий, до 1261 г., когда никейский император Михаил VIII Палеолог взял Константинополь и провозгласил себя императором Византии. Таким образом, «подлинная Восточная Империя, православная Империя, значительно восстановилась после своего упадка» [5, с. 136]. Православное христианство, защищавшее Византию в течение целого тысячелетия и являвшееся основой ее государственной и общественной жизни, стало связующим звеном между ней и Россией. Россия восприняла церковь в качестве главной опоры своей государственности, своей цивилизационной сущности. Именно поэтому все усилия Запада направлены на то, чтобы разорвать органическую взаимосвязь между российской государственностью и православием, лишить православие его животворящей силы.

Поскольку Россия является главным препятствием на пути экспансионистских устремлений Рима, она является для папского престола злейшим врагом. Будущее христианства лишь за вселенской церковью, поэтому восстановление христианского единства — это ключевой вопрос, который предстоит решить в контексте организации диалога между Россией и Западом.

В XIX в. Запад перешел от прямого политического вмешательства в жизнь Востока к косвенным методам: «...он стремится подстрекать и покровительствовать там созданию малых незаконно-рожденных народностей, так называемых независимых малых политических образований, пустых, весьма лживых и лицемерных призраков, пригодных к тому же скрывать подлинную действительность, которая не изменилась с тех пор: она заключается в стремлении Запада к господству» [5, с. 138]. Если не знать, что эти строки написаны Ф. И. Тютчевым почти 180 лет назад, то можно подумать, что речь идет о создании «санитарного кордона» вокруг Советской

России и СССР в 1920-е — 1930-е гг. или же о поддержке неонацистского режима на современной Украине за счет усилий коллективного Запада.

Победа русской партии в Греции в 1844 г. стало важным подтверждением того, что борьба Запада и Востока может привести к росту влияния России. Однако окончательное решение Восточного вопроса в пользу России должно произойти не на периферии, а «в центре, в самом сердце того мира на Христианском Востоке, в Восточной Европе» [5, с. 139].

У нашей страны был богатый опыт позитивного влияния на западноевропейские страны. Так, Россия оказывала покровительство германским государствам, и особенно заметной эта помощь была в 1813 г., в эпоху наполеоновских войн. Россия выступала против революционного процесса, восстанавливая историческую законность, ибо этот принцип лежит в основе ее собственной жизни. Впоследствии в качестве защитника исторической законности выступил Николай I. Это обусловило сохранение нравственного союза между Россией и Германией. Российские правители, никогда не пропагандируя идей объединения Германии, тем не менее последовательно выступали за поддержку мелкими германскими государствами двух крупных — Пруссии и Австрии. Уничтожение Польши, с точки зрения Тютчева, выступает в качестве средства устранения препятствий на пути реализации исторических интересов России. Австрия, лишившись владычества над славянскими землями, утратит смысл своего существования, ибо воспринимается Западом лишь в качестве орудия борьбы с Россией. Она может сохраниться лишь при условии подчинения России. Австрия, а вслед за ней и другие части бывшей империи Запада — Германия и Италия — должны войти в состав славянской империи.

Тютчев писал о том, что столкновение по поводу будущности славянских народов, подвластных Австрии, могло стать прелюдией грандиозной войны между Западом и Россией. Аналогичным образом складывалась ситуация и в 1999 г. По мнению мыслителя, столкновение России и Запада должно было завершиться уходом Запада с исторической сцены и рождением грандиозной Восточной империи.

Большое место в размышлениях Тютчева занимает череда европейских революций 1848-1849 гг., свидетелем которых он был. Россия является естественным противником революционного насилия. В этом отношении она призвана взять на себя решение задачи

мирового масштаба. От исхода борьбы между этими двумя силами — Россией и революцией — зависит будущее всего человечества.

Попытки погасить пожиравшее Европе революционное пламя, как и борьба с Западом, в представлении Тютчева имеют религиозную основу. Противостояние между Россией и охваченным революцией Западом обусловлено в первую очередь тем, что православная вера и антихристианская по сути своей, основанная на торжестве индивидуального начала революционная идеология выступают в качестве антагонистов. Поскольку революционный процесс в европейских государствах в 1848-1849 гг. не породил движения, направленного против России, Тютчев сделал вывод, что революция была лишена какого-либо деятельного начала и представляла собой лишь болезнь, подлежащую излечению. Вся постнаполеоновская история Европы, в представлении Тютчева, являла собой грандиозную мистификацию, основанную на том, что порожденные революционным процессом рубежа XVIII–XIX вв. насилие и произвол пытались прикрыть ширмами конституций. Уничтожение при помощи философских теорий влияния христианства предопределило то, что насилие во время череды революций 1848 и 1849 гг. приняло крайние формы. Россия избежала общей участи лишь благодаря прозорливости Николая I.

По мнению Тютчева, один из законов истории заключается в том, что «самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия» [5, с. 154]. К числу таких противников нашего государства относится Венгрия, которая инстинктивно ненавидит Россию как силу, способную объединить славянские племена, окружающие венгров. Сами венгры считают, что им предначертана роль народа, призванного противодействовать России путем территориальной экспансии, жертвами которой должны стать Трансильвания, дунайские княжества и Сербия. Ослабление австрийского правительства в результате революции способно разжечь гражданскую войну. В свою очередь, в интересах России было не допустить мадьярской экспансии и объединить славян под своей эгидой. Дальнейшие взаимоотношения России и Венгрии были сложными. В 1956 г. освобожденные Красной армией от власти пронацистских сил венгры взбунтовались против политического диктата СССР. Ситуация 1840-х гг. имеет много общего с положением государств, на которые распалась бывшая Югославия, в 1990-е и 2000-е гг. А вот современная Венгрия в лице ее лидера В. Орбана, напротив, является одним из наших союзников.

Далеко не все идеи мыслителя были реализованы на практике. Уже через несколько лет после создания грандиозного плана Восточной империи Тютчев увидел, что война между Россией и Западом, которая, в его представлении, должна была привести к победе православия над папством и торжеству объединенного славянства, закончилась поражением России. Разочарованный поэт, некогда считавший Николая I провидцем, назвал его «лицедеем», служившим своей суе. Создатель концепции Восточной империи не отрекся от идеи объединения славянских народов, однако стал относиться к ней уже не как к руководящему принципу на ближайшую перспективу. Убеждение в неизбежности победы России над Западом поколебалось. В 1863 г., когда европейские страны выступили в поддержку восставших поляков и возникла угроза новой большой войны с участием России, Тютчев оценивал наши перспективы более чем скептически.

Однако внешнеполитическая обстановка не позволяла сдать идеи мыслителя в архив. В начале 1870-х гг., после выхода России из изоляции, поэт вновь поверил в свои прогнозы. Будем верить в них и мы. Политические статьи Тютчева, предметом которых выступают взаимоотношения России и Запада, будущность России как основы Восточной империи, приобретают особую актуальность именно сегодня. Поэт в своих политических статьях «показал хищническую сущность Запада, его геополитику, направленную на подчинение восточных территорий, формирование двойных стандартов» [3, с. 93]. Столкновение русско-славянско-православного и западного миров, о возможности которого писал мыслитель 180 лет назад, происходит на наших глазах. В связи с этим перед нами в очередной раз встает вопрос о поиске единомышленников и союзников, о том, кем мы должны стать, чтобы успешно противостоять нашим противникам. Мысль о формировании геополитической общности вокруг России как главного средства реализации ее внешнеполитических интересов — это то, что должен вынести из статей Тютчева каждый их внимательный читатель. Только при условии формирования мощного Восточного блока, способного подчинить и поставить себе на службу и часть западного мира, можно будет говорить о том, что будущность России прочно обеспечена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Глаголев В. С.* Дано ли нам предугадать, как слово наше отзовется? // Концепт: философия, религия, культура. — 2019. — № 1 (9). — С. 30–37.
2. *Линькова Е. В.* Внешняя политика Петра I в оценках российских консерваторов XIX в. // Вестник МГИМО-Университета. — 2022. — № 15(2). — С. 37–50.
3. *Наумчик В. Н.* Федор Иванович Тютчев и геополитические реалии России // Этнос и судьбы в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева: теория и практика (к 220-летию со дня рождения) : коллективная монография. — Брест : Альтернатива, 2023. — С. 88–93.
4. *Пигарев К. Ф.* И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. — 1935. — Том 19. — С. 177–256.
5. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6 томах. Т. 3 / сост. Б. Н. Тарасов. — Москва : Классика, 2003. — 528 с.
6. *Экштут С. А.* Тютчев: Тайный советник и камергер. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 263 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУШНЫМ ТРАНСПОРТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАПРЕДПРИЯТИЙ

Дрягин Д. С., студент

Строенский Е. В., студент

Научный руководитель — *Гордеев Д. А.,*
доцент кафедры «Комплексная безопасность на воздушном транспорте»

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
им. А. А. Новикова, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается современная система государственного управления деятельностью воздушного транспорта Российской Федерации. На основе анализа нормативно-правовой базы и ведомственных материалов подробно освещены функции Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиации) и его территориальных органов. Особое внимание уделено классификации и организационным структурам авиапредприятий, включая авиакомпании и аэропорты. Раскрываются задачи и функциональные обязанности ключевых служб, обеспечивающих перевозочный процесс. Делается вывод о трехуровневой системе управления, обеспечивающей взаимодействие государственных регуляторов и непосредственных исполнителей перевозок.

Ключевые слова: воздушный транспорт, государственное управление, Росавиация, авиапредприятие, авиакомпания, аэропорт, организационная структура, транспортная безопасность.

STATE MANAGEMENT OF AIR TRANSPORT
IN THE RUSSIAN FEDERATION: STRUCTURE, FUNCTIONS
AND ORGANIZATION OF AVIATION ENTERPRISES ACTIVITIES

Dryagin D., Stroensky E.

St. Petersburg State University of Civil Aviation named after A. A. Novikov

The article examines the current system of public administration of air transport activities in the Russian Federation. Based on the analysis of the regulatory framework and departmental materials, the functions of the Federal Air Transport Agency (Rosaviatsiya) and its territorial bodies are discussed in detail. Special attention is paid to the classification and organizational structures of aviation enterprises, including airlines and airports. The tasks and functional responsibilities of key services ensuring the transportation process are revealed. The conclusion is drawn about a three-level management system that ensures the interaction between state regulators and direct carriers.

Keywords: air transport, public administration, Rosaviatsiya, aviation enterprise, airline, airport, organizational structure, transport security.

Транспортное производство, являясь сложным технологическим комплексом, не может функционировать стихийно и нуждается в эффективном управленческом аппарате [1, с. 3]. Управление транспортом представляет собой одну из центральных проблем обеспечения его эффективной работы, выполнения перевозок в интересах экономики страны и обороноспособности. Для специалистов органов военных сообщений (ВОСО) глубокое понимание организационных структур транспортных органов является необходимым условием успешного взаимодействия [1, с. 3].

В Российской Федерации управление воздушным транспортом организовано по трехуровневой схеме, основанной на рекомендациях ИКАО: федеральный орган власти — территориальное управление — авиапредприятие [1, с. 17]. Целью данной статьи является анализ структуры, задач и функций органов государственного управления гражданской авиацией и подведомственных им авиапредприятий.

Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация)

Центральным звеном в системе государственного регулирования является Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация). Это федеральный орган исполнительной власти, находящийся в ве-

дении Министерства транспорта РФ [1, с. 4]. Росавиация осуществляет функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере воздушного транспорта, а также функции по государственной регистрации прав на воздушные суда и обеспечению транспортной безопасности [1, с. 4].

Организационная структура Росавиации представляет собой разветвленный аппарат, включающий управления, отвечающие за ключевые аспекты деятельности: летную эксплуатацию, поддержание летной годности, аэропортовую деятельность, транспортную безопасность, организацию использования воздушного пространства, правовое обеспечение и международное сотрудничество [1, с. 5]. Такой широкий спектр управлений позволяет агентству выполнять свои многочисленные функции, среди которых ключевыми являются:

- организация и проведение сертификации юридических и физических лиц, аэродромов и авиационной техники;
- лицензирование перевозок воздушным транспортом;
- ведение государственных реестров гражданских аэродромов, аэропортов и воздушных судов;
- организация расследований авиационных происшествий и разработка профилактических мероприятий [1, с. 6-7].

Территориальные органы управления

Для реализации государственной политики на местах созданы межрегиональные территориальные управления воздушного транспорта. Они являются территориальными органами Росавиации и осуществляют регулирование в закрепленных за ними регионах [1, с. 8]. На территории РФ свою деятельность осуществляют 16 таких управлений, расположенных в ключевых городах от Москвы и Санкт-Петербурга до Магадана и Петропавловска-Камчатского [1, с. 9].

В задачи территориальных управлений входит контроль за соблюдением законодательства, проведение сертификации региональных предприятий, контроль за поддержанием летной годности воздушных судов местных эксплуатантов, а также контроль за применением тарифов [1, с. 9]. Организационная структура таких управлений строится по функциональному принципу и включает отделы регулирования летной деятельности, авиационной безопасности, поддержания летной годности, сертификации и развития аэропортов [1, с. 11].

Авиационные предприятия как конечное звено управления

Заключительным и ключевым звеном в системе управления, непосредственно выполняющим перевозки, является авиационное предприятие (авиапредприятие). Согласно Воздушному кодексу РФ, под авиационным предприятием понимается юридическое лицо, основной целью деятельности которого является осуществление за плату воздушных перевозок или выполнение авиационных работ [1, с. 12].

Авиапредприятия могут существовать в различных организационно-правовых формах (акционерные общества, государственные унитарные предприятия и др.) и классифицируются по видам деятельности на эксплуатационные и неэксплуатационные [1, с. 13].

Эксплуатационные авиапредприятия непосредственно участвуют в перевозочном процессе. К ним относятся:

Авиакомпании — предприятия, осуществляющие перевозки на основе собственных или арендуемых воздушных судов. В России национальная система пассажирских перевозок построена по иерархическому принципу, включающему авиакомпании федерального, регионального и местного уровней [1, с. 14—15]. В структуру авиакомпании обязательно входят летная служба, авиационно-техническая база (АТБ), служба авиационной безопасности и коммерческая служба, занимающаяся продажей перевозок и развитием маршрутной сети [1, с. 16].

Аэропорты — это комплексы зданий и сооружений, предназначенные для приема и отправки воздушных судов и обслуживания перевозок. Деятельность аэропортов направлена на удовлетворение нужд населения и создание равных возможностей для всех пользователей — эксплуатантов и пассажиров [1, с. 17—18]. Возглавляет аэропорт генеральный директор, которому подчиняются заместители по ключевым направлениям: организации воздушного движения, производству, авиационной безопасности, коммерции и др. [1, с. 19—21]. Структура включает службы организации пассажирских и грузовых перевозок, спецтранспорта, аэродромную службу, службу досмотра и поисково-спасательного обеспечения [1, с. 20—21].

Предприятия по организации воздушного движения (Госкорпорация по ОрВД), которые часто выделяются из состава аэропортов в самостоятельные структуры [1, с. 13, 20].

Неэксплуатационные авиапредприятия (агентства воздушных сообщений, авиаремонтные заводы, учебные заведения, НИИ) являются вспомогательными и обеспечивают перевозочный процесс, но напрямую в нем не участвуют [1, с. 14].

Проведенный анализ показывает, что система государственного управления воздушным транспортом РФ представляет собой многоуровневую, функционально насыщенную структуру. Федеральное агентство воздушного транспорта и его территориальные органы задают нормативные рамки и контролируют безопасность, в то время как авиапредприятия, обладая различными организационно-правовыми формами и внутренней структурой, реализуют перевозочный процесс. Такая организация позволяет сочетать государственное регулирование с оперативной и коммерческой самостоятельностью перевозчиков. Понимание этих структурных и функциональных связей является необходимым для эффективного взаимодействия всех участников транспортного процесса, включая органы военных сообщений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гардюк А. Лекция № 63. Тема 50: Государственное управление деятельностью воздушного транспорта. — Петергоф : Военный институт (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО, 2015. — 23 с.
2. Воздушный кодекс РФ. — Москва, 1997.

НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЭЛИТЫ В УПРАВЛЕНИИ КОММУНИКАЦИЯМИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Казаков М. А., профессор
e-mail: kazakov_mihail@list.ru

Котов М. В., ассистент
e-mail: Kotov.M95@yandex.ru

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

В обстоятельствах новой международной реальности поступь современных форм и технологий политических коммуникаций несет в себе определенные вызовы, риски и угрозы. Прежде всего – дегуманизации и дезинформации, войн смыслов, разгула кибератак и манипуляций. Однако, она же, со всей очевидностью, накапливает, укрепляет потенциал эффективности деятельности национально-ориентированных элит. За счет роста состава и компетенций, практик системного мониторинга, анализа, разработки/внедрения комплексных стратегий противодействия и развития, объема

ресурсов и контроля над ними, дружеских форм общения, формирующих адекватный уровень восприятия субъектом усложняющейся действительности.

Ключевые слова: политические коммуникации, национальное государство, национально-ориентированные элиты, коммуникационная политика, коммуникационная стратегия, управление коммуникациями, цифровые медиа.

NATIONALLY ORIENTED ELITES IN COMMUNICATIONS MANAGEMENT IN FOREIGN POLICY

M. Kazakov, M. Kotov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

In the context of the new international reality, the advance of modern forms and technologies of political communication brings with it certain challenges, risks, and threats. These include, first and foremost, dehumanization and disinformation, wars of meaning, and the rampant use of cyberattacks and manipulation. However, it also clearly enhances and strengthens the potential for the effectiveness of nationally oriented elites. This is due to the growth of their composition and competencies, the practice of systemic monitoring, analysis, the development and implementation of comprehensive countermeasure and development strategies, the volume of resources and their control, and friendly forms of communication that foster an adequate level of understanding of the increasingly complex reality.

Keywords: political communications, nation-state, nationally oriented elites, communications policy, communications strategy, communications management, digital media.

Одной из реалий трансформирующегося мира является возросшее значение расширяющегося за счет бурного развития информационных технологий масштаба создания и осуществления *политических коммуникаций* (ПК). Ставшие условием и неотъемлемым элементом власти, они превращаются в современной международной политике, как в виды и формы выражения идейно-смыслового стратегического оружия Запада. Так и в действенные инструменты обеспечения национальной безопасности и суверенного развития стран, исторически следующих самостоятельным путем развития. Но уже в логике интеграционных отношений между собой на текущем этапе. В Концепции внешней политики РФ, с учетом цивилизационного опыта выживания и побед, указывается на необходимость совершенствования инструментов, и методов информационного сопровождения внешнеполитической деятельности России. ...повышения эффективности использования современных информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети [1].

В настоящих условиях данные аспекты неизменно сталкиваются с вопросом профессионального уровня политических элит, насколько глубоко они владеют знаниями и идеями в этой сфере, как реализуют их на практике в рамках политического управления обществом. Здесь же возникает и складывается проблема определения возможностей влияния национально-ориентированных элит на формирование современных международных отношений посредством *деятельности по управлению коммуникациями*. Она требует от акторов конструирования и создания адекватной картины мира, разработки и внедрения новых комплексных методов защиты интересов государства и общества. Это связано не только с дальнейшим их изучением, сколько со способностью обеспечить безопасность, являющейся отражением интеллектуальной и конкретной мощи того или иного государства.

Многомерность этой сферы деятельности можно рассматривать как особое организационное пространство. В нем взаимодействуют вполне определенные представители элит разных уровней и секторов власти (сред). Анализ заявлений политических лидеров чаще фиксирует формулу поведения государства с другими странами мира, позволяет говорить о выработанном подходе, позиции. Одновременно развитие концепций управления, включая его определение как процесса общения, приводит к росту значения концептуально-дискурсивных систем и институтов. Первые лежат в основе коммуникативного способа политического управления в эпоху перемен. Государство при проведении внешнеполитического курса обычно задействует потенциал всех институтов, влияющих на принятие решений в международной деятельности. С пристальным вниманием к арсеналу дипломатических инструментов, проясняющих цели и апробирующих средства, применяемых элитой политических коммуникаций.

Их миссия в РФ значительно изменилась с переходом содержания и трансляции политического контента к стратегическому планированию и управлению, осуществляемых руководством России совместно с элитой гражданского общества с начала второго десятилетия века. Этот процесс сопряжен с динамикой трендов сетевизации, медиатизации и цифровизации информационного пространства, по-разному трансформирующих сферу политики. В международной ее части, к примеру, наглядно рост коммуникационных диспропорций между институтами власти и общества, особенно в западноевропейских странах. Отражая кризис политического созна-

ния элиты, он выражается в подрывной (санкционной) борьбе с любыми достижениями государств многополярного мира, в пику нормальному общению между народами, их информационно-коммуникационному взаимодействию (Ю. Хабермас, А. Дегтярев, Н. Луман и др.).

Закономерным ответом на эти вызовы в России стало управление с позиций государственной власти, усиление роли правительства Российской Федерации. Его коммуникаций, связанных с экономической стабильностью, финансовым и технологическим суверенитетом, что формируют содержание информационных потоков, направленных на различные целевые аудитории. Регулярно уточняют цели, задачи государства и, вокруг которых, сегменты национально-ориентированной элиты выстраивают политические коммуникации — макро-, мезо- и микро-уровня. На макро-уровне ПК — важный элемент формирования публичной повестки государства и инструмент стратегического лидерства. На мезо-уровне — элемент ведомственных и региональных медиа- и управленческих стратегий. На макро-уровне — инструмент реализации гражданских инициатив и функций.

Изменения затронули и дискурсы. Главным среди них стала политика развития в спектре составляющих ее разновидностей. В них государственная коммуникационная политика (ГКП) — инструмент публичного управления. С опорой на концептуально-дискурсивные системы, что лежат (как мы уже отмечали) в основании коммуникативного способа политического управления. Он заключается в том, что каждый уровень власти создает и реализует свои коммуникационные стратегии. Они включают как базовые векторы: а) формирование положительного восприятия обществом проводимого политического курса; б) позиционирование власти (ее институтов) и представляемого государства. В нашем случае на международной арене в соответствии с местом и ролью, которыми они обладают в мировой политической системе. Так и те политические механизмы, что обеспечивают реализацию целей коммуникационной политики страны, регионов. А также меры, что направлены на решение комплекса разнородных задач в общественном и глобальном измерении.

Их исполнение связано со структурой и ресурсами элит. Считаем, что процессы структурирования национально-ориентированной элиты, как и воплощение на практике ее ресурсов, происходит в каждой из стран многополярного мира по-разному, различны при

этом и результаты – сформированные институты власти, отношения между политической и социальными системами, между управляющими и управляемыми. Следует различать объективные и субъективные факторы, ключевые и побочные эффекты, уплотняющие системы связей элит и социума в процессе реализации коммуникационной политики. Они представляют синергию смыслов, факторов и феноменов, алгоритмов, дискурсов и решений, принципов и ценностей, разнонаправленных воздействий, реакций и взаимодействий. Предусматривающих, с одной стороны, создание государством условий для его управления. С другой, — использование созидательного потенциала общества, рассматриваемого в рамках субъект-субъектного подхода и как объект, и как субъект ГПП.

В *информационно-коммуникативном* воздействии на него, выраженном, как правило, в формально-деловых сообщениях, имеющих в качестве источника коммуникации официальную власть, элита выполняет ориентационную и интеграционную функцию по отношению к населению государству, на территории которого эта власть осуществляется. Идентификационную функцию для ее позиционирования, социализирующую и коммуникационную для обеспечения устойчивых форм организации и политической самоорганизации. В *управляющем* воздействии важна предельно возможная объективация не только внутренней структуры объектов, но и того пространства, что их окружает. В этом ракурсе его охвату и подлежат базовые процессы внешнеполитической деятельности институтов общества и государства.

Национальное государство, пребывающее в новых условиях в значении превалирующей административно-территориальной организации власти, обеспечивающей функционирование структуры социального взаимодействия в процессах внутри- и внешнеполитического характера, позволяет раскрыть и уточнить роль национально-ориентированных элит [2] в двух (из ряда легитимизирующих порядок) важных аспектах. Первый — это обеспечение политической безопасности, которая является главным условием для конструктивного развития интеграционных связей и проектов стран, следующих суверенному развитию. Второй — это воспроизводство стабильных политических отношений внутри них.

В первом случае речь идет о существовании некоего общего алгоритма безопасности, что выработали страны, ведомые национально-ориентированными элитами. Здесь достаточно упомянуть БРИКС+. Грани второго аспекта складываются в процессе реализа-

ции политических интересов и потребностей людей, действующих в конкретных пространственно-временных измерениях. Выражают взаимосвязи между субъектами политики через власть и тем самым определяют остальные общественные отношений [3]. Проявляются на уровне адекватных запросам масс коммуникационных стратегий элит, отражающих участие власти в постоянном многослойном диалоге с гражданами на регулярной основе

Взаимозависимость этих аспектов, как и соответствие их содержания демократическим нормам, доказывается практикой, но достигается, прежде всего, за счет СМИ. В XXI веке они по-иному выстраивают свои приоритеты, опираясь на возможности государства. А процессы коммуникации попадают в сферу его стратегирования как способа управления. Однако, сам механизм создания коммуникационной стратегии национальных элит еще предстояло скорректировать и встроить в створ элементов идеологического, институционального и социологического порядка, которые способствуют формированию политического управления страны на известном этапе развития (*Жан-Луи Кермонн*) [4].

Данному моменту предшествовал период «задруживания» не только России с Западом и только после ее выхода из G8 в 2014 году возможность запуска этого механизма обусловил ряд пересекающихся линий. В теоретической модели данного процесса в РФ, поэтому за точку отчета нами взят более длительный временной интервал в динамике меняющейся ситуации 2012-2014 гг. Тогда «маятник федеративных отношений пошел в сторону большего усиления прерогатив регионов» [5]. Во-вторых, стартовал второй этап институционализации диалога государства и гражданского общества (2012-2022 гг.). С испытанием его на прочность в условиях начавшейся гибридной войны Запада [6]. В частности, «подстегнувшей» переориентацию БРИКС с региональных на глобальные проблемы. В-третьих, летом 2014 года вышел Федеральный Закон РФ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7]. И т. д.

Все эти факторы (в купе с уточненными ФЗ значениями термина «стратегия») помогли руководству РФ углубить системный анализ характеристик внутренней и мировой обстановки. Повлияли на формирование новых правил и механизмов в процессах национализации элит и модернизации народно-хозяйственного комплекса. Позволили преодолеть вызванные прежней (неолиберальной) коммуникационной стратегии риски, в первую очередь, порождающие рассогласованность структур во внешней политике. Усовершенство-

вать государственную коммуникационную политику, сделав ее более открытой и понятной российскому обществу. Особенно в части отношения к действиям «коллективного Запада».

Парадокс в том, чтобы лучше понять специфику, несущей ими угроз, ее нужно периодически помещать в контекст внешнеполитической, информационной и иных видов безопасности. В начале века исследователи отмечали, что «в рамках глобализации информационных отношений, а также с целью усиления своей роли (экономической, политической и военной) ведущие государства мира включили в государственный стратегический курс новый принцип информационной политики — необходимость достижения информационного превосходства» [8]. Вследствие этого резко возросло искажение реальности, посредством технологий в процессе фальсификации информации. Производство противоположных смыслов, в т.ч. политических, преумножающих число идеологических продуктов сомнительного качества. В итоге информационное превосходство на практике обернулось вмешательством Запада в коммуникационные процессы других стран.

В середине второго десятилетия С. В. Володенков указывал на то, что «борьба за смещение конструируемой в ходе политической коммуникации псевдореальности в желаемую актором сторону является сутью информационного противоборства в современном мире» [9]. Уже тогда она затрагивала не только экономическое, но и социокультурное, экологическое и иные пространства. Наконец в наши дни, «ведущие игроки на мировой и экономической арене делают ставку на обеспечение лидерства в области массовых коммуникаций и формирование эффективной медиасистемы. Данные процессы сопровождаются внедрением перспективных информационно-коммуникационных технологий в политическую практику, для решения внутри- и внешнеполитических задач, особенно в тех сферах, которые определяют национальную мощь и влияние» [10].

В обстоятельствах новой международной реальности поступь современных форм и технологий политических коммуникаций несет в себе определенные вызовы, риски и угрозы. Прежде всего — дегуманизации и дезинформации, войн смыслов, разгула кибератак и манипуляций. Однако, она же, со всей очевидностью, накапливает, укрепляет потенциал эффективности деятельности национально-ориентированных элит. За счет роста состава и компетенций, практик системного мониторинга, анализа, разработки/внедрения комплексных стратегий противодействия и развития, объема ресурсов и контроля над ними, дружеских форм общения. Он материализуется в

степени открытости/прозрачности/подотчетности действий исполнительной власти, информационно-коммуникационного взаимодействия между государством и обществом. Опирающихся на надежную обратную связь от граждан, социальных групп, к представляющим их интересы структурам — партиям, правительству, президенту или, наоборот, «группам интересов», активно использующих в выдвижении своих требований к органам власти интернет и цифровые медиа.

Цифровые медиа — отдельная глава в развитии политических коммуникаций. Из инструмента передачи данных, необходимых элите для принятия решений, они превратились в институциональный элемент, не только формирующий общественное мнение, но и обеспечивающий воздействие на мировые информационные потоки. На фоне не утихающих в экспертном сообществе споров вокруг «информационных войн» и снятия противоречий содержания в факте самого существования такого вида оружия, как информационного [11]. Цифровые медиа сокращают разрыв между теоретическими представлениями и о них, собственном потенциале и практикой их применения естественной включенностью в глобальное информационное и коммуникационное пространство. Это приводит к повышению результативности коммуникаций государства (элит) с обществом и странами-партнерами на международной арене. Даже с теми, на территории которых разворачиваются конфликты.

Современные войны заставляют национально-ориентированные элиты интенсифицировать поиск, как механизмов внутривнутриполитической стабильности, так и обеспечения региональной и международной безопасности. Посредством, в первую очередь, обретения/упрочения разного рода ресурсов, статусов/представительств, связей/союзников для влияния на мировые экономические и политические процессы. В том числе, через информацию цифровых медиа и СМК. Где реальность западных стран раскрывается через модели и практики, сводящие воедино институциональные преобразования с технологической модернизацией, историческую память с идеологией развития и социальными программами. Где власти преимущественно с научными подходами на понимании онтологических вызовов, знании жизненных приоритетов и мировоззренческих установок современников способны управлять спектром коммуникаций в культурно-историческом осознании перемен.

Характер и направленность реализуемой отечественной элитой коммуникационной стратегии не только связывает дружескими отношениями целый ряд народов, государств мира, но и структуриру-

ет, стимулирует возможности для упорядочивания международных отношений. По крайней мере, в лице расширяющегося круга сторонников многополярного миропорядка, отвечающего в противовес хаосу от действий прежних «избранных» социальным требованиям преобладающей части планеты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 18.12.2025).

2. Казаков М. А., Котов М. В. Национально-ориентированные элиты во внешней политике // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции. — Самара : Самарама, 2025. — С. 74—84.

3. Сирота Н. М., Мохоров Г. А. Основы политической науки. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2018. — С. 33—34.

4. Jean-Louis Quermonne. Les régimes politiques occidentaux. URL: <https://bigenc.ru/b/les-regimes-politiques-occidentaux-b185a1> (дата обращения: 20.12.2025).

5. Никонов В. А. Современный мир и его истоки. — Москва : Изд-во Московского университета, 2015. — С. 400.

6. Казаков М. А., Котов М. В. Проблемы войны и мира в условиях нарастания внешних угроз суверенитету России: 2012-2022 гг. // Вестник Тамбовского государственного университета: Серия Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 29. № 3. — С. 869—879.

7. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 20.12.2025).

8. Родионов М. А. Информационное противоборство: история и современность // Безопасность. — 2002. — № 7-8 (58). — С. 156—166.

9. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. — Москва : Изд-во Московского университета : Проспект, 2015. — С. 29.

10. Янгляева М. М. Политическая медиагеография как основа технологии проектирования и прогнозирования политических процессов : автореф. дисс. ... докт. полит. наук. — Москва : РГГУ, 2024. — С. 3.

11. Манойло А. В. Стратегические информационные операции и оперативные игры спецслужб. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2024. — С. 290.

ПАРОВОЗЫ И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА: КОНФЛИКТ НА КВЖД 1933 г.*

Кротова М. В., д. и. н., ведущий научный сотрудник

e-mail: mary_krot@mail.ru

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

В статье рассматривается конфликт на КВЖД после оккупации Маньчжурии Японией в 1932 г., когда политика новых властей образованного государства Маньчжоу-Го вступила в противоречие с деятельностью советской администрации дороги. Причиной конфликта стали паровозы и вагоны, которые были переброшены на территорию СССР, что вызвало перерыв движения на КВЖД в мае 1933 г. Это конфликт привел к последующим переговорам СССР и Японии о продаже дороги. Автор выявил скрытые и неочевидные пружины советско-японских переговоров 1933 г., методы давления на противоположную сторону, особенности совместного управления КВЖД и уязвимость транзитного движения через Маньчжурию.

Ключевые слова: Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), Маньчжурия, внешняя политика, советско-японские отношения, уступка прав СССР в отношении КВЖД.

LOCOMOTIVES AND BIG POLITICS: THE CONFLICT ON THE CER IN 1933

M. Krotova

Herzen university, St. Petersburg

The article examines the conflict on the CER after the occupation of Manchuria by Japan in 1932, when the policy of the new authorities of the formed state of Manchukuo came into conflict with the activities of the Soviet CER administration. The conflict was caused by steam locomotives and wagons that were transferred to the territory of the USSR, which caused a break in traffic on the CER in May 1933. This conflict led to subsequent negotiations between the USSR and Japan on the sale of the road. The author has identified hidden and unobvious springs of the Soviet-Japanese negotiations of 1933, methods of pressure on the opposite side, features of joint management of the CER and the vulnerability of transit traffic through Manchuria.

Keywords: China Eastern Railway (CER), Manchuria, foreign policy, Soviet-Japanese relations, cession of USSR rights in relation to CER.

Китайская Восточная железная дорога, построенная Россией на территории Китая в конце XIX — начале XX вв., пережила в

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02873, <https://rscf.ru/project/25-28-02873/>

первой половине XX в. несколько кризисов, стала местом международных конфликтов в период гражданской войны, в 1926 и 1929 гг. Ее деятельность зависела от политической ситуации в регионе, состоянии взаимоотношений России/СССР с Китаем и Японией. Поэтому создание государства Маньчжоу-Го на оккупированной японцами Маньчжурии в 1932 г. привело к обострению советско-японских отношений и поставило вопрос о продаже дороги [4, с. 139—143].

СССР проявлял повышенное внимание к подвижному составу КВЖД. Особый интерес вызывали товарные паровозы типа 1-5-0 серии Е — мощные локомотивы, получившие в Америке название «декапод» («десятиног»). Первые паровозы такого типа были построены в США на заводе Балдуин (Baldwin) в Филадельфии для Закавказской железной дороги в 1895 г. Во время первой мировой войны российское правительство заказало партию таких декаподов, которые доставлялись морем из Нью-Йорка во Владивосток, откуда направлялись в харбинские главные мастерские КВЖД, где их собирали, оборудовали, испытывали и перенаправляли на российские железные дороги. С 1915 по 1918 гг. из Америки в Россию было отправлено 881 паровозов типа 1-5-0 серии Е [3, с. 195]. Последние 70 паровозов закончили собирать в декабре 1920 г. 124 декапода остались на КВЖД (всего в парке дороги находилось 321 товарных паровоза) [5, ф. 613, оп. 3, д. 52, л. 13]. В 1927 г. они силами инженеров КВЖД были усовершенствованы, была повышена сила тяги локомотивов, что позволило увеличить массу состава с 1666 тонн до 1900 тонн и благодаря этому сократить расход угля примерно на 10% [3, с. 197]. В среднем стоимость одного «декапода» исчислялась в 24 200 американских долларов, таким образом, стоимость 124 декаподов составляла около 3 млн американских долларов [6, ф. 323, оп. 6, д. 271, л. 53]. Вокруг этих паровозов весной 1933 г. возник международный конфликт, который имел далеко идущие последствия.

Благодаря беспересадочному и бесперегрузочному движению поездов многие паровозы и вагоны КВЖД свободно пересекали советско-китайскую границу и «оседали» на советской территории. В 1920-е гг. эти вопросы решались путем соглашений и взаимных расчетов между железными дорогами — Забайкальской, Уссурийской и КВЖД. Однако, по всем ведомостям расчетов между дорогами СССР и КВЖД декаподы указывались как собственность СССР. Так, согласно документам, на 1 января 1930 г. за пользование 124 паровозами «декапод» в течение 457 669 паровозо-суток

КВЖД должна была дорогам СССР 41 190 210 руб. [6, ф. 323, оп. 5, д. 1048, л. 106].

Оккупация Японией Маньчжурии кардинально изменила политическую ситуацию. После образования 1 марта 1932 г. Маньчжоу-Го КВЖД перешла в советско-маньчжурское управление: многие китайские высшие служащие были заменены на прояпонских маньчжурских представителей. СССР делал все возможное, чтобы избежать конфликта с Японией, сохраняя нейтралитет, однако, советско-японские отношения обострились, причем, не в последнюю очередь, из-за так называемого «угона паровозов».

Дело в том, что в период советско-китайского конфликта 1929 г. на самом высшем уровне было принято решение о вывозе железнодорожного имущества (паровозов и вагонов) с КВЖД на железные дороги Советского Союза. 8 марта 1932 г. зампред ОГПУ В. А. Балицкий в телеграмме И. В. Сталину интересовался, можно ли «перебросить» на советскую территорию в дополнение к «переброшенным ранее с КВЖД декаподам» еще 10-12 локомотивов. Здесь же Балицкий сообщал Сталину, что на Уссурийской дороге уже задержано свыше 5 тысяч вагонов Китайской Восточной железной дороги, что вызывает «затруднения в перевозках на КВЖД». Сталин оставил на телеграмме резолюцию: «Вагонов больше не перебрасывать в СССР, а паровозы — перебрасывать» [5, ф. 558, оп. 2, д. 88, л. 1]. 16 марта 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено приказать советской администрации КВЖД вернуть 2000 вагонов [5, ф. 17, оп. 3, д. 876, л. 4].

Исследователь К. Тэраяма в своей статье указал на то, что в январе-феврале 1932 г. по заданию ОГПУ силами резидентур иностранного отдела ПП ОГПУ Дальневосточного края было переброшено на советскую территорию 36 паровозов через ст. Маньчжурия и 27 — через ст. Пограничная. Также было переброшено значительное количество товарных и пассажирских вагонов и 93 вагона железа, баббита и других стратегических грузов [7, с. 67—68]. Новые прояпонские власти Маньчжоу-Го, начиная с весны 1932 г., неоднократно заявляли протесты против перехода товарных паровозов с КВЖД на дороги СССР, подчеркивая, что эти паровозы («декаподы») являлись совместным имуществом КВЖД, однако Генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славуцкий в ответных письмах подчеркивал, что паровозы принадлежат советским железным дорогам, и только из-за интервенции «застряли на КВЖД».

По данным японцев, к началу 1933 г. в СССР было угнано 83 паровоза 1-5-0 серии Е (декаповов), около 3 тыс. вагонов и «прочее имущество» [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 21]. Маньчжурская часть Правления КВЖД указывала на незаконные действия СССР по вывозу собственности КВЖД, требуя вернуть подвижной состав. Центральным моментом спора стал вопрос о принадлежности дороги. Советская сторона утверждала, что КВЖД является собственностью СССР, однако маньчжурская сторона, ссылаясь на российско-китайский договор 1896 г., утверждала, что правительство Цинского государства, внося 5 млн лян в фонд акций Общества КВЖД, считалось совладельцем дороги вместе с Россией [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 8]. Кроме того, председатель Правления КВЖД Ли Шао-ген заявил 6 мая 1933 г., что в свое время Советская Россия издала декларацию об отказе от КВЖД, а права по договору о постройке КВЖД 1896 г. были аннулированы одновременно с договорами царской России [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 15]. Таким образом, «своевольный односторонний угон общего имущества» на Забайкальскую и Уссурийскую железные дороги маньчжурская сторона рассматривала как «самоуправство и беззаконие» и предлагала СССР «опомниться» [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 8].

В апреле 1933 г. по распоряжению министерства путей сообщения правительства Маньчжоу-го было прекращено прямое грузовое сообщение в обе стороны на ст. Маньчжурия, последняя партия груженых вагонов с транзитом была передана с Забайкальской железной дороги 7 апреля 1933 г. На стрелке ст. Маньчжурия был установлен полицейский пост из трех китайских полицейских. На границе на ст. Мациевской скопилась масса товарных вагонов с грузами для транзита через Маньчжурию [6, ф. 323, оп. 6, д. 317, л. 3-4]. К 14 часам 35 мин 10 апреля 1933 г. всякое передвижение вагонов с КВЖД на Забайкальскую железную дорогу и обратно было прекращено. Товарищ председателя правления КВЖД Кузнецов в письме председателю правления КВЖД Ли Шао-гену 10 апреля заявил протест против «насильственных действий» полиции на ст. Маньчжурия и потребовал немедленной отмены «незаконных действий и распоряжений», которые препятствуют перевозке грузов в прямом европейско-азиатском сообщении. Ли Шао-ген в ответных письмах Кузнецову от 12 и 18 апреля 1933 г. объяснил, что запрещение прямого сообщения и транзита между КВЖД и Забайкальской железной дорогой сделано по распоряжению министер-

ства путей сообщения Маньчжоу-Го «для охраны имущества дороги» [2, с. 262–264].

В связи с обострившейся обстановкой часть советских агентов КВЖД выехала в СССР или на юг Китая, некоторые были арестованы. В ответ на угоны были проведены обыски у руководящих советских агентов КВЖД, закрыта просоветская газета «Герольд Харбина». Харбинская японская пресса писала об уничтожении документов в советском консульстве, подготовке к эвакуации и забастовке служащих, ходили слухи об отзыве советского Управляющего КВЖД Рудого в СССР [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 41].

Внутренний конфликт на КВЖД перешел на международный уровень. В заявлении правительства СССР правительству Японии 16 апреля 1933 г. говорилось, что власти Маньчжоу-Го и японские власти в Маньчжурии «создали и раздули» вопрос о паровозах и вагонах, находящихся на территории СССР, «совершенно искусственно», что паровозы «принадлежат советскому правительству», и ни КВЖД, ни Маньчжоу-Го никаких претензий в отношении этих паровозов иметь не могут [2, с. 243]. Заместитель наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан даже составил специальную памятную записку послу Японии в СССР Ота от 16 апреля 1933 г. для разъяснения вопроса о принадлежности «декаподов» СССР [2, с. 244–246]. В беседе наркома иностранных дел М. М. Литвинова с послом Японии в СССР Ота 2 мая 1933 г. обсуждались способы разрешения конфликтов на КВЖД, причем в качестве одного из способов упоминался вопрос о выкупе КВЖД Маньчжоу-Го, т. е. о продаже КВЖД. Это предложение Литвинов посчитал проявлением «советского миролюбия» [2, с. 290–291]. Из письма Карахана полпреду в Японии К. К. Юреневу 16 мая 1933 г. можно заключить, что СССР был заинтересован в скорейшем разрешении конфликта на КВЖД, чтобы заключить торговый договор с Японией, которая стала бы «одним из серьезных потребителей» советского леса, нефти и пшеницы. В свою очередь, СССР нуждался в японских товарах, связанных с судостроением, железнодорожным оборудованием, электротехнической аппаратуры и проч. [2, с. 295].

Часть имущества КВЖД было возвращено из СССР: около 900 вагонов из 3200 и 4 декапода из 83 [6, ф. 323, оп. 5, д. 1437, л. 28]. Так как 79 декаподов оставались в СССР, власти Маньчжоу-Го объявили ультиматум, требуя до 12 мая 1933 г. возвращения всего подвижного состава. По истечении срока ультиматума паровозы

возвращены не были, после чего на ст. Маньчжурия грузы стали перегружаться в вагоны Забайкальской дороги. 31 мая 1933 г. было прекращено прямое (бесперегрузочное) сообщение между КВЖД и Уссурийской железной дорогой, и с этого времени на ст. Пограничная все грузы перегружали в вагоны Уссурийской железной дороги и наоборот. Заместитель наркома иностранных дел Г. Я. Сокольников в Москве вручил 4 июня 1933 г. по этому поводу японскому послу Ота протест по поводу закрытия ст. Пограничной [2, с. 334]. В ответ на протесты советской стороны председатель правления КВЖД Ли Шаожен назвал действия маньчжурской администрации «мерой самозащиты». Надо заметить, что прямое пассажирское движение в обе стороны было разрешено.

Советская сторона согласилась вернуть вагоны, но не паровозы, которые считала своей собственностью. В заявлении правительства СССР правительству Японии от 31 мая 1933 г. конфликт, «возникший в связи с совершенно незаконными и необоснованными претензиями маньчжурских властей по поводу принадлежащих СССР паровозов серии Е», был назван как «главный повод для насильственных односторонних и неправомерных действий, нанесших крупнейший ущерб интересам СССР». Здесь же была подтверждена готовность «вступить в переговоры о продаже КВЖД», как устранение почвы для конфликтов, «отрицательно отражающихся на существующих добрососедских отношениях» между СССР и Японией [2, с. 323–324].

Павел Милюков в статье «Современное международное положение Советской России» в парижской газете «Последние новости» от 25 мая 1933 г. оценил ситуацию, как угрозу японской оккупации русского Дальнего Востока. По поводу советской реакции на оккупацию Маньчжурии он использовал резкие выражения: «сопротивление внезапно уступило место почти холопскому подчинению»; «Япония диктовала свои условия, СССР оставалось только повиноваться». Он же утверждал, что с весны 1933 г. Япония затеяла проект захвата КВЖД, и конфликт из-за паровозов и вагонов, задержанных в СССР, запрет транзитного провоза товаров по дороге, аресты советских граждан были лишь подготовкой к нему. Безрезультатные протесты НКВД и сдачу советских позиций П.Н. Милюков назвал «последней степенью унижения» [8, ф. 281, оп. 2, д. 21, л. 360–362].

Эти события ускорили начало переговоров между СССР и Маньчжоу-Го относительно продажи КВЖД. 3 июня 1933 г. в заявлении советского правительства правительству Японии было принято предложение о ведении переговоров в Токио [2, с. 332–333]. 26 июня 1933 г. в Токио открылась советско-маньчжурская конференция по вопросу о продаже КВЖД, и уже 3 июля 1933 г. был обнародован Меморандум делегации СССР о основных принципах выкупа КВЖД. В п. 1 меморандума подчеркивалось, что объектом продажи не является имущество, задержанное на дороге в годы интервенции (имелись в виду «декаподы») [2, с. 395].

24 сентября 1933 г. были арестованы 6 высших советских агентов КВЖД — начальник службы тяги А. Х. Калина, начальник счетно-финансовой службы Н. Ф. Кубли, начальник главных мастерских В. Ф. Лавров, распорядитель движения службы эксплуатации П. Н. Аблов, начальник ст. Маньчжурия И. Б. Авраменко, начальник ст. Пограничная Л. М. Катыль. Их обвинили в угоне паровозов и вагонов КВЖД на территорию СССР. Исследователь Н. Е. Аблова считает, что аресты были совершены для оказания давления на советскую сторону [1, с. 264]. Из-за их арестов переговоры были прерваны, причем условием продолжения переговоров было освобождение заключенных. После 6-месячного тюремного заключения их выпустили на основании амнистии Императора Маньчжоу-диги в марте 1934 г. с обязательством покинуть пределы государства.

Декаподы и в дальнейшем работали на советских железных дорогах. По состоянию на 1 января 1923 г. на территории СССР работало 604 паровоза серии Е. На 1 января 1940 г. декаподов насчитывалось 669, видимо, за счет передачи с КВЖД [3, с. 196]. К. Тэраяма утверждал, что переброшенные паровозы и вагоны сыграли немалую роль в увеличении числа локомотивов на Забайкальской и Уссурийской дороге и эта программа была частью укрепления обороноспособности Дальневосточного края. Таким образом, советскому руководству удалось приобрести «дополнительный мобилизационный ресурс» [7, с. 84].

Во время Великой отечественной войны возникла острая необходимость пополнения паровозного парка, и 10 апреля 1943 г. председатель Государственного комитета обороны И. В. Сталин подписал постановление № 3159 с «О заказе и завозе из США паровозов и рельс для НКПС в 1943-1944 гг.» [5, ф. 644, оп. 1, д. 102,

л. 131]. Согласно ему, Наркомвнешторгу поручалось заказать в США 1000 паровозов в 1943 г. и 2000 паровозов в 1944 г., причем предпочтение отдавалось паровозам «декапод». За основу был принят проект паровоза 1-5-0 серии Е, который поставлялся в Россию из США в 1916–1919 гг. Эти локомотивы пользовались популярностью у паровозных бригад в СССР, которые прозвали их «американка».

Частный случай дела о паровозах КВЖД дает возможность показать сложную международную ситуацию, сложившуюся в Маньчжурии после 1932 г., особенности советско-японских отношений в 1930-х гг., уязвимость транзитного пути из Азии в Европу, зависимость совместного управления КВЖД от политических событий, инструменты давления в дипломатических переговорах, механизмы принятия решений, в том числе о продаже КВЖД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). — Москва : Русская панорама, 2005. — 432 с.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 16. — Москва : Госполитиздат, 1970. — 919 с.
3. *Раков В. А.* Локомотивы отечественных железных дорог (1845-1955 гг.). — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Транспорт, 1995. — 564 с.
4. *Романова Г. Н.* Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30-40-е гг. XX в. // Россия и АТР. — 2015. — № 2. — С. 139–156.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
6. Российский государственный исторический архив (РГИА).
7. *Тэраяма К.* Советская политика по развитию сети железных дорог на Дальнем Востоке в 1930-е гг.: военизация, политотделы, строительство вторых путей // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. новые факты и интерпретации. — Москва : Росспэн, 2015. — С. 50–85.
8. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЛИВАНА В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

Маврина П. А., студентка

e-mail: mavrina0303@mail.ru

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов*

В статье анализируется геополитическая роль Ливанской Республики как уязвимого лимитрофа в системе ближневосточных международных отношений. Рассматривается влияние внешних акторов, трансформация движения «Хезболла» в регионального игрока, а также эскалация 2023–2026 годов в контексте невыполнения Резолюции СБ ООН № 1701. Особое внимание уделяется ограниченности ливанского суверенитета и его последствиям для региональной стабильности, что имеет значение для внешней политики Российской Федерации, последовательно выступающей за сохранение территориальной целостности Ливана и политический диалог между всеми конфессиональными группам.

Ключевые слова: Ливан, геополитика, «Хезболла», Ближний Восток, Резолюция 1701, региональные конфликты, внешние акторы.

THE GEOPOLITICAL ROLE OF LEBANON IN REGIONAL CONFLICTS

P. Mavrina

Saratov State University, Saratov, Russia

The article examines the geopolitical role of the Lebanese Republic as a vulnerable limitor in the system of Middle Eastern international relations. It analyzes the influence of external actors (Iran, Saudi Arabia, Western powers), the transformation of the Hezbollah movement into a regional player, and the escalation of 2023–2026 in the context of the non-implementation of UN Security Council Resolution No. 1701. Particular attention is paid to the limited nature of Lebanese sovereignty and its consequences for regional stability, which is relevant for the foreign policy of the Russian Federation, which consistently advocates for the preservation of Lebanon's territorial integrity and political dialogue between all confessional groups.

Keywords: Lebanon, geopolitics, Hezbollah, Middle East, Resolution 1701, regional conflicts, external actors.

Ливанская Республика выступает в современной системе международных отношений не как изолированный объект, а как активный и одновременно крайне уязвимый участник ближневосточного геополитического пространства. Геополитическое положение страны определяется её непосредственным соседством с Израилем и Сирией,

а также хроническим отсутствием у ливанского государства монополии на легитимное насилие [2, с. 56]. В результате Ливан традиционно превращается в арену прокси-противостояний внешних акторов, на которой внутренняя стабильность напрямую зависит от баланса сил региональных и внерегиональных игроков. Такое положение дел обуславливает особую актуальность анализа геополитической роли Ливана в региональных конфликтах, ведь любое обострение внутриливанских противоречий или эскалация на южной границе неизбежно отражается на всей архитектуре безопасности Леванта и затрагивает интересы ключевых внешних сил, включая Российскую Федерацию.

Ливанская Республика на протяжении нескольких десятилетий остаётся одним из наиболее ярких примеров государства, внутренних политический процесс которого в значительной степени определяется внешними силами. Относительно внутренних особенностей в первую очередь необходимо обратить внимание на наличие в стране враждебных друг другу этноконфессиональных составляющих. По конфессиональному принципу в строгом соответствии с установленными правилами делят государственные и депутатские мандаты представители основных общин: марониты, сунниты и шииты. В органах власти и в депутатских структурах в меньшем процентном отношении представлены алавиты, друзы и армяно-григориане. Геополитическое положение страны на перекрестке интересов региональных держав превращает её в арену соперничества, где местные политические элиты тесно интегрированы в стратегии более влиятельных структур.

Особое место в системе внешнего влияния на Ливан занимает Исламская Республика Иран. Тегеран рассматривает Ливан как ключевое звено своей концепции «оси сопротивления». Институционализация иранского присутствия произошла через шиитское движение «Хезболла», созданное в 1982 году при непосредственном участии Корпуса стражей исламской революции в ответ на израильскую операцию «Мир Галилее» [9, с. 148]. Идеологической основой союза стала доктрина «вилаят аль-факих», успешно адаптированная к ливанским реалиям. Уже в Манифесте 1985 года «Хезболла» открыто закрепила стратегический альянс с Ираном. После Второй ливанской войны 2006 года иранская военно-техническая и финансовая помощь позволила движению существенно усилить свой военный потенциал и превратиться в наиболее влиятельного субъекта

внутренней политики Ливана, обладающего фактическим правом вето на ключевые государственные решения.

Противоположный полюс регионального влияния традиционно представляет Королевство Саудовская Аравия, выступавшее гарантом интересов суннитской общины. Важнейшим этапом саудовского патронажа стали Таифские соглашения 1989 года, в подготовке и подписании которых Эр-Рияд сыграл роль ключевого медиатора [3, с. 112]. Данные договорённости завершили пятнадцатилетнюю гражданскую войну (1975-1990 гг.) и закрепили систему конфессионального распределения властных полномочий. В 1990-х — начале 2000-х годов Саудовская Аравия активно инвестировала в восстановление ливанской инфраструктуры, особенно в период премьерства Р. Харири. Его убийство 14 февраля 2005 года стало поворотным моментом, спровоцировав «Кедровую революцию» и последующий вывод сирийских войск из страны. Однако с 2017 года политика Эр-Рияда заметно изменилась. Принуждение премьер-министра С. Харири к отставке в ноябре 2017 года в саудовской столице ознаменовало начало дипломатического охлаждения. К 2021 году Саудовская Аравия перешла к стратегии жёстких условий: любая финансовая помощь Бейруту стала обуславливаться ограничением влияния проиранских сил внутри ливанского политического поля [5].

Западный вектор влияния на внутривнутриполитический процесс Ливана представлен прежде всего Францией и США. Франция, опираясь на исторические связи периода мандата Лиги Наций (1923-1943 гг.), после взрыва в порту Бейрута в августе 2020 года выступила с инициативой формирования «правительства технократов». Страна тем временем стала семимильными шагами стала двигаться в направлении к полному коллапсу. Президент Э. Макрон лично предпринимал неоднократные попытки посредничества с целью стабилизации ситуации. Со своей стороны США активно используют санкционный инструментарий. Применение «Закона Цезаря» 2019 года и санкций в рамках «Закона Магнитского» направлено на ограничение финансовых потоков, связанных с региональными конфликтами и проиранскими структурами [7, с. 78]. Вместе с тем Вашингтон продемонстрировал способность к прагматичному посредничеству: в октябре 2022 года при американском содействии была успешно завершена демаркация морской границы между Ливаном и Израилем.

Трансформация ливанского движения «Хезболла» из локального преимущественно шиитского формирования в значимого регионального актора стала одним из наиболее заметных процессов в системе ближневосточного баланса сил последних двух десятилетий. Вторая ливанская война июля–августа 2006 года, несмотря на масштабные разрушения инфраструктуры страны, была представлена руководством «Хезболлы» как «Божественная победа» [4, с. 81]. После войны при активной поддержке Ирана и Сирии произошло существенное наращивание арсенала. Формула «Армия — Народ — Сопротивление» была закреплена в программных документах нескольких ливанских правительств.

Официальное признание участия боевых подразделений «Хезболлы» в сирийском конфликте на стороне правительственных сил Башара Асада началось с битвы за Эль-Кусайр в мае-июне 2013 года. Это событие означало фактический отказ от политики невмешательства в ход региональных конфликтов, провозглашённой в Баабдской декларацией 11 июня 2012 года [1]. Правовой статус организации в международной системе остаётся крайне противоречивым. Европейский союз в июле 2013 года внёс в список террористических организаций только военное крыло «Хезболлы». Но тем не менее, значительное финансовое давление оказывает американский закон Hizballah International Financing Prevention Act (HIFPA) 2015 года с поправками 2018 года.

Вовлечение Ливана в новый виток регионального противостояния после октября 2023 года стало прямым следствием стратегии «Хезболлы» по открытию «второго фронта». С 8 октября 2023 года движение начало наносить регулярные удары по израильским позициям вдоль «Голубой линии». В 2024 году израильские авиаудары и наземные операции значительно ослабили военную инфраструктуру «Хезболлы». Гуманитарные и экономические последствия для Ливана оказались особенно тяжёлыми [8, с. 125].

Формальной основой режима безопасности на юге Ливана остаётся Резолюция Совета Безопасности ООН № 1701 от 11 августа 2006 года [5]. Документ предусматривает вывод всех вооружённых формирований, кроме регулярной ливанской армии и UNIFIL, из зоны к югу от реки Литани. Однако резолюция выполнялась лишь частично. В августе 2025 года Совет Безопасности принял резолюцию № 2790, продлив мандат UNIFIL в последний раз до 31 декабря 2026 года с последующим выводом сил.

27 ноября 2024 года вступило в силу соглашение о прекращении огня между Израилем и Ливаном. В условиях кризиса активизировались дипломатические инициативы, в том числе с участием А. Хохштейна. Избрание 9 января 2025 года президентом Ливана Д. Ауна открыло новые возможности для укрепления государственного контроля, однако фундаментальные проблемы сохраняются [10, с. 192].

Таким образом, события 2023-2026 годов ещё раз продемонстрировали, насколько хрупкой остаётся система безопасности в Леванте. Геополитическая роль Ливана в региональных конфликтах в 2026 году остаётся преимущественно деструктивно-пассивной. «Хезболла» старается подменить собой государство Страна продолжает выполнять функцию буфера и площадки для непрямых столкновений внешних акторов. Для Российской Федерации сохранение стабильности в Ливане представляет важный элемент стратегии обеспечения безопасности на Ближнем Востоке. Путей разрешения ливанского кризиса в ближайшей перспективе нет. Дальнейшая дестабилизация Ливана неминуемо приведёт к изменению баланса сил во всём регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баабдская декларация 2012 года // Официальные документы правительства Ливана (S/2012/477). URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2363?ysclid=mn98ffpbn6654786489> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 6. — С. 55–66.
3. Косач Г. Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии: приоритеты, направления, процесс принятия решения. — Москва, 2003. — 236 с.
4. Наумкин В. В., Кудрявцев А. В. «Хезболла» и сирийский конфликт: от локального актора к региональному игроку // Восток (Oriens). — 2018. — № 5. — С. 78–94.
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1701 (2006) от 11 августа 2006 г. Официальный сайт ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2006> (дата обращения: 21.03.2026).
6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2790 (2025) от 28 августа 2025 г. Официальный сайт ООН. URL: <https://press.un.org/en/2025/sc16159.doc.htm?ysclid=mn98u5iu8k853608726> (дата обращения: 22.03.2026).
7. Таифские соглашения 1989 года. Сборник международных договоров по Ближнему Востоку. — Москва, 2005. — 112 с.
8. Цыплин В. Г., Аракчеева Е. С. О роли личности Х. Асада в становлении политических традиций на Ближнем Востоке // Актуальные пробле-

мы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2025. — № 1(108). — С. 123—127.

9. Цыплин В. Г., Аракчеева Е. С. Сирийско-иранские интересы в Ливане в 1980-е — 1990-е гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2025. — № 2(109). — С. 144—147.

10. Цыплин В. Г., Смирнов В. Д. Роль ливанского кризиса 1975 года в холодной войне // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов XI Всероссийской науч. конф. — Самара : Самарама, 2023. — С. 190—195.

11. Hizballah International Financing Prevention Act of 2015 (с поправками 2018). U.S. Congress official documents. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ272/PLAW-115publ272.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ НОТЫ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
КОНСУЛА В ХОРАСАНЕ В.О. ФОН КЛЕММА
К МЕСТНЫМ ПЕРСИДСКИМ ВЛАСТЯМ (1906-1907 гг.)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ**

Малето Е. И., д. и. н, с. н. с.

e-mail: maleto@mail.ru

Институт российской истории РАН, г. Москва

Автор статьи, обращается к исследованию дипломатических нот протеста российского генерального консула в Хорасане (1906-1907), действительного статского советника В.О.фон Клемма к местным персидским властям из фондов архива внешней политики Российской империи - АВПРИ (г. Москва), которые являются важнейшими источниками информации о внешней политике России на Среднем Востоке в начале XX столетия и впервые вводятся автором в научный оборот. В статье в историческом контексте рассматриваются ключевые детали российско-персидских нот и ответные реакции на них персидских властей (каргузаров - сотрудников шахского министерства иностранных дел Персии, прикомандированных к губернаторам пограничных персидских провинций), суть претензий российской стороны и малоизученные аспекты российско-британского соперничества в контексте требований российского Императорского Генерального консула соблюдать равные условия при повторном въезде иностранных (как российских, так и британских) дипломатов в г. Мешед, согласно принятым нормам международного права и дипломатического протокола того времени.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Персия, В.О. фон Клемм, действительный статский советник, российский императорс-

кий Генеральный консул в Хорасане, великобританский генеральный консул майор Сайкс, внешняя политика, дипломатия.

DIPLOMATIC NOTES OF THE RUSSIAN IMPERIAL CONSUL
GENERAL IN KOROSAN V.O. FON KLEMM, TO THE LOCAL
PERSIAN AUTHORITIES (1906-1907) AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE CONSULAR SERVICE
AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST

E. I. Malet

Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The author of the article refers to the study of diplomatic notes of protest by the Russian Consul General in Khorasan (1906-1907), V.O. von Klemm, a full state councilor, to the local Persian authorities, from the archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI, Moscow), which are the most important sources of information about Russia's foreign policy in the Middle East at the beginning of the 20th century and are introduced into scientific circulation for the first time by the author. The article examines the key details of the Russian-Persian notes and the reactions of the Persian authorities (the Karguzars, employees of the Shah's Ministry of Foreign Affairs in Persia, who were assigned to the governors of the border provinces of Persia), the essence of the Russian side's claims, and the little-studied aspects of the Russian-British rivalry in the context of the Russian Imperial Consul General's justifiable demands for equal conditions for the re-entry of foreign (both Russian and British) diplomats into the city of Meshhad, in accordance with the accepted norms of international law.

Keywords: Russian Empire, Great Britain, Persia, V.O. von Klemm, Actual State Counsellor, Russian Imperial Consul General in Khorasan, British Consul General Major Sykes, foreign policy, diplomacy.

Дипломатия использует разные методы для решения своих насущных задач: не только переговоры, официальные визиты, но и дипломатические ноты протеста. Как известно, дипломатическая нота - довольно распространенный вид документов международной переписки, который представляет собой официальное обращение одного государства к другому с помощью методов дипломатии и является важным инструментом взаимодействия стран в рамках двустороннего международного общения. По сути — это форма несогласия с определенными действиями одной из сторон: обычно в нотах отражается недовольство определенным положением дел. При этом вручение дипломатической ноты всегда требует официального ответа и предполагает его в письменной форме. Поэтому она производится обычно на специальном бланке, на котором располагается герб страны, номер и индекс почты.

По факту написание и передача ноты еще не означает каких-либо серьезных последствий для двусторонних отношений, однако указывает на определенные события, которые другая сторона рассматривает как неприемлемые. Дипломатические ноты обязывают стороны прийти к определенному компромиссу (соглашению), устранив причину конфликта и традиционно составляются с учетом требований международного права, этикета, а также элементарной вежливости.

Выделяют ноты *вербальные* (по текущим вопросам), *личные* (применяются в связи с установлением отношений, политическими демаршами и др., оформляются от первого лица и подписываются лично послом или министром); *коллективные*, которые отправляются от имени нескольких государств другому государству или несколькими посольствами одного государства и нередко выступают как форма дипломатического давления; *циркулярные ноты* (представляют собой одинаковые по содержанию документы, рассылаемые одним дипломатическим представительством другим посольствам, аккредитованным в данной стране, например, о смене главы дипломатической миссии и проч.).

Документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва), которые анализируются в настоящей статье, отражают не только геополитическую борьбу России и Британии за сферы влияния в Персии начала XX столетия, но также высокопрофессиональную, подчас ювелирную работу представителей консульских служб Российской империи в одной из крупнейших персидских провинций — Хорасане, направленную на поддержание авторитета и влияния России в этом стратегически важном регионе мира.

Василий Оскарович фон Клемм (1861-1938) — известный российский дипломат, знаток восточных языков и переводчик (драгоман), действительный статский советник был личностью неординарной. Окончив в середине 1880-х гг. XX в. отделение восточных языков при Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел Российской империи, он получил место переводчика (драгомана) при Азиатском департаменте, а со временем — назначение секретарем и драгоманом при российском политическом агенте в Бухаре (1888), где активно развивал торговые и политические связи России с Азией; с 1893 г. состоял дипломатическим чиновником для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области генерал-лейтенанте А. Н. Куропаткине; в 1900 г. в ранге генерально-

го консула стал первым российским генеральным консулом в Бомбее (Индия); а в 1906 г. В. О. фон Клемм был назначен в ранге Российского Императорского Генерального Консула в г. Мешед — административный центр Хорасана, один из важнейших религиозных и священных центров для мусульман-шиитов (в нем расположен мавзолей имама — Резы, особо почитаемого в Персии) и находился там вплоть до 1908 г.

В Санкт-Петербурге пристально следили за всем, что происходило и в Азии, и на Среднем Востоке. В письме от 19 августа 1906 г. № 1364 о своем приезде в Хорасан, адресованном Его Превосходительству Н. Г. Гартвигу — директору Азиатского Департамента МИД (1900-1906), В. О. Клемм писал: «Милостивый Государь, Николай Генрихович! 4 сего августа я прибыл в г. Асхабад на персидскую границу у Гаудана, где меня уже поджидали высланный из Мешед михмандаром (специальный служащий, в должностные обязанности которого входила встреча и сопровождение иностранного посла) Али-Ага-ханом адъютант-баши с конвоем персидских казаков и таможенных агентов, назначенные генерал-губернатором Хорасана сопровождать меня до г. Мешед, а равно начальники персидской таможни и почтовой конторы...

По совещании с оными лицами пришлось растянуть мой маршрут до г. Мешед более чем на пять суток отчасти в виду плохого состояния дороги, отчасти, чтобы не переутомить конвоя. В воскресенье 7-го я прибыл в г. Кочан. Верст за 7 до города меня встретила местная русская колония с нашими консульскими агентами как асессор Тосанбаев во главе, а несколько далее меня от имени правителя Кочана приветствовали высланные им персидские власти. В Кочане я пробыл почти сутки, причем по установленному обычаю состоялся обмен визитами с правителем (ныне уже более не наследственным) этого ханства. Я побывал также у некоторых наших соотечественников, чтобы ознакомиться с их образом жизни в этих краях, а вечером я собрал на совещание всю нашу колонию, чтобы выслушать ее неудачи и просьбы.

В среду 9 августа состоялся мой торжественный въезд в г. Мешед. По принятому обычаю верст за 7 от города меня встретили члены Генерального Консульства, персонал Учетно-судного банка и члены русской колонии, а несколько ближе к городу представители генерал-губернатора Хорасана и др. местных властей. Я не стану утруждать Ваше Превосходительство изложением всего церемониала, который был подробно описан в свое время моими предше-

ственниками и который, как все обычное на востоке сохранил почти полностью прежний свой характер. Отмечу лишь некоторые частности, которых прежде не было.

Первою из таковых было присутствие на встрече *attache* Великобританского Генерального Консульства - индийского чиновника Мубарек — Али- хана с конвоем из 4-х индийских кавалеристов. Я должен, впрочем, тут же заметить, что любезность эта явилась лишь ответом на посылку в свое время Г. Гирсом старшего мирзы нашего Генерального консульства с четырьмя казаками навстречу майору Кенниону — управляющему Великобританским Генеральным Консульством за отсутствием майора Сайкса. Кроме этого, заслуживает быть отмеченным, что почетная лошадь с экипажем высланы были мне навстречу от всех высших Мешедских властей, в т. ч. и от заведующего мешедской святыней — гробницей Имам Резы т. к. прежде таковые высылали лишь генерал-губернаторам, каргузарам и бегляр-беям и что с согласия командующего войсками оркестр персидской военной музыки, встретил меня в саду Генерального Консульства русским национальным гимном. Все это придало много блеска моему въезду, который вообще, благодаря заботе Г. Гирса и усердию местных властей по торжественности своей превзошел все прочие церемонии этого рода в Мешед.

Вслед за въездом начался обычный обмен визитами с местными властями, каковой и до сих пор еще не совсем закончен. Первая встреча моя с генерал-губернатором Асыф-уд-доулэ и прочими властями имели самый дружественный характер. Все эти господа поспешили уведомить меня в полнейшей готовности их жить со мною в дружбе и согласии и оказывать мне во всем самое полное содействие. Время покажет, насколько все эти уверения и обещания были чистосердечны. С глубоким уважением, действительный статский советник фон Клемм [1, лл. 6-7].

Первая половина XX столетия ознаменовалась важными событиями и, прежде всего, тем, что на международной арене стремительно разворачивалась так называемая «Большая игра» — геополитическое соперничество за сферы влияния между Российской и Британской империями в Центральной Азии и Персии, кульминацией которой стал англо-русский договор 1907 г. Данный контекст международных отношений во многом определил специфику деятельности российского консульства в Хорасане (Мешед) и характер русско-персидских деловых связей. Противостояние сторон приобретало порой весьма острый характер и получило отражение как

в дипломатической переписке, так и в повседневной практической работе российских дипломатов тех лет. По своим политическим взглядам В. О. фон Клемм был германофил, полагающий, что в интересах России следует сближаться с Германией, Британию же он считал геополитическим противником, доверять которому нельзя ни при каких условиях, но у которого следовало учиться искусству управления Востоком, одновременно делая все возможное для ослабления ее позиций в пользу Российской империи. Находясь на самом острие «Большой игры», кадровый дипломат В. О. фон Клемм, как никто другой, видел британские попытки ограничить российское влияние в Персии, но несмотря на враждебность империй всегда выступал за поиск точек соприкосновения там, где это было выгодно России.

Разъясняя суть своих претензий к персидской стороне, 24 ноября 1906 г. в секретном письме за № 164 к Н. Г. Гартвигу действительный статский советник фон Клемм писал в Санкт-Петербург: Милостивый государь, Николай Генрихович! Третьего дня вернулся в г. Мешед из продолжительного отпуска великобританский генеральный консул майор Сайкс. Хотя ему и не полагалось торжественной встречи со стороны местных властей, т. к. по обычаю таковая должна устраиваться лишь при первом въезде нового консула в город, тем не менее Асыф-уд-доулэ из личной дружбы к Сайксу распорядился устраивать ему встречи, которые отличается от оказанного мне приема почти одним лишь тем, что командированные за город лица не были в полной парадной форме. Для этого правитель Хорасана лично просил всех начальников отдельных управлений как -то: каргузара, начальника телеграфов, начальника таможенной службы послать своих представителей и почетных коней на встречу Сайксу в загородный сад. *Этим Асыф-уд-доулэ несомненно создал прецедент, на соблюдение коего и в отношении нас нам придется в будущем настаивать.*

Я должен заметить, что означенная просьба правителя была исполнена почти всеми властями крайне нехотя, в особенности каргузаром, который имеет извещение из Тегерана о том, что Сайксу торжественной встречи не полагается. Со своей стороны я должен сначала послать старшего мирзу нашего в британское Генеральное Консульство для приветствования майора Сайкса по приезде его туда, но осведомившись о распоряжениях Асыф-уд-доулэ, я решил послать мирзу Арасту-хана также в загородный сад, во-первых, по-

тому, что в свое время мирза британского Генерального Консульства также выступает мне навстречу за город и, во-вторых, чтобы там подчеркнуть в глазах персиян наступившее улучшение взаимоотношений между нами и англичанами. Масштабная демонстрация в этом смысле была устроена мною и при отъезде отсюда в Сеистан управлявшего великобританским Генеральным Консульством майора Кенниона. Я воспользовался тем, что у последнего не было экипажа и в своей коляске отвез г-на Кенниона на первую станцию от г. Мешед. При этом вокруг коляски скакали вместе все наши казаки и индийские всадники и англичане сами заметили, что это первое проявление в Мешед англо-русского сближения. Об этом обстоятельстве, как мне известно, было немало толков среди персиян и каргузаров. Надеюсь, что и с Сайксом мне удастся установить такие же хорошие отношения, какие были у меня с его временным заместителем, но я должен еще раз заметить, что этот господин пользуется репутацией довольно безапелляционного человека и большого нелюбителя русских, почему при всей дружбе против него, вероятно, надо будет всегда иметь камень за пазухой. Даже собственные его подчиненные, насколько я мог запомнить, вовсе не были рады его возвращению. С глубоким почтением Клеммъ [2, л. 25].

Документы показывают, что с самого начала служебной деятельности В. О. фон Клемма на посту Генерального консула в Хорасане у российской стороны возникли веские претензии к местным персидским властям относительно необходимости соблюдения равных условий при организации встреч для российских и британских дипломатов при въезде в г. Мешед. Официальным поводом для появления дипломатических нот протеста с российской стороны стала повторная торжественная встреча, организованная и устроенная персидскими властями и жителями г. Мешед Великобритании Генеральному консулу господину Сайксу по возвращении последнего из отпуска, где его на время отсутствия замещал майор Кеннион. Все это получило подробное отражение в дипломатической переписке.

1. Нота Российского Императорского Генерального консула в Хорасане на имя Мешедского Каргузара от 26-го шевваля 1324 (30 ноября 1906 г.) № 418: «Чсть имею уведомить Ваше Превосходительство, что я приятно поражен торжественной встречей, организованной и устроенной властями и жителями Мешед г. Сайксу, Великобританскому Генеральному Консулу, по случаю его вторич-

ного въезда в город по возвращении из отпуска. Особенно порадовало меня в данном случае проявление крайней любезности и внимания. Я сам, как Вам известно, командировал для участия во встрече от вверенного мне Генерального Консульства старшего мирзу Мирза Аристу-хана, в сопровождении казаков и гуламов (персидские воины), однако т. к. названная встреча, оказанная г. Сайксу, возвращавшемуся из отпуска, была вторично, вопреки установившемуся обычаю, устроена по приказанию Его Высокопревосходительства г. Генерал-губернатора, проявившего при этом крайнюю заботливость и, конечно, знавшего, что какому случаю приличествует, я, имея ввиду равноправие дружественных Держав, считаю долгом поставить Вас в известность, что если в будущем произойдет подобный случай в Императорском Генеральном Консульстве, т. е. если я или мой преемник выедем в поездку или по делам на более или менее продолжительное время, то при возвращении обратно должна быть устроена нам такая же торжественная встреча, какая имела место в данном случае. Примите и проч. Перевел Драгоман Генерального консульства — подпись (неразборчиво)» [3, л. 21].

2. Нота Мешедского каргузара на имя Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане от 29 шевваля 1324 (3 декабря 1906) № 1117: «В ответ на ноту от 26-го сего шевваля за № 418, касательно торжественно обставленной дружеской встречи (г. Сайкса) имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что означенная нота мною доложена Его Высокопревосходительству г. Генерал-Губернатору и в копии представлена на благоусмотрение Шахского Министерства Иностранных дел. Примите и проч. Перевел с персидского драгоман Генерального Консульства — подпись (неразборчиво)» [4, л. 22].

3. Нота Мешедского каргузара на имя Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане от 27-го Зиль кадэ 1324 (30 декабря 1906 г.), № 1197: «В дополнение к ноте моей от 29-го шевваля за № 1117, имею честь уведомить Ваше Прев-во, что действительно, именно то проявление дружбы и внимательности за применение и выражение коих Вы высказались, являются лучшими и всегда всеми одобрялись и будут одобряться. Однако Его Высокопревосходительство г. Генерал-Губернатор пояснил мне, что верховая и заводная лошади были высланы им навстречу майору Сайксу при его вторичном въезде в город исключительно ввиду его личных дружественных с ним отношений. Если английско-подданные или кто-либо другой по собственному своему усмотрению уча-

ствовал во встрече, то это произошло без распоряжения и ведома Генерал-Губернатора. Вообще же, что касается официальной встречи почтенных господ представителей дружественных Держав, то она, разумеется, должна происходить в хорошо известном Вам порядке. Примите и проч. Перевел Драгоман Генерального Консульства — подпись (неразборчиво)» [5, л. 22 об.].

4. Нота Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане на имя Мешедского каргузара от 6 зиль-хидже (8 января 1907 г.) № 7: «Я имел честь получить письмо от 27 зиль-кадэ за № 1197, коим Ваше Превосходительство уведомили меня, что встреча, устроенная Великобританскому Ген. Консулу майору Сайксу при возвращении его из отпуска, имела совершенно личный и дружественных характер. Я и сам знаю, что встреча эта была частная, т.к. официальные встречи полагается устраивать лишь при первом въезде вновь назначенных консулов, но мне известно также, что эта частная встреча, оказанная майору Сайксу, почти ничем не отличалась от той официальной, которая была устроена мне несколько месяцев назад при первом въезде моем в г. Мешед, а равно, что власти местные приняли участие в церемонии въезда майора Сайкса по приглашению Его Высокопревосходительства Асыф-уд-доулэ. О последнем обстоятельстве несомненно должно быть известно и Вамъ.

Как бы то ни было, население г. Мешед, не посвященное в чувства личных симпатий между местной администрацией и майором Сайксом, не могло усмотреть никакой разницы между личной дружеской встречей, ему оказанной и официальными приемами вновь прибывших консулов и если после этого по возвращении из отпуска представителя другой Державы ему не было бы устроено подобной же встречи, то народ вывел бы из этого заключение, что между представителями отдельных держав делается разница, чего как Вы сами поймете, не должно быть.

В виду этого я могу лишь повторить высказанное мною Вам раньше пожелание, чтобы при первом возвращении в будущем из отпуска Русского Генерального Консула ему была устроена такая же личная дружественная встреча, какая ныне была оказана майору Сайксу, дабы население г. Мешед уверилось в том, что между консулами не делается никакой разницы. После этого было бы самое лучшее, если бы постановлено было раз и навсегда устраивать встречи консулам лишь при первом въезде их в город. Это избавит местные власти от лишних хлопот и нас с Вами, друг мой, и наших преемников от подобной неприятной переписки. Примите и проч.

Верно: Драгоман Генерального консульства — подпись (неразборчиво)» [6, лл. 23-23 об-24].

Как видно из приведенных выше документов, генеральный консул России в Хорасане В. О. фон Клемм, осуществляя свои прямые должностные обязанности, был блестящим аналитиком и не только высказал недовольство России по поводу ущемления российских интересов в плане соблюдения устоявшихся правил церемониала торжественных встреч дипломатических представителей, но и потребовал от персидской стороны строгого соблюдения равных условий для российских и британских дипломатов при въезде последних в г. Мешед, а также предельно четко сформулировал претензии российской стороны по поводу имевшего место прецедента, направленные на необходимость исправления позиций персов по данному вопросу, включая сохранение и упрочение авторитета и престижа Российского государства и представителей его дипломатических (консульских служб) на местах.

Таким образом, ноты В. О. фон Клемма, официально признанные персидской стороной, стали не только дипломатической победой России в Хорасане, создавая условия для новых успехов российской внешней политики на Среднем Востоке в рамках «Большой игры», но и новой ступенью карьерного роста самого дипломата: в 1908 г. по возвращении на родину В. О. фон Клемм был назначен чиновником для особых поручений при МИДе и заместителем директора первого отдела Министерства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. АВПРИ, ф. 263. Д. 64. О приезде в Хорасан Генерального Консула — действительного статского советника фон Клемма, лл. 6-19; Письмо В. О. фон Клемма от 19 августа 1906 г. № 1364 — Его Превосходительству Н. Г. Гартвигу. Секретно, лл. 6-7об.

2. Там же // Письмо В. О. фон Клемма Н. Г. Гартвигу № 164 от 24 ноября 1906 г. Секретно, л. 25.

3. Там же // Нота Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане на имя Мешедского Каргузара от 26-го шевваля 1324 (30 ноября 1906 г.) № 418, лл. 21.

4. Там же // Нота Мешедского каргузара на имя Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане от 29-го шевваля 1324 (3 декабря 1906) № 1117, л. 22.

4. Там же // Нота Мешедского каргузара на имя Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане от 27-го зиль кадэ 1324 (30 декабря 1906 г.), № 1197, л. 22 об.

6. Там же // Нота Российского Императорского Генерального Консула в Хорасане на имя Мешедского каргузара от 6 зиль-хидже (8 января 1907 г.) № 7., лл. 23-23 об-24.

КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Мао Ие, аспирант

e-mail: Maoyiye0117@gmail.com

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Китайское присутствие в Центральной Азии за последние годы заметно усилилось. Это ставит перед Россией непростые вопросы: как относиться к растущей роли соседа в регионе, который Москва традиционно считает зоной своих интересов? В статье на основе анализа открытых данных и полевых интервью (проведены автором в 2025-2026 гг. в Алматы и Бишкеке) показано, что китайская стратегия имеет два уровня: крупные инфраструктурные проекты и неформальные сети малого бизнеса. Автор приходит к выводу, что для России важнее не блокировать китайскую активность, а искать формы кооперации, которые позволят использовать китайские инвестиции для развития собственных транспортных и логистических проектов, а также для поддержки российского предпринимательства в регионе.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, внешнеполитические интересы, ЕАЭС, «Пояс и путь», малый и средний бизнес.

CHINA IN CENTRAL ASIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA'S FOREIGN POLICY INTERESTS

Mao Yiye

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

China's presence in Central Asia has grown noticeably in recent years. This poses difficult questions for Russia: how to respond to the growing role of its neighbor in a region that Moscow has traditionally considered its sphere of interest? Based on an analysis of open data and field interviews (conducted by the author in 2025–2026 in Almaty and Bishkek), the article shows that China's strategy has two levels: large infrastructure projects and informal networks of small businesses. The author concludes that for Russia it is more important not to block Chinese activity, but to seek forms of cooperation that would allow

using Chinese investment for the development of its own transport and logistics projects, as well as for supporting Russian entrepreneurship in the region.

Keywords: Russia, China, Central Asia, foreign policy interests, EAEU, Belt and Road, small and medium business.

Центральная Азия долгое время была для России чем-то вроде «заднего двора» — зоной, где её влияние практически не оспаривалось. Сегодня картина изменилась. Китай не просто торгует с Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном — он строит там дороги, заводы, логистические центры. И при этом всё активнее действуют китайские малые и средние предприятия (МСП), которые часто работают неформально, но создают устойчивые связи на местах. Как на это реагировать России? Попытаться вытеснить китайцев? Или, наоборот, использовать их ресурсы для собственных целей? Попробуем разобраться.

Многие привыкли думать о китайской экспансии в терминах мегапроектов: «Пояс и путь», новые порты, скоростные магистрали. Это, безусловно, важная часть. Но было бы ошибкой сводить всё только к ним. По данным интервью, которые автор проводил в 2025–2026 годах с владельцами китайских торговых домов в Алматы и Бишкеке, параллельно с крупными стройками идёт куда более тихая, но не менее значимая экспансия — малого бизнеса. Небольшие магазины, оптовые рынки, ремонтные мастерские, кафе — всё это создаёт сеть, которая работает независимо от государственных программ.

Один из опрошенных предпринимателей сказал: «Мы не ждём, пока государство проложит дорогу. Мы сами находим партнёров, договариваемся, поставляем товар. А дороги, построенные по BRI, просто облегчают логистику». Получается, что мегапроекты создают каркас, а малый бизнес его наполняет. Такая двухуровневая модель делает китайское присутствие очень устойчивым: если крупные инвестиции могут застопориться из-за политических решений, то тысячи мелких предпринимателей продолжают работать, потому что они уже выросли в местную экономику [1; 2].

С точки зрения российских интересов, здесь есть и риски, и возможности. Риски очевидны: постепенное замещение российского бизнеса китайским, усиление зависимости стран Центральной Азии от китайских кредитов и товаров. Но есть и другая сторона. Китайские инвестиции модернизируют инфраструктуру, которой могут пользоваться и российские компании. Например, обновлённые до-

роги и логистические центры облегчают транзит российских товаров в те же страны или дальше — в Иран, Индию.

Кроме того, как отмечает казахстанский исследователь Ф. Т. Кукеева, местные элиты в Центральной Азии стремятся диверсифицировать внешнеэкономические связи, чтобы не попасть в жёсткую зависимость ни от Москвы, ни от Пекина [3, с. 94]. Это создаёт для России возможность не конкурировать с Китаем напрямую, а предлагать альтернативные форматы — более гибкие, с учётом локальных особенностей.

Исходя из этого, можно предложить несколько практических шагов для российской внешней политики. Развивать собственные инфраструктурные проекты, но не как прямую замену китайским, а как дополнение. Например, коридор «Север-Юг» через Каспий и Иран мог бы стать альтернативным маршрутом, снижающим зависимость от китайских транспортных сетей.

Поддерживать российский малый и средний бизнес в Центральной Азии. Это не только финансовая помощь, но и упрощение административных процедур, информационная поддержка, помощь в поиске партнёров. Сейчас российские предприниматели часто проигрывают китайским именно в скорости и гибкости. Гармонизировать регуляторные режимы в рамках ЕАЭС с учётом китайского присутствия. Если правила игры будут общими для всех, российские компании смогут конкурировать на равных. Активизировать гуманитарное и образовательное сотрудничество. Здесь у России есть неоспоримое преимущество — русский язык, общая история, тысячи туркменских, казахских, кыргызских студентов, которые учатся в российских вузах. Это тот ресурс, который Китай пока не может перебить.

Китай в Центральной Азии — это не временное явление и не угроза, от которой нужно отгородиться. Это реальность, с которой придётся жить. И лучше научиться использовать её в своих интересах. Двухуровневая стратегия Китая (мегапроекты + сети МСП) создаёт сложную, но не враждебную среду. Вместо того чтобы пытаться заблокировать китайское присутствие, России стоит сосредоточиться на выстраивании кооперационных механизмов — в транспортной сфере, в поддержке бизнеса, в образовании. Тогда и страны Центральной Азии будут воспринимать Москву не как проигравшего конкурента, а как равноправного партнёра. Дальнейшие исследования могут быть направлены на конкретные примеры успешной российско-китайской кооперации в регионе, а также на анализ вос-

приятия китайского присутствия местным населением (помимо экспертных интервью).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Савин И. С.* Китайское предпринимательство в Центральной Азии: неформальные практики и политическое влияние // Вестник МГИМО-Университета. — 2025. — № 2. — С. 45–67.
2. *Вардомский Л. Б.* Транспортные коридоры в системе евразийской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. — 2024. — Т. 11. № 1. — С. 12–28.
3. *Кукеева Ф. Т.* Китай в Центральной Азии: образы прошлого и современные стратегии // Центральная Азия и Кавказ. — 2024. — № 2. — С. 88–102.
4. *Ларин А. Г.* Китайский фактор в формировании имиджа России в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. — 2025. — № 4. — С. 34–49.
5. Интервью автора с предпринимателями в Алматы и Бишкеке, 2025–2026 гг. (рукопись).

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РФ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Моренкова В. О., студентка

e-mail: morenkovavaleria99@gmail.com

Научный руководитель — **Соленцова Е. А.**, к. э. н., доцент

Самарский государственный экономический университет, г. Самара

В статье рассматривается влияние санкционных ограничений на систему высшего образования Российской Федерации. Анализируются основные вызовы, с которыми столкнулись вузы, и механизмы их адаптации к новым условиям. Особое внимание уделяется развитию отечественных образовательным платформ и программ, а также переориентации международного сотрудничества на страны Азии, Африки и другие.

Ключевые слова: санкционные ограничения, международное сотрудничество, высшее образование, импортозамещение, Болонская система.

THE IMPACT OF SANCTIONS RESTRICTIONS ON THE IMPLEMENTATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S FOREIGN ECONOMIC INTERESTS IN THE FIELD OF EDUCATION

V. Morenkova

Samara State University of Economics, Samara

The article examines the impact of sanctions restrictions on the higher education system of the Russian Federation. The main challenges faced by

universities and the mechanisms of their adaptation to new conditions are analyzed. Special attention is paid to the development of domestic educational platforms and programs, as well as the reorientation of international cooperation to the countries of Asia, Africa and others.

Keywords: sanctions restrictions, international cooperation, higher education, import substitution, Bologna system.

Геополитическая нестабильность и рост международной напряженности делают особенно актуальным анализ последствий санкционного давления для различных социальных институтов.

После 2014 года, а особенно после 2022-го, Россия столкнулась с масштабными санкциями со стороны ряда государств. Эти ограничения затронули не только экономику, но и гуманитарную сферу — в том числе и образование, а также международное научное сотрудничество. России приходится адаптироваться к этим новым реалиям и выработать собственную стратегию.

Санкционные меры разнообразны по своей форме и воздействию. Можно выделить следующие типы:

1. Экономические (ограничения в сфере торговли и финансов);
2. Технологические (запрет на экспорт оборудования и передовых технологий);
3. Институциональные (исключение из международных организаций и совместных программ);
4. Гуманитарные (затрагивающие, в частности, сферы образования и науки)

Характерная черта современных санкций — их комплексный и долгосрочный характер: они нацелены не на краткосрочное давление, а на сдерживание стратегического развития страны.

Санкции серьезно ударили по международному сотрудничеству в сфере образования. Многие зарубежные университеты перестали работать с российскими вузами — из-за этого стало гораздо меньше совместных программ и научных проектов.

В феврале 2022 года Германия официально объявила, что прекращает совместные научные исследования и программы подготовки специалистов с Россией. А уже в марте этого же года, 14 вузов лишились членства в Европейской университетской ассоциации (European University Association). Тогда же Россию отстранили от участия в Болонском процессе — системе, которая помогает сближать образовательные стандарты разных стран [2, с. 2].

Самое серьезное последствие санкций для российских вузов — это как раз исключение из международных объединений и ассоциаций. Из-за этого студенты и преподаватели лишились возможности участвовать в программах обмена: ездить учиться и работать за границу, приглашать к себе зарубежных коллег. Стало труднее получать визы, а признание российских дипломов в других странах оказалось вовсе под вопросом, особенно после выхода России из Болонской системы. [3, с. 874].

К тому же, из-за сложившейся ситуации множество международных научных проектов с участием Российской Федерации пришлось заморозить или вовсе закрыть. Это нанесло ощутимый удар по отечественной науке — ведь такие проекты давали доступ к новым технологиям и опыту зарубежных ученых.

Около 2,5 тысяч российских студентов пришлось «забрать» из зарубежных вузов, так как их просто отчислили. Но правительство РФ быстро отреагировало: в апреле 2023 года вышло постановление №528, по которому эти студенты могут бесплатно продолжить учебу в России [2, с. 2; 4].

Многие известные стипендиальные программы для россиян перестали работать. Например, больше нельзя было попасть на программу Фулбрайт (Fulbright), если ты связан с каким-либо государственным учреждением. Также закрылся британский аналог — программа Chevening, которая позволяла студентам с лидерскими качествами проходить обучение в университетах Великобритании.

Санкции создали серьезную проблему в сфере технологий: российские ученые и преподаватели лишились доступа к современному оборудованию, программному обеспечению и международным научным базам данных. Из-за этого стало сложнее проводить исследования и учить студентов — качество работы заметно снизилось.

В 2020 году, когда людей стали массово переводить на дистант, огромную популярность набрал сервис Zoom — платформа для видеоконференций, где проводили вебинары, онлайн-занятия и др. Осенью 2022 года Zoom официально прекратил прием платежей от российских пользователей и запретил им оформлять или продлевать коммерческие аккаунты, также поступила еще одна не менее важная платформа по образованию — Coursera.

Из-за ограничений российские ученые не могут в полной мере пользоваться зарубежными научными базами данных и публикациями. Раньше можно было легко найти свежие исследования, результаты экспериментов, а теперь это стало большой проблемой. Без

такой информации очень трудно вести научные работы на мировом уровне.

Получается некий замкнутый круг: нет доступа к данным — сложнее делать качественные исследования; без современных исследований падает уровень образования. Все вместе это замедляет научный прогресс в стране.

Санкционное давление оказало существенное негативное влияние на финансово-экономическое положение российских образовательных учреждений [5, с. 235–236]. Прежде всего это проявилось в сокращении доходов вузов, обусловленном снижением численности иностранных студентов, чьи образовательные услуги формировали значимую часть внебюджетных поступлений.

Заметно осложнилось финансирование научных исследований из-за ограничения доступа к международным грантам и программам поддержки. Это требовало от университетов России пересмотра стратегических планов развития [3, с. 871].

Еще одним негативным фактором ограничений стал отток квалифицированных научно-педагогических кадров за рубеж. Данный процесс не только снижает кадровый потенциал отечественной системы образования, но и влечет прямые финансовые потери, связанные с утратой инвестиций, ранее вложенных в профессиональную подготовку специалистов.

Санкционное давление на экономику неизбежно отражается на системе высшего образования, что проявляется в следующие аспектах:

1. Сокращение государственного финансирования образовательных учреждений;

2. Сокращение внебюджетных доходов вузов вследствие снижения платежеспособности населения и уменьшения инвестиционной активности бизнеса, что ограничивает возможности партнерства с промышленными и коммерческими организациями.

В период экономических ограничений критически важно сохранять инвестиции в человеческий капитал. Образование и наука выступают основой долгосрочного социально-экономического развития государства, а сокращение финансирования этих сфер может привести к замедлению инновационного прогресса и ослаблению конкурентных позиций страны в будущем.

В условиях внешнеполитических ограничений Российская Федерация предпринимает комплекс мер по адаптации к новым реалиям и активно переориентирует международное сотрудничество на новые географические направления. Приоритетными парт-

нерами становятся государства Азии, Ближнего Востока, Африки, страны СНГ, и другие, которые не присоединились к ограничительным мерам.

Россия выстроила систему мер для минимизации негативных последствий введенных ограничений. Ключевой элемент этой стратегии — наращивание образовательных контактов с регионами, где растет взаимный академический обмен и увеличивает приток иностранных студентов.

Особое место в новой форме международного сотрудничества занимает Африка. В рамках укрепления связей разработан и утвержден «План действий Форума партнерства Россия-Африка на 2023-2026 гг.» Документ охватывает широкий спектр направлений взаимодействия — от политики до экономики до вопросов безопасности и гуманитарных связей [6]. Важная составляющая плана — совместные усилия по продвижению согласованных подходов в сфере науки и образования на международных площадках.

Практическим воплощением этой стратегии служат, например, открытие в 2023 году Оренбургским государственным педагогическим университетом «Центра открытого образования» в Кампале (Уганда). Центр нацелен на популяризацию и изучение русского языка. За отчетный период его бесплатные программы освоили 350 граждан Уганды, что демонстрирует реальный прогресс в развитии образовательных связей с африканскими регионами [7, с. 260]

В последние годы заметно усилилась политика импортозамещения в научно-технической сфере: активно развиваются отечественные технологии и научные разработки, призванные снизить зависимость от зарубежных решений.

Ярким примером такой работы стала платформа «Сферум», запущенная в 2021 году. Динамика роста впечатляет: за период с осени 2022 года по весну 2023-го число пользователей увеличилось в 2,7 раза и достигло 9,6 млн человек. Платформа предназначена для организации учебного процесса [8, с. 64].

После ухода с российского рынка платформы Coursera активизировалось развитие отечественных онлайн-площадок: например, Яндекс. Практикум — сервис, запущенный в 2019 году и предназначенный для онлайн-обучения в сфере ИТ. Это закладывает основу для формирования суверенной цифровой образовательной среды и снижения технологической зависимости. Онлайн-курсы и дистанционные программы не только расширяют доступ к российскому образо-

ванию, в том числе для иностранных студентов, но и помогают компенсировать потери от сокращения академической мобильности.

Импортзамещение в сфере образования и науки — это не просто замена зарубежных программ на отечественные, а создание собственной научно-технической базы, способной обеспечить технологическую независимость страны.

Особое внимание уделяется сохранению кадрового потенциала. Необходимость специальных программ поддержки молодых учёных и преподавателей — это может предотвратить их отток из сферы образования и науки.

Выход из Болонской системы стал значимым институциональным изменением, открывающим новые возможности для развития национальной модели образования. Отказ от данной системы создаёт предпосылки для формирования более практико-ориентированной модели подготовки специалистов, отвечающей запросам российской экономики. Такой подход позволяет вернуться к углубленным программам изучения, характерным для советской традиции образования [9, с. 28]. В то же время выход из системы осложняет признание дипломов за рубежом, сокращает возможности обмена студентами и требует значительных затрат на адаптацию учебных программ. Успех изменений будет зависеть от способности минимизировать риски изоляции при укреплении национальной образовательной автономии.

Исследование подтверждает, что санкционные ограничения существенно изменили условия реализации образовательных интересов Российской Федерации на международной арене. С одной стороны, они спровоцировали ряд серьезных проблем: разрыв связей с западными партнерами, сокращение академической мобильности, технологические ограничения из-за отзыва лицензий на зарубежное программное обеспечение и отток квалифицированных кадров. Современная геополитическая ситуация нарушает международное научное сотрудничество России.

С другой стороны, эти вызовы стали катализатором позитивных изменений: санкции послужили триггером для модернизации отечественной образовательной системы: развитие собственных образовательных платформ и программного обеспечения, создание операционных систем (например, Astra Linux) и др.

В долгосрочной перспективе система образования будет двигаться в сторону большей автономности и регионализации сотруд-

ничества. Это развитие должно опираться на внутреннюю инфраструктуру и академический обмен с новыми партнерами, так как это позволит обеспечивать суверенизацию национальной системы высшего образования и эффективно реализовывать внешнеэкономические интересы России в новых геополитических условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международная мобильность ученых: угроза или благо? : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / М. А. Гершман, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др. ; науч. ред. Л. М. Гохберг, Е. А. Стрельцова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 6 с.
2. *Бурганова И. Н.* Перспективы высшего образования РФ в условиях антироссийских санкций / И. Н. Бурганова, О. А. Фарус // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2024.
3. *Панасенко Н. В.* Влияние международного санкционного давления на деятельность учреждений высшего образования Российской Федерации / Н. В. Панасенко // *Экономика и управление*. — 2024. — Т. 30, № 7. — С. 869—876.
4. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2023 г. № 528 «Об утверждении особенностей приема на обучение по образовательным программам высшего образования, имеющим государственную аккредитацию, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) в 2023 году».
5. *Шугуров М. В., Серебряков А. А., Печатнов Ю. В.* Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных разрывов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2022. — С. 235—236.
6. План действий Форума партнёрства «Россия-Африка» на 2023—2026 годы, принятый на втором саммите «Россия-Африка».
7. Кулаева Г. М., Якимов П. А. Педагогическая поддержка деятельности «Центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку» в странах Африки (на примере Республики Уганда) // ПНиО. — 2025. — № 1 (73). — 260 с.
8. *Бражникова С. С.* Современные цифровые коллаборативеык инструменты в российском образовании: опыт, вызовы и перспективы // *Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования*. — 2025. — № 2 (72).
9. *Наумова Т. В.* Позиции современной российской науки в мировом научном сообществе // *Социально-гуманитарные знания*. — 2021. — № 5.

10. *Шугуров М. В.* Оценка санкций в отношении российской науки зарубежными исследователями: многообразие подходов // Управление наукой и наукометрия. — 2023. — № 4. — С. 578–581.

11. *Исяняев Р. М.* Влияние санкций на российское образование // Экономика и социум. — 2024. — № 2-2 (117). — С. 475–479.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ДО ВЫЗОВОВ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Новодран Е. М., ассистент

e-mail: novodran.ekaterina@mail.ru

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик*

В работе анализируется процесс возвращения и укрепления позиций Российской Федерации на рынке углеводородов Ближнего Востока в период начала 2000-х годов вплоть до начала событий «Арабской весны». Исследуется трансформация ближневосточного вектора внешней политики России от периферийного к стратегически значимому направлению, обусловленная стремлением к формированию многополярной системы международных отношений и защите национальных экономических интересов. На основе изучения нормативно-договорной базы и практики реализации крупных проектов выделены ключевые форматы и направления партнерства России с ведущими региональными игроками: Королевством Саудовская Аравия, Объединенными Арабскими Эмиратами, Ираном, Ираком, Египтом, Ливией и Сирией. В заключении систематизированы факторы, способствовавшие успехам российского энергетического проникновения в регион, а также ключевые внешние вызовы, главными из которых стали международные санкции (прежде всего, в отношении Ирана и Ирака) и дестабилизация, вызванная «Арабской весной», приведшая к приостановке или свёртыванию ряда перспективных проектов.

Ключевые слова: Российская Федерация, Ближний Восток, энергетическое партнерство, топливно-энергетический комплекс.

THE EVOLUTION OF RUSSIA'S ENERGY DIPLOMACY IN THE MIDDLE EAST: FROM RECOVERY TO THE CHALLENGES OF THE «ARAB SPRING»

E. Novodran

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

This article analyzes the process of regaining and strengthening Russia's position in the Middle East hydrocarbon market from the early 2000s until the

onset of the Arab Spring. It examines the transformation of Russia's Middle East foreign policy vector from a peripheral one to a strategically significant one, driven by the desire to form a multipolar system of international relations and protect national economic interests. Based on an examination of the regulatory framework and the implementation of major projects, key formats and areas of Russia's partnership with leading regional players are identified: the Kingdom of Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Iran, Iraq, Egypt, Libya, and Syria. The conclusion systematizes the factors that contributed to Russia's successful energy penetration in the region, as well as key external challenges, the most important of which were international sanctions (primarily against Iran and Iraq) and the destabilization caused by the Arab Spring, which led to the suspension or curtailment of a number of promising projects.

Keywords: Russian Federation, Middle East, energy partnership, fuel and energy complex.

Возвращение Российской Федерации в качестве влиятельного актора на ближневосточную арену в начале 2000-х годов представляло собой целенаправленный стратегический процесс, инициированный в контексте курса на построение многополярной архитектуры международных отношений. Этот курс, закреплённый в Концепции внешней политики 2000 года, предполагал не только укрепление традиционных направлений, но и активное восстановление утраченных в 1990-е годы позиций в ключевых регионах, к которым, безусловно, относится Ближний Восток, обладающий колоссальными углеводородными ресурсами и геополитическим весом [6]. Энергетическая сфера закономерно стала стержнем и главным практическим содержанием этого «возвращения», поскольку именно она соответствовала как экономическим интересам России, так и потребностям стран региона в диверсификации партнёрств, технологиях и инвестициях.

Институциональная основа сотрудничества была заложена серией базовых межправительственных соглашений, заключённых преимущественно в 1990-е годы между Россией и странами региона. Так, соглашения о были заключены с Королевством Саудовская Аравия (КСА) в 1994 году, с Объединёнными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) в 1990 году, с Сирией в 1993 году, с Ливией в 1995 году и др. [3, 10, 11, 12] Эти документы создали правовые рамки для торгово-экономического и технического взаимодействия. Их функциональное наполнение и оперативная координация обеспечивались через систему межправительственных комиссий (МПК) и совместных советов, которые стали платформами для выработки приорите-

тов и решения конкретных вопросов. Важным дипломатическим актом, значительно усилившим возможности России в регионе, стало получение в 2005 году статуса наблюдателя в Организации Исламская Конференция (ОИК; с 2011 года переименована в Организацию исламского сотрудничества (ОИС) [5]. Этот шаг позволил Москве включиться в диалог с исламским миром, участвовать в аналитическом осмыслении конъюнктуры мирового нефтяного рынка и координировать подходы по вопросам ценообразования и баланса спроса и предложения.

Практическая реализация энергетического партнерства осуществлялась преимущественно через проекты крупнейших российских корпораций государственного и частного капитала. В отношениях с КСА переломным моментом стало подписание в 2003 году Соглашения о сотрудничестве в области нефти и газа, за которым последовала реализация флагманского проекта по освоению блока «А» в пустыне Руб-эль-Хали совместным предприятием «LUKSAR» («Лукойл» и «Saudi Aramco») [7]. Другим знаковым достижением стало строительство компанией «Стройтрансгаз» нефтепровода «Шейба-Абкейк» (2007-2009), являвшегося первым проектом, полностью реализованным российским подрядчиком на территории королевства [8]. Государственный визит президента В. В. Путина в Эр-Рияд в 2007 году и его заявление о союзничестве, а не конкуренции на энергетическом рынке, символически закрепили новый качественный уровень взаимоотношений.

Сотрудничество с ОАЭ отличалось высокой динамикой товарооборота, устойчивым положительным сальдо для России за счет экспорта оборудования и услуг для топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Институционализации связей способствовал визит российского президента в Абу-Даби в 2007 году, в ходе которого, помимо прочего, было урегулировано вопрос долга бывшего СССР. Ключевым инфраструктурным проектом стало строительство газопровода Тавила-Фуджейра компанией «Стройтрансгаз» на условиях полного цикла (EPC-контракт) в 2008-2011 годах [13]. Активность российского бизнеса в ОАЭ была консолидирована с созданием в 2010 году Российского Совета предпринимателей, а стратегическое партнерство «Роснефти» с компанией «Crescent Petroleum» ознаменовало выход на новый уровень инвестиционного взаимодействия.

Отношения с Ираном, несмотря на длительную историю сотрудничества, развивались в наиболее сложных внешних условиях,

ограниченные режимом международных санкций, инициированных США. Так, российские компании участвовали в масштабных проектах, таких как разработка фаз 2 и 3 месторождения «Южный Парс» консорциумом с участием «Газпрома» (1997 г.) [14]. В 2001 году нормативная база взаимодействия была дополнена Договором об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Россией и Ираном, а проект транспортного коридора «Север-Юг» открывал перспективы альтернативных маршрутов экспорта углеводородов [9]. Однако активная геологоразведочная деятельность «Лукойла» и «Татнефти» в середине 2000-х годов сменилась вынужденным свёртыванием присутствия под санкционным давлением. Попыткой адаптации к этим условиям стала «Дорожная карта» сотрудничества 2010 года, предусматривавшая, в том числе, создание совместного банка для финансирования проектов.

На иракском направлении Россия стремилась восстановить утраченные после войны 2003 года позиции. Успехом стало повторное, уже в новых политических условиях, получение консорциумом во главе с «Лукойлом» прав на разработку гигантского месторождения Западная Курна-2 в 2009 году, а также участие «Газпром нефти» в проекте месторождения Барда [2, 4]. В других странах региона российское присутствие также нарастало: «Лукойл» и «НОВА-ТЭК» работали в Египте; «Татнефть» и «Газпром» — в Ливии, где визит президента В. В. Путина в 2008 году сопровождался подписанием меморандума о всеобъемлющем энергетическом партнерстве [1]; «Татнефть» и «Стройтрансгаз» — в Сирии, где энергетическое сотрудничество тесно переплеталось с военно-техническим.

На динамику и результаты российского энергетического проникновения в регион оказывали влияние несколько ключевых факторов. Со стороны России определяющими были последовательный внешнеполитический курс на многополярность и прямая государственная поддержка активного продвижения национальных корпораций, обладавших необходимыми технологиями и компетенциями. Со стороны внешней среды наиболее значимое воздействие оказывала политика США, чьи односторонние санкции против Ирана и Ирака становились прямым барьером для реализации проектов. Однако наиболее масштабным деструктивным явлением, нанесшим серьезный урон накопленным активам и перспективам, стали события «Арабской весны» 2011 года. Политическая дестабилизация, переросшая в некоторых странах (Ливия, Сирия) в полномасштабные вооруженные конфликты, привела к приостановке, заморозке

или физическому уничтожению целого ряда совместных проектов, продемонстрировав высокую уязвимость экономического присутствия от региональной политической турбулентности.

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI века Российская Федерация сумела трансформировать свой статус на ближневосточном энергетическом рынке, пройдя путь от ослабленного после распада СССР игрока к положению влиятельного и востребованного партнера. Россией была выстроена комплексная модель сотрудничества со странами региона, которая охватывала все этапы деятельности в ТЭК — от геологической разведки до строительства объектов инфраструктуры и совместного освоения рынков. Этот успех был достигнут за счет симбиоза государственной «энергетической дипломатии» и конкурентных преимуществ корпораций. Однако устойчивость достигнутых позиций оказалась существенно ограничена внешними факторами, главными из которых стали санкционное давление и внутренняя политическая нестабильность в странах-партнерах, что обозначило для России необходимость выработки более гибких и риск-ориентированных стратегий в условиях перманентной турбулентности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Газпром и ливийская ННКЛ подписали меморандум о сотрудничестве // Известия. 2008. 17 апреля. URL: <https://iz.ru/news/423226> (дата обращения: 30.03.2026).
2. «Газпром нефть» выиграла тендер на месторождение в Ираке // РИА Новости. 2009. 12 декабря. URL: <https://ria.ru/20091212/198835822.html> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Генеральное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия. Заключено в г. Эр-Рияде 20.11.1994. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901948> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Западная Курна-2 // Компания «Лукойл». URL: <http://www.lukoil.ru/Business/Upstream/Overseas/WestQurna-2> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации в связи с объявлением о представлении России статуса наблюдателя в ОИК. URL: http://www.mid.ru/organizacia-islamskogo-sotrudnicstva-ois/-/asset_publisher/km9HkaXMTium/content/id/433796 (дата обращения: 30.03.2026).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 30.03.2026).

7. Королевство Саудовская Аравия // Компания «Лукойл». URL: <http://mideast.lukoil.com/ru/Activities/SaudiArabia> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Нефтепровод Шейба-Абкейк-2 // Компания «Стройтрансгаз». URL: http://www.stroytransgaz.ru/projects/oilgas_engineering/1016/ (дата обращения: 30.03.2026).

9. Север и Юг становятся ближе // Альта-Софт. 2022. 26 января. URL: https://www.alt.ru/logistics_news/86599/ (дата обращения: 30.03.2026).

10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902088> (дата обращения: 30.03.2026).

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией о торговом, экономическом и научно-техническом сотрудничестве от 22 июля 1995 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48037/ (дата обращения: 30.03.2026).

12. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Объединённых Арабских Эмиратов о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48893/ (дата обращения: 30.03.2026).

13. «Стройтрансгаз» и Dolphin Energy подписали контракт о строительстве газопровода стоимостью \$400 млн в ОАЭ // Нефть и Капитал. 2008. 24 июля. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/24-07-2008/stroytransgaz-i-dolphin-energy-podpisali-kontrakt-o-stroitelstve-gazoprovoda-stoimostyu-400-mln-v-oe> (дата обращения: 30.03.2026).

14. Южный Парс «запустили» // Neftegaz.RU. 2004. 7 июля. URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/304214-yuzhnyy-pars-zapustili/> (дата обращения: 30.03.2026).

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА К ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ (2015-2024)

Рейна Мусабек, аспирант

e-mail:reina.musabek@mail.ru

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва*

В статье анализируется эволюция стратегической роли России на Ближнем Востоке в 2015–2024 гг. Автор выделяет два ключевых этапа: первый (2013–2015) характеризуется дипломатическим посредничеством, когда Россия выступила ключевым участником переговоров по иранской ядерной программе, способствуя заключению Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и выступая балансиром между США и Ираном. Второй этап (2018–2024) ознаменован переходом к военно-стратегическому партнерству с Ираном, включающему поставки вооружений (беспилотные летательные аппараты, авиационная техника), технологический обмен и координацию действий в региональных конфликтах (Сирия, эскалация ирано-израильского противостояния). Автор доказывает, что трансформация российской стратегии была обусловлена эскалацией российско-западной конфронтации (особенно после 2022 г.), стратегическим сжатием США на Ближнем Востоке и взаимными интересами Москвы и Тегерана. В заключении анализируются последствия данной трансформации для геополитического ландшафта региона: ослабление американской гегемонии, ускорение многополярности и обострение гонки вооружений.

Ключевые слова: Ближний Восток, внешняя политика, военно-стратегическое партнерство, геополитическая трансформация.

RUSSIA IN THE MIDDLE EAST: FROM DIPLOMATIC MEDIATION TO MILITARY-STRATEGIC PARTNERSHIP (2015-2024)

Reina Musabek

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The paper examines the evolution of Russia's strategic role in the Middle East from 2015 to 2024. The author identifies two key stages. The first stage (2013–2015) is characterized by diplomatic mediation, when Russia acted as a key participant in the negotiations on the Iranian nuclear program, contributing to the conclusion of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) and serving as a balancer between the United States and Iran. The second stage (2018–2024) is marked by the transition to a military-strategic partnership with Iran, encompassing arms supplies (unmanned aerial vehicles, aircraft), technological exchange, and coordination of actions in regional conflicts (Syria, the escalation of the Iran-Israel confrontation). The author argues that the

transformation of Russian strategy was driven by the escalation of the Russia-West confrontation (especially after 2022), the strategic contraction of the United States in the Middle East, and the mutual interests of Moscow and Tehran. The conclusion analyzes the consequences of this transformation for the geopolitical landscape of the region: the weakening of American hegemony, the acceleration of multipolarity, and the intensification of the arms race.

Keywords: Middle East, foreign policy, military-strategic partnership, geopolitical transformation.

Введение

За последние десять лет российская политика на Ближнем Востоке изменилась до неузнаваемости. В 2015 году Москва играла роль дипломатического посредника — к 2024-му на первый план вышло уже военно-стратегическое сотрудничество с Ираном. В 2015 году Россия выступила ключевым посредником в заключении Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, продемонстрировав способность к дипломатическому маневру и взаимодействию с Западом. К 2024 году, на фоне кардинального изменения геополитической обстановки, Россия и Иран оформили военно-стратегическое партнерство, включающее поставки вооружений, технологический обмен и координацию действий в региональных конфликтах.

Данная трансформация ставит вопрос: как и почему изменилась стратегическая роль России на Ближнем Востоке за последнее десятилетие? В статье предлагается анализ эволюции российского присутствия в регионе, выделяя два этапа: 2013-2015 гг. (дипломатическое посредничество) и 2018-2024 гг. (военно-стратегическое партнерство).

Цель статьи — выявить стратегическую логику трансформации роли России на Ближнем Востоке и оценить ее влияние на региональный геополитический ландшафт.

Основная гипотеза заключается в том, что переход России от дипломатического посредничества к военно-стратегическому партнерству с Ираном был обусловлен эскалацией российско-западной конфронтации, стратегическим сжатием США в регионе и взаимными интересами Москвы и Тегерана. Данная трансформация привела к ослаблению американской гегемонии, ускорению многополярности и обострению гонки вооружений на Ближнем Востоке.

В работе использовался качественный анализ конкретных случаев. Основу источников составили официальные документы, статистика SIPRI, отчеты МАГАТЭ, а также публикации по теме.

1. Россия как дипломатический посредник (2013-2015)

В те годы Москва активно включилась в урегулирование иранской ядерной проблемы. Это был первый этап, который можно назвать дипломатическим. К моменту прихода к власти администрации Барака Обамы в 2009 году переговорный процесс находился в тупике: Совет Безопасности ООН принял семь резолюций, вводивших санкции против Ирана, но количество центрифуг в стране продолжало расти. Избрание Хасана Роухани президентом Ирана в июне 2013 года открыло «окно возможностей» для дипломатического прорыва.

Именно Москве удалось предложить компромиссную формулу, впоследствии ставшую основой для соглашения: Иран получает право на мирный атом, но под жестким контролем МАГАТЭ. Как подчеркивалось в заявлениях МИД России, эта концепция, выдвинутая президентом Путиным, позволила преодолеть позицию США, настаивавших на «нулевом обогащении». Российская дипломатия взяла на себя роль балансира между Вашингтоном и Тегераном, поддерживая переговорный процесс даже в условиях начавшегося в 2014 году украинского кризиса.

Результатом стала выработка Женевского соглашения (ноябрь 2013 года), а затем и Совместного всеобъемлющего плана действий (июль 2015 года). Как отметил министр иностранных дел России Сергей Лавров, достигнутые договоренности стали «успехом всех участников», показавшим способность международного сообщества к совместным действиям [1, с. 5—18]. На этом этапе Россия действовала как дипломатический посредник, демонстрируя приверженность многосторонним механизмам и стремление к поддержанию региональной стабильности.

2. Россия как военно-стратегический партнер (2018-2024)

Второй этап — это уже совсем другая история. После того как США вышли из СВПД (2018), а затем началась специальная военная операция (2022), Москва и Тегеран перешли к военно-стратегическому партнерству. Посредничество осталось в прошлом.

Ключевым элементом этого партнерства стало военно-техническое сотрудничество. С 2022 года Иран стал поставщиком беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для применения в зоне специальной военной операции. В свою очередь, Россия углубила сотрудничество в сфере авиационных технологий, предоставив Тегерану современные системы вооружений. По данным Стокгольмского

международного института исследований проблем мира (SIPRI), объем военно-технического сотрудничества между двумя странами достиг беспрецедентного уровня [2].

Одновременно укреплялось российское военное присутствие в регионе. С 2015 года Россия поддерживает военные базы в Тартусе и Хмеймиме (Сирия), которые стали стратегическими форпостами в Восточном Средиземноморье. После смены власти в Дамаске в декабре 2024 года Москва ведет переговоры о сохранении этих объектов, подчеркивая их значение для стабильности в регионе [3].

Координация действий между Москвой и Тегераном достигла нового уровня в 2024 году. В апреле, в ходе прямого обмена ударами между Ираном и Израилем, российская сторона заняла скоординированную позицию с иранским руководством. Как отмечает эксперт Российского совета по международным делам А. Г. Мардазов, Россия и Иран фактически оформили военно-политический альянс, способный противостоять американскому присутствию в регионе [4].

Таким образом, на втором этапе Россия превратилась из дипломатического посредника в военно-стратегического партнера Ирана, используя военное сотрудничество для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и противодействия Западу.

3. Стратегическая логика трансформации

Трансформация российской стратегии на Ближнем Востоке от дипломатического посредничества к военно-стратегическому партнерству обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Почему произошла такая трансформация? Причин несколько, и все они взаимосвязаны. Главная, пожалуй, — углубление конфронтации между Россией и Западом. После 2014 года отношения России с западными странами постепенно ухудшались, а с началом специальной военной операции на Украине в 2022 году достигли точки полного разрыва. В этих условиях Москва активизировала поиск стратегических партнеров на Ближнем Востоке, способных противостоять давлению Запада. Иран, сам находящийся под жесткими санкциями США, оказался естественным союзником [5].

Не менее значимым фактором стало стратегическое сжатие США в регионе. Администрация Барака Обамы провозгласила курс на «перебалансировку» в Азию, а Дональд Трамп закрепил политику сокращения американского присутствия на Ближнем Востоке. Выход США из СВПД в 2018 году и вывод войск из Афганистана

в 2021 году создали своего рода вакуум силы, который Россия стремилась заполнить [6].

Свою роль сыграли и взаимные интересы Москвы и Тегерана. Для России Иран стал важным партнером в обход санкций, поставщиком беспилотников и связующим звеном с региональными негосударственными акторами. Для Ирана, в свою очередь, сотрудничество с Россией открыло доступ к современным вооружениям, поддержку на международной арене и противовес американскому давлению [7].

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов геополитический расчет. Создание военных баз в Сирии позволило России установить контроль над восточной частью Средиземного моря, обеспечить защиту южных рубежей и создать плацдарм для проецирования силы в Африку. Крым и Сирия, как отмечается в военно-аналитической литературе, оказались связаны в единую систему стратегического сдерживания [8].

Выходит, стратегия России на Ближнем Востоке менялась под влиянием объективных обстоятельств: давление Запада, изменение международной обстановки, взаимный интерес Москвы и Тегерана. В этом смысле выбор в пользу углубления сотрудничества с Ираном выглядел вполне рациональным.

4. Влияние на геополитический ландшафт Ближнего Востока

Трансформация российской стратегии оказала глубокое влияние на геополитический ландшафт Ближнего Востока.

Ослабление американской гегемонии. Россия продемонстрировала способность противостоять американскому влиянию в регионе. Отказ от дипломатического посредничества в пользу военно-стратегического партнерства с Ираном привел к формированию альтернативного центра силы. США, традиционно доминировавшие в регионе, вынуждены учитывать российские интересы при принятии решений по Сирии, Ирану и Персидскому заливу [9].

Ускорение многополярности. Российско-иранское партнерство стимулировало другие региональные державы к диверсификации внешних связей. Турция, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты активизировали сотрудничество с Китаем, усиливая тенденцию к многополярности. Ближний Восток перестал быть зоной исключительного влияния США [10].

Обострение гонки вооружений. Военно-техническое сотрудничество России и Ирана стимулировало соседние государства к на-

ращиванию военных потенциалов. Израиль активизировал разработку систем противоракетной обороны, страны Персидского залива увеличили закупки вооружений. По данным SIPRI, импорт вооружений странами Ближнего Востока в 2022-2024 гг. достиг рекордных показателей [11].

Изменение баланса в Восточном Средиземноморье. Российское военное присутствие в Сирии (Тартус, Хмеймим) позволило Москве контролировать ключевые морские коммуникации. В сочетании с черноморскими базами это создало единую систему сдерживания, ограничивающую маневр сил НАТО в регионе [12].

Итак, сдвиги в российской стратегии не прошли бесследно для региона. Баланс сил изменился, американская гегемония ослабла, а многополярность, о которой много говорят, стала реальностью — по крайней мере на Ближнем Востоке.

Заключение

Подводя итоги, можно выделить несколько ключевых моментов.

На первом этапе (2013-2015) Россия выступала как дипломатический посредник, способствуя заключению СВПД и выступая балансиром между США и Ираном. На втором этапе (2018-2024) произошел переход к военно-стратегическому партнерству с Ираном, включающему поставки вооружений, технологический обмен и координацию действий в региональных конфликтах.

Ключевыми факторами стали: эскалация российско-западной конфронтации (особенно после 2022 г.), стратегическое сжатие США на Ближнем Востоке, взаимные стратегические интересы России и Ирана, а также геополитический расчет, связанный с созданием системы сдерживания в Восточном Средиземноморье.

Трансформация российской стратегии привела к ослаблению американской гегемонии, ускорению многополярности, обострению гонки вооружений и изменению баланса сил в Восточном Средиземноморье.

Дальнейшее развитие российско-иранского партнерства будет зависеть от динамики российско-западных отношений, политики новой администрации США и реакции региональных акторов. Вопрос о сохранении российского военного присутствия в Сирии после смены власти в Дамаске остается ключевым вызовом для Москвы.

Если смотреть шире, путь России на Ближнем Востоке — от посредника до военного партнера Ирана — отражает то, что происходит в международных отношениях в целом. Москва сумела под-

строиться под новые условия и теперь уже не просто участник дипломатических процедур, а один из тех, кто определяет расклад сил в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арбатов А.* Ядерное нераспространение: уроки иранского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — № 12. — С. 5–18.
2. SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2024. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 01.04.2026).
3. *Мардасов А. Г.* Конкуренция России и США на фоне смены власти в Сирии // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. — 2025. — № 1. — С. 142–150.
4. *Иванов В. Г., Гаврилин И. В., Насытов Д. Н.* Интегрированная электронная карта как единая информационная система боевой обстановки // САПР и графика. — 2017. — № 8. — С. 67–72.

ВОСПРИЯТИЕ КОНВЕНЦИИ МОНТРЕ 1936 ГОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

*Родин Д. В., к. и. н., научный сотрудник
e-mail: enigma9307@mail.ru,*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва*

В статье анализируется динамика восприятия конвенции Монтрё 1936 года в Советском Союзе и Российской Федерации на протяжении девяноста лет, прошедших с момента ее принятия. На основе широкого круга источников прослеживается эволюция оценок данного документа: от восторженного принятия как победы советской дипломатии до резкой критики в первые годы холодной войны и последующего признания его ключевой роли в обеспечении безопасности черноморских держав. Особое внимание уделяется современному этапу, на котором конвенция Монтрё рассматривается российским политическим и дипломатическим истеблишментом в качестве важнейшего международно-правового инструмента, гарантирующего стабильность южных рубежей России и незыблемость режима Черноморских проливов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Воображаемые регионы» между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления». № 24-18-00461. <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Ключевые слова: конвенция Монтрё, Черноморские проливы, международные отношения, СССР, Российская Федерация, Турция, советско-турецкие отношения, российско-турецкие отношения.

PERCEPTION OF THE 1936 MONTREUX CONVENTION IN THE SOVIET UNION AND THE RUSSIAN FEDERATION²

D. Rodin

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article analyzes the dynamics in perception of the 1936 Montreux Convention in the Soviet Union and the Russian Federation over the ninety years since its adoption. Drawing on a wide range of sources, it traces the evolution of assessments of this document: from enthusiastic acceptance as a victory for Soviet diplomacy to sharp criticism in the early years of the Cold War and subsequent recognition of its key role in ensuring the security of the Black Sea powers. Particular attention is paid to the current stage, in which the Montreux Convention is viewed by the Russian political and diplomatic establishment as a crucial international legal instrument guaranteeing the stability of Russia's southern borders and the inviolability of the Black Sea Straits.

Keywords: Montreux Convention, Turkish Straits, international relations, USSR, Russian Federation, Turkey, Soviet-Turkish relations, Russian-Turkish relations.

В 2026 г. исполняется 90 лет со дня подписания конвенции Монтрё о режиме судоходства в Черноморских проливах – одного из немногих документов 1930-х гг., что до сих пор сохраняет свою силу и значение. Ее принятие стало результатом острой дипломатической борьбы, развернувшейся в швейцарском городе с 22 июня по 21 июля 1936 г. между советской делегацией (которую возглавлял лично нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов) и делегацией Великобритании. В дебатах советской и британской делегаций, по словам прессы, «столкнулись два противоположных тезиса, две концепции международного права. Английский тезис основан на праве довоенного периода – право воюющих сторон, военной необходимости, нейтральности. Советский тезис основан на новом праве – уважении к Уставу Лиги наций» [17, с. 1]. Благодаря поддержке со стороны Франции и балканских государств Литвинов сумел одержать победу, и в основу конвенции был положен советский

² The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>, “‘Imagined regions’ between the two worlds wars: the problems of construction and management”

проект, который предусматривал: свободный пропуск через проливы торговых судов в мирное и военное время; ограничение военно-морских флотилий нечерноморских стран при проходе в мирное время классом, общим тоннажем и числом (не более 9 кораблей); в случае участия Турции в войне — предоставление ей права разрешать или не разрешать допуск в проливы любых военных судов; закрытие проливов для прохода кораблей любой воюющей державы в том случае, если Турция не участвует в войне. Тем самым Черноморский флот СССР получил возможность свободно выходить на средиземноморские (и не только) просторы при сохранении достаточно высокого уровня безопасности для черноморского побережья СССР. В связи с этим зарубежная пресса писала о «стопроцентной победе франко-большевистского союза» [8, л. 86].

Однако нельзя не согласиться с мнением историков, отмечавших, что победу, одержанную советской делегацией на конференции, «держала в руках Анкара», поскольку применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Турции [37, с. 261]. А этот курс был довольно непоследовательным. Если весной 1936 г. глава советского правительства В. М. Молотов характеризовал турецко-советские отношения «как пример лучшего развития дружественных отношений СССР с зарубежными странами» [24, с. 5], то уже в ходе самой конференции в Монтрё обозначился отход Турции от дружбы с Советским Союзом и ее переориентация на Англию, готовую согласиться с турецкими требованиями о демилитаризации проливов и вместе с тем проводящую линию на сдерживание СССР [26, с. 335]. Заявления турецкой делегации о ее согласии с английским проектом конвенции, который, по оценкам историков, «ставил Турцию в невыгодное положение и наносил удар по ее престижу» [37, с. 252], наталкивали советских дипломатов на мысль о том, что позиции англичан и турок были согласованы заранее. А уже осенью при встрече с послом Турции в СССР З. Апаидыном Литвинов отметил, что им было «вынесено впечатление о том, что Турция в настоящее время лишена полной свободы в своей внешней политике и что она, по соглашению или добровольно, вынуждена считаться с мнениями других правительств» [11, с. 502], под которыми подразумевалось в первую очередь правительство Великобритании.

Последующие события, связанные со Второй мировой войной и началом войны холодной, привели к временному обострению со-

ветско-турецких отношений и к вступлению Турции в блок НАТО в 1952 г. Соответственно, с того момента и вплоть до сегодняшнего дня исполнение конвенции Монтрё зависит от страны-участницы Североатлантического альянса, изначально имевшего антисоветскую направленность, а после распада СССР продемонстрировавшего направленность уже антироссийскую. Очевидно, что изменения в международной обстановке второй половины XX и первых десятилетий XXI вв. неизбежно влияли на динамику восприятия конвенции 1936 года отечественными политическими и дипломатическими кругами. И в рамках представленной статьи данная динамика будет прослежена с целью поиска ответа на вопрос, в какой степени конвенция Монтрё о режиме судоходства в Черноморских проливах соответствовала и соответствует внешнеполитическим интересам Москвы в новых геополитических реалиях.

Хотя по окончании конференции в Монтрё советская печать восторженно писала, что подписание конвенции является «победой тех идей, за которые настойчиво боролась советская дипломатия... не только в интересах СССР, но и в интересах дела мира» [25, с. 1], на деле в Москве не могли не заметить известного охлаждения в советско-турецких отношениях. Поэтому советское правительство практически сразу после завершения конференции пришло к мысли о необходимости ее дополнения советско-турецким пактом о взаимопомощи, который позволял бы СССР участвовать в регулировании режима проливов. Накануне Второй мировой войны советские дипломаты неоднократно инициировали переговоры о заключении советско-турецкого соглашения о взаимной помощи, которое охватывало бы зону Черноморских проливов. Этот вопрос дискутировался, например, летом 1939 г., однако обсуждение деталей соглашения между Турцией и СССР зашло в тупик из-за конкретных условий применения ст. 19 конвенции Монтрё о пропуске судов в военное время [12, с. 428]. Кроме того, переговоры с Турцией были тесно увязаны с Московскими переговорами между СССР, Англией и Францией о заключении трехстороннего пакта о взаимопомощи, и после прекращения последних в связи с неуступчивостью сторон и подписанием пакта Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 г. переговоры с Турцией также были приостановлены.

Вновь к обсуждению данного вопроса Москва и Анкара вернулись осенью 1939 г., уже после начала Второй мировой войны, однако ввиду отказа советской стороны предоставить Турции гарантии безопасности (из-за чего предполагаемый пакт фактически

сводился к недопущению прохода в Черное море судов Великобритании и Франции) турецкое правительство предпочло заключить договор о взаимной помощи с Лондоном и Парижем от 19 октября 1939 г. Несмотря на сделанную в соглашении оговорку, что Турция не предпримет никаких мер, направленных против СССР, последний заявил об отказе от дальнейших переговоров с Турцией, а в советской прессе появились материалы, осуждавшие Анкару за отказ от укрепления дружбы с Советским Союзом [19, с. 158]. А уже летом 1940 г. Молотов в разговоре с итальянским послом в Москве обвинял Турцию в стремлении «диктовать Советскому Союзу свои условия на Черном море путем единоличного хозяйничанья в проливах, а также ввиду усвоенной ею практики угрожать Советскому Союзу в районах южнее и юго-восточнее Батуми» [13, с. 374].

Не сумев договориться с Анкарой, Москва попыталась решить вопрос о проливах путем переговоров с Германией, свидетельством чего стала миссия Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В ходе встречи с советским представителем министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп утверждал, что германская сторона понимает, что «СССР недоволен конвенцией Монтрё», и что необходимо новое соглашение, цель которого — «чтобы СССР смог найти выход из проливов в Средиземное море» [14, с. 39]. Равным образом и фюрер А. Гитлер подтверждал, что «вопрос о проливах должен быть решен в пользу Советского Союза», т. е. «чтобы проливы давали возможность торговым судам заходить в проливы в мирное время, но чтобы русские военные суда имели всегда свободный выход и чтобы вход для военных судов нечерноморских держав был закрыт» [14, с. 70]. Однако дальнейшее обсуждение показало, что германская сторона условием принятия новой конвенции о проливах считает обязательное участие в ее разработке стран Оси — Германии и Италии, в то время как Москва рассчитывала на прямые переговоры с Турцией без вмешательства иных сторон. Как отмечал историк С. Дембски, в ходе переговоров выявилось фундаментальное различие в подходах Москвы и Берлина по вопросу выделения новых сфер влияния: в то время как первая рассчитывала на самостоятельные действия в своей зоне, второй давал понять, что Советский Союз мог претендовать на Черноморские проливы и прилегающие к ним земли «исключительно с согласия Берлина» [10, с. 491]. Это делало невозможным достижение конкретных соглашений между двумя державами.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. изменило по-

ложение Советского Союза, превратило его в полноценного участника Второй мировой войны и, следовательно, заставило изменить приоритеты во внешней политике. На время вопрос о Черноморских проливах был отодвинут в сторону, уступив место более насущным проблемам выстраивания тесных взаимоотношений с Великобританией и США. Вновь к проблеме черноморских проливов советская дипломатия вернулась в 1943 г., в связи с чем премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал министру иностранных дел Э. Идену: «Очевидно, что русские не останутся довольны ныне существующим режимом [Черноморских] проливов, и я не думаю, что они забыли о том, что мы предлагали им Константинополь на раннем этапе последней войны» [23, с. 420].

Вопрос о пересмотре режима судоходства в Черноморских проливах поднимался советской стороной уже на полях Тегеранской конференции: в ответ на ремарку Молотова о том, что «если Турция не вступит в войну, то права Турции в отношении проливов не могут остаться неизменными», британский премьер-министр У. Черчилль заметил, что «режим проливов следует подвергнуть пересмотру», а президент США Ф. Д. Рузвельт озвучил мысль, что «Дарданеллы должны быть свободны для прохода военных и торговых судов всех наций» и поставлены «под контроль держав, осуществляющих полицейские функции» [29, с. 157]. На Ялтинской конференции глава советского правительства И. В. Сталин прямо заявил, что договор, заключенный в Монтрё, «устарел и изжил себя» (в том числе по причине участия в конвенции Японии), и призвал «изменить существующий до сего времени порядок без ущерба для суверенитета Турции» [30, с. 201]. Уже к концу 1944 г. для западных союзников было очевидно, что по итогам войны советское руководство «захочет преобладать в Черном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы» [23, с. 689]. На советско-турецких переговорах, проходивших по дипломатическим каналам после денонсации в марте 1945 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 года, Москва, среди прочего, поставила вопрос о совместной с Турцией обороне проливов и получении возможности разместить в зоне проливов свои базы. В июне 1945 г. Молотов принял турецкого посла С. Сарпера и зачитал ему следующие условия: совместный контроль над Черноморскими проливами, предоставление СССР военных баз в районе Босфора и Дарданелл, возвращение Союзу Карса и Ардагана [6, с. 186—187]. Наконец, на полях Потсдамской конференции деле-

гациям Великобритании и США были вручены предложения о замене конвенции Монтрё новым документом, чье принятие «должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза – как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Черноморских проливах» и который должен включать в себя совместное обеспечение режима проливов силами СССР и Турецкой Республики [31, с. 326–327]. По итогам конференции было принято решение, что правительства трех великих держав с целью обсуждения вопроса о пересмотре конвенции Монтрё вступят в непосредственные переговоры с Анкарой [31, с. 444].

На протяжении второй половины 1945 – 1946 гг. в советской прессе была организована кампания в поддержку пересмотра конвенции Монтрё на том основании, что в годы Второй мировой войны Турция якобы нарушала свои обязательства и позволяла немецким и итальянским военным судам проникать в Черное море. Рефреном звучал вопрос: «А что стоит такое соглашение, если его может нарушать Турция по своему усмотрению?» [16, с. 4]. Требования советской стороны приняли оформленный вид в нотах от 7 августа и 24 сентября 1946 г. Москва объявляла: события военного времени продемонстрировали, что конвенция 1936 года «не отвечает интересам безопасности Черноморских Держав и не обеспечивает условий, при которых предотвращалось бы использование этих Проливов во враждебных Черноморским Держavam целях» [21, л. 175]. Вследствие этого советская сторона требовала от Анкары внесения изменений в конвенцию с учетом интересов Москвы, главными из которых являлись следующие: признание за черноморскими державами и Турцией исключительного права на «установление режима Проливов как естественного морского пути, ведущего из Черного моря и в Черное море», и организация силами СССР и Турции совместной обороны Босфора и Дарданелл «для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных Черноморским Держavam целях» [21, л. 179].

Анкара решительно отвергла данные требования, расценив их как покушение на суверенитет и территориальную целостность Турции, вследствие чего в советско-турецких отношениях обозначился серьезный кризис. Его отражением стали многочисленные публикации в СССР, содержавшие негативную оценку конвенции 1936 года. Так, утверждалось, что «доминирующими державами в конвенции в Монтре являются Англия и Франция» и что западноевропейские державы «использовали Турцию в качестве бастиона против Рос-

сии» [5, с. 3]. В научных трудах подчеркивалось несовершенство конвенции, которая «не защищала в должной мере законные интересы черноморских держав, не обеспечивала внешнюю безопасность всех прибрежных черноморских стран» [15, с. 211]. Отдельные авторы объявляли конференцию в Монтре «открытой антисоветской демонстрацией» [4, с. 27] и говорили об антисоветском характере конвенции. После вступления Турции в НАТО в 1952 г. в советской прессе появились сообщения о том, что «средиземноморские и черноморские порты, особенно в районе Дарданелл, подготавливаются турецкими властями к передаче в полное распоряжение американо-английских военно-морских сил» [9, с. 4].

Ситуация изменилась со смертью Сталина в марте 1953 г. Пришедшее к власти «коллективное руководство» выступило за улучшение советско-турецких отношений, и уже 30 мая турецкому правительству была направлена нота об отказе советского правительства от территориальных претензий к Турецкой Республике. Относительно режима судоходства в Черноморских проливах заявлялось, что Москва «считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны Проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции», что фактически означало согласие с условиями конвенции Монтрё [27, с. 484]. Много позднее Молотов признавался, что само выдвижение требований к Анкаре в 1946 г. было «несвоевременным, неосуществимым делом», и называл это ошибкой Сталина [38, с. 102].

Это способствовало новой переоценке конференции в Монтрё и ее результатов. В период руководства страной Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева конференция 1936 года признавалась «важным событием как в области регулирования режима черноморских проливов, так и в сфере взаимоотношения между Советской страной и капиталистическими странами в целом» [1, с. 523], а подписание конвенции Монтрё вновь называли «серьезной победой советской дипломатии» [3, с. 321]. Ей придавалось положительное значение, поскольку конвенция 1936 года показала, «как могут быть использованы коллективные усилия держав для сдерживания агрессии в Средиземноморском бассейне» [28, с. 195]. Этому способствовал и тот факт, что конвенция позволяла СССР проводить через проливы авианесущие крейсера, что хоть и вызывало открытое недовольство со стороны членов НАТО, но не сопровождалось какими-либо требованиями о пересмотре конвенции.

Новая дискуссия вокруг конвенции развернулась в условиях обострения отношений между Западом и Востоком в 1979-1985 гг. Принятие турецким правительством в 1982 г. новых правил судоходства на Босфоре, означавшее фактический пересмотр отдельных пунктов конвенции Монтрё, вызвало недовольство Москвы. Для обсуждения возникших затруднений советский посол в Турции А. А. Родионов встречался с премьер-министром Б. Улусу и настаивал на точном выполнении положений конвенции, например, свободного прохода торговых судов, а также от лица правительства СССР предлагал создать в зоне Черноморских проливов систему международной безопасности [7, с. 155]. Подобная инициатива до крайности напоминала претензии Сталина на ограничение суверенных прав Турции, ввиду чего предложение было отвергнуто турецким правительством, а советско-турецкие отношения резко охладели. С приходом к власти М. С. Горбачева ситуация несколько улучшилась (уже в ранге экс-президента он говорил, что «Россия действительно хотела, пройдя Турцию, оказаться у берегов Средиземного моря, но только с помощью российских туристов» [7, с. 369]), но определенное напряжение оставалось ввиду спуска на воду новых авианесущих крейсеров в СССР — в частности, корабля «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», проход которых через Босфор и Дарданеллы, по мнению отдельных турецких и западных экспертов, противоречил если не букве, то духу конвенции Монтрё. Однако советская сторона отвергала любые подобные обвинения [18, с. 1].

После распада Советского Союза новое российское руководство неизменно высоко оценивало конвенцию 1936 года и выступало за соблюдение всех ее ключевых принципов и положений. Так, например, во время дебатов о принятии очередных правил судоходства на Босфоре в 1994 г. министр иностранных дел А. В. Козырев заявлял, что «режим проливов должен регулироваться в соответствии с конвенцией в Монтрё, предусматривающей... полную свободу навигации через проливы» [33]. Высокую оценку конвенции давали депутаты Государственной Думы РФ [34], а в Министерстве иностранных дел подчеркивали, что российская сторона выступает за сохранение конвенции [32]. Так, в 2006 г. на предложения американской стороны сделать Черноморский регион «демократическим оазисом» путем смягчения положений договора 1936 года министр иностранных дел С. В. Лавров жестко ответил: «Конвенцию Монтрё нужно сохранять. Ее режим нужно укреплять, в этом, по-моему, все заинтересованы» [36].

Особое значение конвенции для России высветили военные конфликты начала XXI в. Во время конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. страны НАТО не могли провести в акваторию Черного моря крупную группировку военно-морских судов, что лишило их возможности оказать серьезную поддержку режиму М. Саакашвили. Это стало возможным благодаря отмеченному российским послом в Анкаре совпадению «принципиальных точек зрения России и Турции относительно незыблемости Конвенции Монтрё» [22], что способствовало улучшению российско-турецких отношений. В то же время Турция не препятствовала проходу российских военных кораблей из Черного в Средиземное море в период военной операции в Сирии. Бывший начальник главного штаба ВМФ РФ адмирал В. А. Кравченко подчеркивал, что турки не пойдут на закрытие проливов, и напоминал: «Ведь есть конвенция Монтрё, мы не ведем войну с Турцией» [20]. Наконец, уже в период СВО на Украине в стенах Государственной Думы РФ неоднократно подчеркивали важность соблюдения конвенции Монтрё для обеспечения безопасности южных рубежей России. Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам В. А. Никонов подчеркивал: «Турция неукоснительно соблюдает Конвенцию Монтрё, не допускающую военные флоты третьих стран в случае военного конфликта в Чёрное море. Была бы на то воля Турции, там уже стояли бы и американский флот, и британский флот, и многое другое» [35].

Таким образом, несмотря на первоначальный скепсис, сегодня общепринятым является мнение о том, что конвенция Монтрё «стала шагом вперед не только в обеспечении безопасности Черноморского региона, но по признанию прав черноморских стран в вопросе о проливах» [2, с. 437]. События начала XXI века в еще большей степени высветили ее значение для обеспечения коммуникации между Черным морем и Восточным Средиземноморьем, а также безопасности южных рубежей Российской Федерации. В связи с этим отечественные дипломаты продолжают борьбу за сохранение данного документа и решительно пресекают любые попытки изменить его в угоду державам, стремящимся ослабить позиции России в Черноморском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альтман В. В.* Из истории борьбы СССР за мир (Конференция в Монтре) // Из истории рабочего класса и революционного движения. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — С. 498—523.

2. *Болдырев А. В.* Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. — 2012. — № 7. — С. 434–458.
3. *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения 1924-1945 гг. — Москва : Междунар. отношения, 1964. — 551 с.
4. *Васильев И. В.* О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне. — Москва : Госполитиздат, 1951. — 120 с.
5. Выступления сенаторов Пеппера и Джонсона // Красный флот. — 1947. — 13 апреля. — С. 3.
6. *Гасанлы Дж. П.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939-1953). — Москва : Центр Пропаганды, 2008. — 662 с.
7. *Гасымлы М. Дж.* Турция – СССР: от переворота до распада. 1980–1991. — Москва : Инсан, 2010. — 416 с.
8. Германская печать о соглашении в Монтре. Берлин, 19 июля 1936 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 88. Л. 86.
9. *Грищенко Ю.* Турция в атлантическом ярме // Правда. — 1952. — 20 февраля. — С. 4.
10. *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939-1941 гг. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 814 с.
11. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. 1936 г. — Москва : Политиздат, 1974. — 824 с.
12. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. 1939 г.: в 2-х кн. Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939. — Москва : Международные отношения, 1992. — 712 с.
13. Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941: в 2-х кн. (3-х ч.). Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940. — Москва : Международные отношения, 1995. — 752 с.
14. Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941: в 2-х кн. (3-х ч.). Кн. 2, ч. 1. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. — Москва : Международные отношения, 1998. — 448 с.
15. *Дранов Б. А.* Черноморские проливы (международно-правовой режим). — Москва : Юрид. изд-во, 1948. — 240 с.
16. *Золин И.* В проливах. Путевые заметки // Правда. — 1946. — 19 августа. — С. 4.
17. Конференция в Монтре // Известия. — 1936. — 10 июля. — С. 1.
18. «Кузнецов» покинул Черное море // Известия. — 1991. — 4 декабря. — С. 1.
19. *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). — Москва : Вече, 2008. — 544 с.
20. *Николаева А.* Сирийский вопрос // Интерфакс Россия. 2020. 2 марта. URL: <https://www.interfax-russia.ru/view/siriyskiy-vopros> (дата обращения: 20.03.2026).
21. Нота МИД СССР от 7 августа 1946 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 194. Оп. 26. П. 38. Д. 1. Л. 175–179.

22. О пресс-конференции в посольстве России в Турции, посвященной событиям в зоне грузино-югоосетинского конфликта, 27 августа 2008 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1722950/> (дата обращения: 30.03.2026).

23. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы. — Москва : Аквариус, 2015. — 926 с.

24. Пятнадцатая годовщина первого советско-турецкого договора // Правда. — 1936. — 16 марта. — С. 5.

25. Решения конференции в Монтрё // Известия. — 1936. — 21 июля. — С. 1.

26. *Родин Д. В.* Советско-турецкие отношения в контексте конференции в Монтре 1936 года // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13-15 сентября 2018 года. — Севастополь : ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2018. — С. 330–340.

27. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). — Москва : Междунар. отношения, 1999. — 560 с.

28. *Смирнова Н. Д.* Средиземноморье и Балканы // Европа в международных отношениях 1917-1939. — Москва : Наука, 1979. — С. 174–205.

29. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). — Москва : Издательство политической литературы, 1984. — 198 с.

30. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов. Том IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). — Москва : Издательство политической литературы, 1979. — 302 с.

31. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). — Москва : Издательство политической литературы, 1984. — 511 с.

32. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Греции П. Моливьятисом по итогам переговоров, Афины, 6 февраля 2006 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1615186/> (дата обращения: 20.03.2026).

33. Стенограмма заседания 15 июля 1994 г. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3166/> (дата обращения: 30.03.2026).

34. Стенограмма заседания 17 января 1997 г. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2832/> (дата обращения: 30.03.2026).

35. Стенограмма заседания 21 мая 2024 г. Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6382/> (дата обращения: 30.03.2026).

36. Стенограмма интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова турецким СМИ, Москва, 29 мая 2006 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1732427/ (дата обращения: 30.03.2026).

37. Хормач И. А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. Москва : Институт российской истории Российской академии наук : Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 486 с.

38. Чувев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. — Москва : ТЕРРА, 1991. — 623 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СИРИИ ПОСЛЕ 2024 ГОДА

Романов А. В., студент

e-mail: Romanov_artoym@mail.ru

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов*

В статье рассматривается эволюция российского присутствия в Сирийской Арабской Республике в период с 2015 года по настоящее время. Автор анализирует переход от классической военно-политической модели, опиравшейся на поддержку правительства Б. Асада, к более гибкому и прагматичному формату взаимодействия после событий декабря 2024 года. Особое внимание уделяется сохранению ключевых стратегических объектов — базы Хмеймим и порта Тартус — как гарантов российского влияния в Восточном Средиземноморье. В работе обосновывается тезис о том, что, несмотря на смену власти в Дамаске, Москва сохраняет роль значимого международного посредника через использование дипломатических и гуманитарных инструментов.

Ключевые слова: внешняя политика России, сирийский конфликт, Ближний Восток, Тартус, Хмеймим, преемственность, политическая трансформация, международная безопасность.

CONTINUITY AND TRANSFORMATION OF RUSSIA'S PRESENCE IN SYRIA AFTER 2024

A. Romanov

Saratov State University, Saratov

The article examines the evolution of the Russian presence in the Syrian Arab Republic from 2015 to the present. The author analyzes the transition from a classic military-political model, based on supporting the government of B. Assad, to a more flexible and pragmatic format of interaction following the events of December 2024. Special attention is paid to the preservation of key strategic facilities — the Khmeimim airbase and the port of Tartus — as guarantors of Russian influence in the Eastern Mediterranean. The paper argues that despite the change of power in Damascus, Moscow maintains its role as a significant international mediator through the use of diplomatic and humanitarian tools.

Keywords: Russian foreign policy, Syrian conflict, Middle East, Tartus, Khmeimim, continuity, political transformation, international security.

Начиная с 30 сентября 2015 года, когда по официальной просьбе президента Сирийской Арабской Республики (САР) Россия начала операцию воздушно-космических сил, её присутствие в Сирии приобрело устойчивый военно-политический характер и быстро стало одним из центральных элементов ближневосточной стратегии Москвы. Уже в первые месяцы операции российские ВКС коренным образом изменили ситуацию на земле: территория, контролируемая правительственными силами, существенно расширилась, преимущественно за счет усилий наших летчиков, а Москва превратилась в ключевого игрока, к позиции которого вынуждены были прислушиваться даже традиционные региональные силы. Наше присутствие с самого начала сочетало в себе несколько взаимосвязанных измерений: в военном плане мы надёжно закрепляли свои позиции в Восточном Средиземноморье: порт Тартус обеспечивал логистику военно-морского флота, а авиабаза Хмеймим становилась передовой точкой для дальнейших действий воздушно-космических сил; политически Россия сохраняла за собой статус глобального актора, способного самостоятельно влиять на судьбу ключевой арабской страны и выступать посредником в сложных региональных процессах; экономическая составляющая включала перспективы контрактов на восстановление инфраструктуры, военно-техническое сотрудничество и доступ к сирийским ресурсам, что в условиях нарастающего санкционного давления приобретало особую ценность. При этом

официальная риторика оставалась последовательной и четкой: Москва подчёркивала легитимность своих действий ссылкой на просьбу законного правительства, позиционировала себя как стабилизатора региона, защитника суверенитета Сирии и активного участника борьбы с международным терроризмом, представляя эту борьбу как общую задачу мирового сообщества [8, с. 31].

Так мы видим, в период с 2015 по конец 2024 года российское присутствие в Сирии окончательно оформилось как комплексная модель, где военная компонента служила основой для достижения более широких политических и экономических целей. Военно-политический характер присутствия проявлялся прежде всего в создании и развитии двух ключевых объектов — морской базы в Тартусе и авиабазы Хмеймим. Эти пункты позволяли не только эффективно поддерживать сирийские правительственные силы в борьбе с террористическими группировками, но и обеспечивать долгосрочное стратегическое преимущество России в восточной части Средиземного моря [5, с. 721]. Как отмечают исследователи, операция воздушно-космических сил РФ стала поворотным моментом в развитии сирийского конфликта, развернув ситуацию в пользу правительственных сил и существенно изменив баланс сил в регионе [7, с. 98]. Военное присутствие заставило Запад признать мощь российской армии и увидеть в Москве основного политического игрока на Ближнем Востоке. И, кроме того, Россия попробовала доказать эффективность своей новой модели военного присутствия, что стало для РФ самым важным опытом участия в урегулировании сирийского кризиса.

Тем не менее, важно затронуть и вопрос экономических выгод от присутствия, которые также были значительными. В первую очередь, наши компании получили контракты на восстановление разрушенной инфраструктуры, поставки вооружений с последующим военно-техническим сотрудничеством, которые открывали для российских компаний новые рынки, а доступ к сирийским ресурсам и логистическим возможностям помогал обходить часть западных санкций [2, с. 39]. Политически же Сирия превратилась в важный плацдарм для демонстрации многополярного мира: Россия смогла укрепить свои позиции посредника в региональных конфликтах и партнёра для целого ряда арабских государств, фактически, одной из первых среди стремительно растущих экономик смогла интегрироваться в глобальный капитализм.

Помимо экономики, нам важно было сохранять политическое преимущество. На данном этапе особое место занимала официальная позиция, которая формировалась через средства массовой информации и публичные заявления. В Кремле осознанно и последовательно продвигали образ России как силы, действующей строго в рамках международного права и по просьбе законного правительства, что не раз доказывалось на практике [9, с. 125]. А борьба с терроризмом, и вовсе, представлялась не как локальная операция, а как вклад в глобальную безопасность, что позволяло усиливать мягкую силу страны и формировать позитивный медиаобраз как на Востоке, так и на Западе. Анализ публикаций того периода показывает, что российские СМИ и официальные лица активно использовали нарративы о защите суверенитета Сирии и борьбе с «Исламским государством» (организация и ее деятельность противоречат международному праву и российскому законодательству, на территории РФ признана террористической и незаконной), подчёркивая при этом, что присутствие РФ полностью соответствует нормам международного права [3, с. 116].

Таким образом, к концу 2024 года российское присутствие представляло собой достаточно сбалансированную модель, в которой жёсткая военная компонента органично дополнялась дипломатическими и гуманитарными инструментами. Однако события декабря 2024 года, когда после стремительного наступления оппозиционных сил пала власть Б. Асада, кардинально изменили сложившийся контекст. И несмотря на то, что уже 7-8 декабря стало ясно, что привычная опора на легитимное правительство больше не работает, Россия, сохраняя приверженность ранее выработанным правовым основам, включая резолюцию Совета Безопасности ООН 2254, заметно скорректировала степень своего прямого участия. При этом стратегические объекты — Тартус и Хмеймим — по-прежнему рассматривались как важнейший элемент национальной безопасности, а официальная риторика эволюционировала в сторону большей прагматичности: вместо акцента на «защите законного правительства» всё чаще звучали формулировки о «поддержке стабильности и суверенитета Сирии», «борьбе с террористической угрозой» и «готовности к равноправному сотрудничеству» с любыми силами, способными обеспечить безопасность региона [4, с. 146]. Именно в этих условиях во всей красе проявила себя многосторонняя дипломатия РФ и заинтересованность в сотрудничестве с Москвой со стороны новых партнеров.

В новых реалиях Россия, не отказалась от своей роли международного медиатора, а наоборот, сохраняя свою преемственность во внешней политике, сосредоточилась на сохранении ключевых военных объектов и поиске форм диалога с переходными властями в Дамаске. Несмотря на радикальные изменения в сирийском руководстве, Москва подтвердила готовность поддерживать функционирование баз в Тартусе и Хмеймиме, которые с самого начала своего существования давали понять всему миру — «здесь Россия и вся ее мощь», что давало Дамаску определенные преференции. При этом акцент сместился с прямой военной поддержки на дипломатические и гуманитарные механизмы: активизировались контакты по линии МИД, начались переговоры о гуманитарной помощи и возможных совместных проектах по стабилизации. Такой прагматичный подход позволил избежать открытой конфронтации с новыми сирийскими элитами и сохранить каналы влияния даже в условиях возросшей конкуренции со стороны Турции, Израиля и стран Залива [1, с. 96]. По сути своей, полностью исключая возможность отказа всех сил, заинтересованных своим влиянием в САР, от аппетита на традиционный российский кусок этого пирога. Политические выгоды от присутствия сохранились в трансформированном виде — Россия по-прежнему позиционирует себя как ответственного актора, способного предлагать реальные решения для постконфликтного урегулирования, в то время как экономическая составляющая переориентировалась на точечные контракты и логистические возможности порта Тартус.

Таким образом, трансформация российского присутствия после 2024 года демонстрирует гибкость внешнеполитического курса Москвы: стратегические цели остаются неизменными, однако инструменты их достижения адаптируются к новой реальности. Анализируя влияние этих изменений на эффективность присутствия, можно отметить, что преемственность проявилась прежде всего в сохранении военных баз, которые продолжают выполнять ключевую роль в обеспечении безопасности южных рубежей России и ограничении активности третьих стран в Восточном Средиземноморье [10, с. 149]. В то же время новые вызовы оказались серьезными: на фоне ослабления позиций «на земле» вновь обострилась террористическая угроза со стороны остатков ИГИЛ (организация и ее деятельность противоречат международному праву и российскому законодательству, на территории РФ признана террористической и незаконной) и других радикальных групп, а экономические выгоды

существенно сократились из-за перехода к гуманитарным форматам сотрудничества [6, с. 114]. Тем не менее прагматичный диалог с переходными властями и акцент на правовых основах урегулирования позволили Москве избежать полного вытеснения из региона и даже начать переговоры о долгосрочном статусе баз. В итоге новая модель присутствия, хотя и менее масштабная по военной компоненте, сохраняет политическую значимость, демонстрируя способность России адаптироваться к быстрым региональным сдвигам и оставаться влиятельным игроком на Большом Ближнем Востоке [11, р. 16].

Необходимо подчеркнуть, что сирийский опыт наглядно иллюстрирует главную особенность современной российской внешней политики — сочетание преемственности стратегических интересов с готовностью к оперативной трансформации инструментов. Сохранение военных баз в Тартусе и Хмеймиме, переход к прагматичному диалогу с новыми сирийскими властями и акцент на гуманитарно-дипломатических механизмах позволили не только удержать ключевые позиции в Восточном Средиземноморье, но и подтвердить статус России как ответственного глобального актора, способного действовать в условиях высокой неопределённости. Несмотря на возникшие вызовы — от возросшей террористической угрозы до конкуренции с другими внешними силами — новая модель присутствия доказывает свою жизнеспособность и открывает перспективы для дальнейшего укрепления российского влияния на Большом Ближнем Востоке. Таким образом, сирийский опыт становится ярким примером того, как Москва успешно адаптирует свою политику к меняющейся региональной реальности, сохраняя при этом долгосрочные цели и национальные интересы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахмедов В. М.* Россия и Иран в Сирии — союзники или соперники? // Восточная аналитика. — 2018. — № 4. — С. 92–98.
2. *Вахитов А. Н.* Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в Сирии: вызовы и возможности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2018. — № 20. — С. 36–42.
3. *Исаев Л. М.* Фреймирование сирийского конфликта в российских федеральных СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2021. — № 2. — С. 97–120.
4. *Мардасов А. Г.* Конкуренция России и США на фоне смены власти в Сирии // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. — 2025. — Т. 69. № 1. — 142–150.

5. *Пушкарёв С. А., Ильева Г. А.* Военные действия России в Сирии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2018. — Т. 3. № 4. — С. 721–722.

6. *Семенова Д. А.* Динамика вовлечённости России в урегулирование сирийского кризиса и перспективы сохранения российского присутствия в САР // Вестник Брянского государственного университета. — 2025. — № 1. — С. 109–123.

7. *Цуркан А.* Российская военная операция в Сирии: перспективы российско-американского сотрудничества и возможные последствия борьбы с Исламским радикализмом // Россия и мусульманский мир. — 2016. — № 4. — С. 90–105.

8. *Цыплин В. Г.* Углеродородная проблематика как фактор современного геополитического противоборства в контексте палестино-израильского конфликта // Современная система международных отношений: эволюция и трансформация : сборник научных статей по материалам круглого стола. — Саратов, 2024. — С. 26–34.

9. *Цыплин В. Г., Аракчеева Е. С.* О роли личности Х. Асада в становлении политических традиций на Ближнем Востоке // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2025. — № 1 (108). — С. 123–127.

10. *Цыплин В. Г., Смирнов В. Д.* Эволюция центров силы в лиге арабских государств // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2025. — № 2 (109). — С. 148–154.

11. *Daheshiar H., Heydari M.* Analyzing the Russian's interventionist policy in the Syrian crisis // The Quarterly Journal of Political Studies of Islamic World. — 2021. — Vol. 9, Issue 36. — P. 7–24.

ДОКТРИНА «ВОЕННОГО НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ВСТУПЛЕНИЯ ФИНЛЯДИИ В НАТО

Русанова А. А., студентка

e-mail: AlinaRusanova8@yandex.ru

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов*

В статье проводится комплексный анализ трансформации финской доктрины «военного неприсоединения» в контексте вступления Финляндии в НАТО в апреле 2023 года. Исследуется правоприменительная практика имплементации обязательств Североатлантического альянса в национальную правовую систему Финляндии, выявляются противоречия между декларативными принципами нейтралитета и фактическим характером военно-политического сотрудничества с западными государствами в пред-

шествующий период. Автор приходит к выводу о том, что финская модель «военного неприсоединения» представляла собой юридическую фикцию, маскирующую постепенную интеграцию в евроатлантическую систему безопасности. Рассматриваются последствия отказа от нейтралитета для региональной безопасности в Балтийском регионе и российско-финских отношений.

Ключевые слова: Финляндия, НАТО, военное неприсоединение, нейтралитет, Балтийский регион, евроатлантическая безопасность, юридическая фикция, правовая имплементация.

THE DOCTRINE OF «MILITARY NON-ADHESION» IN THE CONTEXT OF FINLAND'S ENTRY INTO NATO

A. Rusanova

Saratov State University, Saratov, Russia

The article provides a comprehensive analysis of the transformation of the Finnish doctrine of «military non-alignment» in the context of Finland's accession to NATO in April 2023. The study examines the legal implementation practice of NATO obligations into the Finnish national legal system, identifying contradictions between declarative principles of neutrality and the actual nature of military-political cooperation with Western states in the preceding period. The author concludes that the Finnish model of «military non-alignment» represented a legal fiction masking gradual integration into the Euro-Atlantic security system. The consequences of abandoning neutrality for regional security in the Baltic region and Russian-Finnish relations are considered.

Keywords: Finland, NATO, military non-alignment, neutrality, Baltic region, Euro-Atlantic security, legal fiction, legal implementation.

Вступление Финляндии в Североатлантический договор 4 апреля 2023 года ознаменовало конец эпохи, продолжавшейся более семи-десяти лет, в течение которой Суоми заявляла приверженность принципам «военного неприсоединения». Это событие, вызванное, по официальной версии, изменением параметров безопасности в регионе Балтийского моря в связи со специальной военной операцией России на Украине, на деле стало кульминацией длительного процесса постепенной интеграции финской военно-политической системы в евроатлантические структуры безопасности [12].

Настоящая научная работа ставит своей целью критический анализ юридического статуса финской доктрины «военного неприсоединения» в контексте её фактического содержания и последствий для международно-правового порядка в Северной Европе. Автор исходит из того, что заявленный нейтралитет Финляндии в послевоенный период представлял собой форму юридической фик-

ции — института римского права, посредством которого правовые последствия приписывались фактическим обстоятельствам, заведомо не соответствующим действительности [2, с. 49].

Термин «военное неприсоединение» как обозначение официальной доктрины внешней политики Финляндии был введён в обиход в 1940-х годах в контексте необходимости выработки модели поведения государства, находившегося в сфере геополитических интересов СССР, но стремившегося сохранить максимум суверенитета. В отличие от классического нейтралитета, предусматривающего строгий комплекс прав и обязанностей в отношении воюющих государств, финская модель представляла собой именно политическое, а не юридическое понятие [1, с. 75].

Согласно Конвенции о правах и обязанностях нейтральных государств в случае войны на море 1907 года и V Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае войны на суше 1907 года, государство, которое придерживается статуса нейтралитета, обязано воздерживаться от участия в военных действиях, не допускать использования своей территории воюющими державами, а также пресекать нарушения нейтралитета со стороны любого из противоборствующих [6, с. 237.]. Финляндия, однако, формально не присоединилась к указанным конвенциям, что создавало правовую неопределённость статуса. Финская модель отличалась от обычного нейтралитета отсутствием международно-правовых гарантий нейтрального статуса, то есть оно опиралось на односторонние декларации и политические обязательства. Именно поэтому Финляндия сохраняла гибкость трактовки своего статуса [7, с. 169].

После Второй мировой войны Финляндия оказалась в особенном геополитическом положении, потому что договор, подписанный с СССР в 1948 году, предполагал обязательство со стороны Финляндии оказать помощь СССР в случае нападения на последнего через территорию Финляндии [2]. Именно это ограничивало финский суверенитет во внешней политике. Период 1950-1980-х гг., который назывался «финляндизация», обязывал учитывать интересы безопасности СССР во внешнеполитическом курсе. Однако, уже в этот период времени Финляндия развивала сотрудничество со странами Запада в определенных сферах. Этот факт постепенно создавал предпосылки переориентирования [9, с. 86].

После того, как распался СССР, финская доктрина существенно изменилась. Уже в 1995 году Финляндия приняла на себя обязательства в сфере безопасности и внешней политики и вошла в

состав Европейского союза. Заметим, что членство в Европейском союзе, условно говоря, не противоречило нейтральному статусу, однако создавало предпосылки и правовую основу для интеграции в структуры безопасности Европы. Также, уже в 1994 году Финляндия присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира», что означало начало военного сотрудничества с Альянсом. После этого, Финляндия участвовала в миротворческих операциях НАТО и проводила военные учения [14, с. 175]. Далее в 2014 году также было подписано соглашение между Хельсинки и НАТО, которое уже предусматривало возможность размещения на территории Финляндии войск стран НАТО в случае конфликта или кризиса. Этот документ де-факто нивелировал принцип нейтралитета, поскольку предполагал автоматическую поддержку одной из сторон потенциального военного конфликта [4, с. 13].

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что финская доктрина «военного неприсоединения» в течение последних трёх десятилетий функционировала как юридическая фикция в классическом понимании этого термина. Согласно теории права, юридическая фикция представляет собой предположение о наличии или отсутствии определённого факта, сделанное несмотря на противоположную действительность. Формально Финляндия декларировала нейтралитет и неприсоединение к военным блокам. Фактически же она постепенно интегрировалась в систему коллективной безопасности НАТО, принимая на себя обязательства, несовместимые с нейтральным статусом [15, с. 329].

Это проявлялось в следующих аспектах. Во-первых, в сфере военного планирования. Финские вооружённые силы осуществляли подготовку в соответствии со стандартами НАТО, обеспечивали совместимость вооружений и систем связи с структурами Альянса. Это означало, что в случае конфликта финские войска были готовы действовать в составе натовского контингента без существенной переориентации. Во-вторых, в сфере разведывательного сотрудничества. Финляндия активно обменивалась разведывательной информацией со странами НАТО, в том числе касающейся российской военной деятельности в Балтийском регионе [13]. Такое сотрудничество де-факто ставило Финляндию в положение союзника Альянса. В-третьих, в сфере военной инфраструктуры. На территории Финляндии создавались объекты инфраструктуры, предназначенные для размещения и обеспечения войск НАТО. Эти объекты,

формально принадлежавшие финским вооружённым силам, фактически готовились для использования силами Альянса.

Таким образом, к моменту официальной подачи заявки на членство в НАТО в мае 2022 года Финляндия де-факто уже являлась частью системы коллективной безопасности Альянса. Формальное вступление лишь узаконило сложившееся положение дел, придав ему международно-правовое оформление.

Процесс вступления Финляндии в НАТО потребовал существенных изменений в национальном законодательстве. Ключевым документом стал Закон о внесении изменений в Конституцию Финляндии в связи с членством в Североатлантическом договоре, который внёс поправки в разделы, касающиеся обороны и международных отношений. Существенным изменениям подверглось законодательство о вооружённых силах. Новая редакция Закона о военной обороне предусматривает возможность размещения на территории Финляндии войск других государств НАТО, их свободное передвижение и применение вооружений [8]. Эти нормы прямо противоречат ранее деклариовавшимся принципам нейтралитета.

Если рассматривать статью 5 Вашингтонского договора, где нападение на одного из членов Альянса рассматривается как нападение на всех, то можно сказать, что решение Финляндии о вступлении в войну принимается не национальными органами власти, а коллективными органами НАТО [16]. После того, как Финляндия вступила в НАТО, геополитическая ситуация в Балтийском регионе изменилась. Российско-финская граница — самая протяженная сухопутная зона между Россией и странами Альянса, поэтому это создает новые вызовы нашей региональной безопасности [3].

Принцип недопустимости укрепления безопасности одних государств за счет безопасности других закреплён в Хельсинском Заключительном акте 1975 года и в Парижской хартии для новой Европы 1990 года [11]. Расширение НАТО на Восток, с точки зрения международного права, нарушает этот принцип. Российская Федерация заявляла, что расширение НАТО влечет за собой угрозу её национальной безопасности. Именно поэтому, Россия приняла ряд мер в ответ на вступление Финляндии в НАТО. Было заявлено о создании новых воинских частей в Северо-Западном федеральном округе и усилении группировки войск в зоне границы с Финляндией [10]. Также существует возможность размещения американских военных баз на территории Финляндии, хотя Хельсинки

демонстрирует нежелание установок постоянных баз иностранных государств. Однако практика показывает, что под давлением Вашингтона такие обязательства часто нарушаются.

В итоге, можно сделать выводы о том, что финская доктрина «военного неприсоединения» — это юридическая фикция. Она скрывала под собой постепенную интеграцию Финляндии в Североатлантическую систему безопасности. Финский нейтралитет в реальности же являлся фактическим сотрудничеством со странами НАТО. Также, имплементация обязательств НАТО в правовую систему Финляндии изменила национальное законодательство страны. Это привело к созданию правовых основ для размещения войск и вооружений других стран Альянса на территории Финляндии, что также противоречит ранее объявленному статусу нейтралитета. В связи с этим, расширение военной инфраструктуры НАТО рядом с российской границей, создает риски для России. Эти вызовы требуют адекватного ответа со стороны Российской Федерации.

Таким образом, финский прецедент показал, что в условиях геополитической конкуренции принципы нейтралитета на практике являются несостоятельными. Финляндия превратилась в государство с глубокой интеграцией в военные структуры Запада. Этот процесс был не разрывом, а постепенной трансформацией, занявшей более двух десятилетий. Юридическая фикция нейтралитета не выдержала под напором геополитической реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гуров О. Н., Дерзаева Г. Г., Карнаухова О. С. и др.* «Новая нормальность» и международные отношения: от теорий к практикам. — Ростов-на-Дону-Таганрог, 2024. — 270 с.
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой. Москва, 6 апреля 1948 г. URL: <https://base.garant.ru/71981668/> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1 августа 1975 г. URL: <https://base.garant.ru/2541253/> (дата обращения: 15.03.2026).
4. *Керимов Д. А.* Юридическая фикция: понятие, основания, пределы применения // Правоведение. — 2019. — № 3. — С. 45–58.
5. *Килин Ю. М.* Меморандум о взаимопонимании 4 сентября 2014 года между НАТО и Финляндией // Северные гуманитарные исследования. — 2017. — № 2. — С. 10–15.

6. Конвенция от 18 октября 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных государств в случае войны на море // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. — Москва, 1954. — Т. 154. — С. 235—244.

7. Конвенция от 18 октября 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае войны на суше. Н. Новый сборник договоров Российской империи с иностранными державами. — СПб., 1910. — Т. 31. — С. 162—175.

8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). URL: <https://base.garant.ru/406643869/> (дата обращения: 16.03.2026).

9. *Млечин Л. М.* Финляндия между Западом и Востоком: история и современность // Международная жизнь. — 2018. — № 6. — С. 78—91.

10. Московский и Ленинградский военные округа формируются в ответ на расширение НАТО. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19599161> (дата обращения: 16.03.2026).

11. Парижская хартия для новой Европы. Париж, 21 ноября 1990 г. URL: <https://base.garant.ru/2541028/> (дата обращения: 15.03.2026).

12. Протокол о присоединении Финляндии к Североатлантическому договору, Брюссель, 4 апреля 2023 г. // Официальный сайт НАТО. URL: <https://www.nato.int> (дата обращения: 16.03.2026).

13. Страну толкают к НАТО: в Финляндии опубликовали секретные данные о слежке за российскими военными, 17 декабря 2017 г. // RTД. URL: <https://ru.rt.com/9w2l> (дата обращения: 15.03.2026).

14. *Цыплин В. Г.* Не втягиваясь в навязанную гонку вооружений... // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. — 2016. — № 8. — С. 170—177.

15. *Цыплин В. Г.* Прогнозы и сценарии арктической стратегии администрации Д. Трампа: второй срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2025. — Т. 25. № 3. — С. 323—330.

16. The North Atlantic Treaty. Washington, 4 April 1949.

К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО МИД В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рыбачёнок И. С., д. и. н., главный научный сотрудник
e-mail: rybachenok@gmail.com

Институт Российской истории РАН, Москва

В статье рассматриваются основные аспекты кадровой политики российского дипломатического ведомства на разных уровнях от причисленных до министров иностранных дел.

Ключевые слова: внешняя политика России, дипломатическое ведомство, кадровая политика.

ON THE PERSONNEL POLICY OF THE RUSSIAN FOREIGN MINISTRY IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

I. S. Rybachenok

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article examines the main aspects of personnel policy of the Russian diplomatic service at different levels from enlisted to foreign ministers.

Keywords: foreign policy of Russia, diplomatic service, personnel policy.

Величественное строение, широкой дугой охватывающее Дворцовую площадь с юга и располагающееся напротив Зимнего дворца, было сооружено для Главного штаба. В его восточном крыле, обращённом одним из фасадов на набережную реки Мойки близ Певческого моста, выделили помещения для дипломатического ведомства Российской империи. Переезд Министерства иностранных дел в новое здание, практически совпавший с ликвидацией КИД, в известном смысле стал знаковым, знаменуя утверждение принципа единоначалия. Кроме того, размещение МИД в непосредственной близости от главной царской резиденции подчёркивало то значение, которое придавалось ему монархом: быть личной канцелярией по иностранным делам.

Замена коллегий министерствами имела целью введение централизации и единоначалия для создания более гибкой и оперативной администрации. Возглавлявший ведомство министр назначался императором и отвечал лично перед ним. Министр имел право личного доклада, во время которого согласовывались все важные вопросы — от инструкций дипломатическим представителям за рубежом до кадровых перемещений. Хотя общие принципы работы дипломатов раскрываются в работах отечественных и зарубежных

авторов, практически нет исследований, в которых специально анализировалась бы кадровая политика российского МИД.

Реформы 1832 г. и 1846 г. улучшили структуру дипломатического ведомства, определили его задачи, сферы деятельности департаментов, обязанности чиновников и их жалование [1]. В дальнейшем его структура, не свободная от недостатков, принципиальных изменений не претерпела [2]. К середине 1890-х годов задачи дипломатического ведомства усложнились, а масштаб деятельности увеличился в связи с подвижками в международных отношениях. Некоторые перемены провели в конце 90-х годов, но преобразования не коснулись заграничных представительств, при том, что явно обозначилась проблема существенных различий работы в них и в центральном аппарате.

Кадровый состав служащих МИД формировала система цензов разных уровней. В сословном отношении он был по преимуществу дворянским. Достаточно сказать, что по «Списку чиновников МИД дворянского и недворянского происхождения», составленному в 1900 г., по первой категории значилось 454 человека, по второй — 138 [3]. Жёстких правил подбора кадров для службы по дипломатическому ведомству не существовало, но, тем не менее действовали два принципа: по праву происхождения и по праву воспитания (то есть имеющегося образования).

Таким образом, кадровая политика носила, по преимуществу, пассивный характер, и в МИД, как и в государственном аппарате в целом, оказалась масса иностранцев, в основном остзейских немцев и выходцев из германских княжеств. Поначалу «В русскую службу вступали, не имея ни малейшего понятия о России и, разумеется, не давая себе труда хотя бы поверхностно ознакомиться с русским языком» [4]. В правление Николая I служащих нерусского происхождения в дипломатическом корпусе было около 80% [5]. Но и позже специальной подготовкой будущих Талейранов не занимались, и подбор кадров происходил как бы самотёком. В изучении этого процесса исследователями предпринимаются отдельные попытки [6].

МИД представлял собой крайне замкнутую касту, а доступ в него был открыт отпрыскам более или менее состоятельных родителей. Костяк кадров составляли родовитые дворяне (потомственные и личные), принимались также дети чиновников, офицеров, священников, а позже — других социальных слоёв (дети купцов первой

гильдии, учёных, художников). При поступлении на службу учитывался возраст соискателя — не моложе 16-ти лет (без указания верхней грани), а вероисповедание и национальность не играли существенной роли. Эту кастовость состава служащих обуславливали цензы — на 4/5 он состоял из дворян. На представителей других сословий смотрели косо и даже враждебно.

Установленные ранее показатели образовательного уровня молодых людей, поступающих на службу в МИД, в декабре 1899 г. дополнили. Новые «Правила для определения на службу и к должностям по Министерству иностранных дел» повышали требования, которые предъявлялись к будущим чиновникам. Как и прежде, всякому желающему следовало обратиться к директору того департамента, к которому он хотел бы причислиться. К прошению на имя императора прилагались документы, требовавшиеся по закону для поступления на государственную службу. Затем соискатель проходил предварительное испытание и дипломатический экзамен, включавший составление записки на русском и французском языках, позволявшей судить о степени способности излагать свои мысли правильно и ясно на обоих языках [7]. Не все принятые сразу получали должность, оставаясь какое-то время в статусе причисленных к МИД.

Процесс подбора кадров усугублял субъективизм — попасть на службу без нужных знакомств и протекции оказывалось непросто даже дворянину. Эти «особенности» проявлялись не только на вступительных экзаменах, но и в ходе продвижения по службе. Родовитые и богатые, но далеко не всегда талантливые, получали, как правило, заграничные посты в европейских столицах или ответственные должности в Канцелярии министерства. Люди же скромного происхождения были обречены пробивать себе дорогу собственным умом и трудолюбием. Как везде и во все времена процветал nepoтизм.

В кадровой политике наглядно проявилась косность организационного устройства МИД. «Передвижения в нашем министерстве происходят так медленно, — сетовал товарищ министра иностранных дел А. Г. Влангали в письме послу в Лондоне Е. Е. Стаалу 19 апреля (1 мая) 1890 г. — что как только появляется вакантный пост, на него бросаются со всех сторон» [8]. А сами назначения как на ответственные заграничные посты, так и в центральном аппарате дипломатического ведомства происходили весьма непросто, с массой интриг и взаимных неудовольствий. Так, один из дипломатов цитировал письмо коллеги, который рисовал довольно мрачную

картину: «На всякую вакансию — масса кандидатов, которые, как голодные шакалы, готовы съесть живьём всякого, кто позарится на то, что они почему-либо наметили для себя. У каждого кандидата свои покровители, которые за него распинаются и горой стоят» [9].

Система поощрений — повышение окладов, награды и чины — способствовала успешному карьерному росту, который, вместе с тем зависел не только от профессионализма дипломата, но и от сугубо личностных факторов. Зачастую принцип старшинства игнорировался, и на практике над соображениями делового характера брал верх фаворитизм и капризы начальства. Об установлении конкурсной системы для продвижения по службе талантливым и активным служащим приходилось только мечтать. Проведя несколько лет за рутинной бюрократической работой в каком-либо департаменте МИД, наиболее самостоятельные, мечтавшие об успешной карьере, старались получить посты в консульствах, миссиях и посольствах. В результате сформировались различные типы чиновников: одни не знали заграничной службы, другие — специфики работы центрального аппарата.

В целом кадровая политика грешила непоследовательностью, в середине XIX в. широко использовался принцип ротации, а традиция перемещения с повышением в должности, когда из Болгарии могли назначить в Бразилию, из Сербии — в Китай, а из Персии — в Швецию, не всегда позволяла дипломату, находившемуся два-три года в стране аккредитации, за столь короткий срок вжиться в обстановку и приносить пользу делу. С другой стороны, прохождение всей службы в одном и том же заграничном установлении лишало сотрудника возможности приобретать разносторонний опыт. Вопрос о регулярном перемещении чинов центральных учреждений на заграничные должности и временное их замещение заграничными чиновниками давно обсуждавшийся, в 1902 г. поставил Ю. Я. Соловьев в специальной записке, строго руководствуясь принципом старшинства по службе, чтобы исключить протекционизм и субъективизм. Однако начальство признало идею «неудобоприемлемой».

Хотя высказывалось намерение впредь при назначениях на заграничные посты руководствоваться исключительно интересами службы, подчиняя им личные удобства чиновников, привычку к занимаемым местам, нежелание ехать в пункты, отдаленные или с трудным климатом, положение дел менялось мало. Причина заключалась в том, что назначение чиновника на то или иное место службы являлось прерогативой императора. Весьма решительно на этот счёт выс-

казался Александр III, не допускавший, чтобы послы выбирали сами места, которые им более нравятся. Но бывали и исключения. Так, когда монарх в 1886 г. решил заменить посла в Вене кн. А. Б. Лобанова-Ростовского, тогдашнему министру иностранных дел Н. К. Гирсу удалось переубедить монарха и сохранить на посту дипломата, которому он доверял.

Вместе с тем кандидатуры членов посольства согласовывались с его главой, причём учитывались разные факторы. Так, в 1883 г. Гирс хотел на вакансию советника посольства в Лондоне назначить Н. А. Фонтону, однако выяснилась невозможность этого из-за полного незнания им английского языка. Правда, секретарь посольства, также прибывший в Лондон и не говоривший ни слова по-английски, выучил его за два года. Но советнику посольства следовало владеть языком свободно, иначе он не смог бы читать утренних газет, узнавать новости по телеграфу и быть в курсе того, что происходит в парламенте. Фонтону с сожалением пришлось отклонить лестное предложение министра [10].

Свою роль в перемещении с одного поста на другой могли сыграть также состояние здоровья, финансовое положение или семейные ценности. Так, летом 1899 г. министр иностранных дел гр. В. Н. Ламздорф сообщал Е. Е. Стаалу, что первый секретарь посольства «господин Сергеев к своему большому сожалению, находит затруднительным в связи с некоторыми семейными обстоятельствами, продолжать свою службу в посольстве в Лондоне». «С другой стороны, — продолжал министр, — советник министерства бар. Гревениц очень умный, хороший работник, владеющий английским и имеющий состояние, не может продолжать свою службу здесь (в Петербурге. — *И. Р.*) из-за состояния здоровья своей очаровательной жены. Она будет лучше чувствовать себя в английской столице, в которой мечтает остаться надолго». Единственный способ урегулировать дела обоих чиновников ко взаимному удовольствию министр видел в том, чтобы поменять их местами, и запрашивал мнение Стаала по этому вопросу [11].

Такое решение оказалось удачным, и два года спустя министр вернулся к кадровой проблеме. На этот раз советника посольства П. М. Лессара переводили в Пекин, а на его место предлагался бар. Г. А. Гревениц, хорошо себя проявивший. Пост же первого секретаря намеревались доверить С. А. Поклевскому-Козеллу, который аналогичные функции в это время выполнял в Токио. Характеризуя его, Ламздорф отмечал, что он «умён, очень активен, обладает хоро-

шим характером и владеет большим состоянием, что бесполезно в Лондоне». Он также выражал надежду на одобрение послом этого выбора [12].

Отставка послов являлся для них всегда трагедией. Ю. Я. Соловьёв цитировал остроумное французское замечание, согласно которому, «послы редко умирают и никогда не подают в отставку» [13]. Смещение с поста также требовало значительных усилий руководства МИД. Александр III в 1890 г. решил отозвать посла в Риме «бедного старичка барона Иксуля, — записал Ламздорф в дневнике, — рамолимент которого становится всё более и более очевидным. Просили его жену подать ему мысль просить отставки». Поскольку дипломат сам не желал этого делать, его долго пришлось уговаривать, и он соглашался уйти только в случае назначения в Государственный совет. Монарх «не смотря на своё желание действовать возможно более деликатно», не согласился на такой вариант, который счёл «пощёчиной этому учреждению» [14].

Дослужиться до поста министра иностранных дел удавалось очень немногим, скорее редким, дипломатам. Но и здесь назначения определялись далеко не всегда высоким профессионализмом кандидата. Лишь два человека «доросли» до этой должности, последовательно, достойно и успешно пройдя все ступени карьерной лестницы — Н. К. Гирс и гр. В. Н. Ламздорф, причём оба побывав до этого в статусе товарища министра. При этом первый имел значительный и разнообразный опыт как заграничной службы, так и министерской, тогда как второй не работал за рубежами отечества, но прекрасно знал всю подноготную аппаратной деятельности. Два других министра — гр. М. Н. Муравьёв и А. П. Извольский попали в министерское кресло после службы послами в Копенгагене, где имели возможность близких контактов с царской семьёй и сумели понравиться венценосцам. Правда Извольский после провала своей министерской карьеры в ходе Боснийского кризиса 1908 г., и в интересах «высокой политики» не отправленный в отставку, мечтал вновь сделаться послом, и после кончины посла в Париже А. И. Нелидова буквально выпросил у Николая II эту должность.

Таким образом кадровая политика российского МИД противоречивая, несбалансированная, зачастую носившая случайный характер, ещё требует своего внимательного и детального изучения на большем временном отрезке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802-1902. — СПб., 1902. — С. 127–130.
2. *Рыбачёнок И. С.* Реформирование российского МИД в 1802-1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты // Российская история. — 2020. — № 6. — С. 90–110.
3. АВП РИ. Ф. 159. Оп. 481. 1900 г. Д. 111. Л. 1–7.
4. *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. — СПб., 1889.
5. *Емец В. А.* Министерство иностранных дел Российской империи // Международная жизнь. — 2000. — № 11; 2001. — № 6. — С. 79.
6. *Кузнецов А. И.* Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.): дисс канд. ист. наук. — Москва, 2005.
7. Справочная книга для должностных лиц центральных и зарубежных учреждений. Министерство иностранных дел. — СПб., 1869. — С. 204–205.
8. АВП РИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 1. Л. 96.
9. *Боткин П. С.* Картинки из дипломатической жизни. — Париж, 1930. — С. 61.
10. АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759. Л. 28-29.
11. АВП РИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 9. Л. 57–57 об.
12. АВП РИ. Ф. 340. Оп. 588. Д. 9. Л. 96 об.
13. *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата 1893-1922. — Москва, 1959. — С. 70.
14. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886-1890). — М.-Л., 1926. — С. 360.

А. УЛАМ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ (1944-45 гг.) ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Рыжков Е. Н., к. и. н

e-mail evgueni_ryjkov@mail.ru

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается исследование начального этапа формирования послевоенных правительств в государствах Центральной и Восточной Европы в работах видного американского историка, многолетнего директора Русского исследовательского центра Гарвардского университета Адама Бруно Улама. Автор останавливается на ключевых моментах складывания политических систем в Польше, Румынии, Болгарии, Чехослова-

кии и Югославии в интерпретации А.Улама, который уделяет особое внимание взаимодействию СССР с США и Великобританией, в первую очередь, по польскому вопросу, а также политическому и военному влиянию Советского Союза на указанный процесс.

Ключевые слова: Адам Улам, формирование послевоенных правительств, Центральная Европа, Восточная Европа, польский вопрос, «советизация».

A. ULAM ON THE INITIAL STAGE (1944-45) OF THE FORMATION OF THE POSTWAR GOVERNMENTS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

E. N. Ryzhkov

Northwestern Institute of Management of the RANEPa, *St. Petersburg*

The article deals with the study of the initial stage of the formation of the postwar governments in Central and Eastern Europe in the works of a prominent American historian and longstanding Director of the Russian Research Center (Harvard University) Adam Bruno Ulam. The author dwells on the key aspects of folding of political systems in Poland, Romania, Bulgaria, Czechoslovakia and Yugoslavia in A. Ulam's interpretation, who pays special attention to the interaction of the USSR with the USA and the UK, primarily, on the Polish issue, as well as political and military influence of the Soviet Union on the process.

Keywords: Adam Ulam, formation of the postwar governments, Central Europe, Eastern Europe, Polish issue, Sovietization.

Важной сюжетной линией в работах американских историков, посвященных внешней политике СССР периода 1945-53 гг., является формирование послевоенных правительств и складывание правительственных коалиций в странах Центральной и Восточной Европы, разные темпы «советизации», как они интерпретируют этот процесс, и их причины.

Важной составляющей этой линии многие исследователи считают предысторию установления просоветских режимов в странах Восточной Европы, обсуждение судьбы этих стран на переговорах союзников, в том числе на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

А. Улам подробно останавливался на этом вопросе. Кроме установления режимов, которые были бы идеологически дружественны Советскому Союзу, были и другие важные стратегические причины, считал он. Однако Улам указывает на то, что все шаги в этом направлении предпринимались Сталиным с большой осторожностью и оглядкой на реакцию США и Великобритании. В качестве

примера он приводит тот факт, что, хотя СССР отозвал признание Лондонского польского правительства в изгнании еще весной 1943 г., он в то же время даже на момент высадки союзников в Нормандии в 1944 г. не признал «конкурирующую прокоммунистическую группу», т. е. Люблинский Комитет национального освобождения, так как американцы неожиданно могли заупрямиться, и понадобилось бы компромиссное решение. Также еще в 1944 г. Сталин был недоволен слишком открытой демонстрацией югославскими партизанами коммунистического характера их движения и бомбардировал Тито и его сторонников, к их вящему изумлению, просьбами вести себя менее вызывающе и даже вопрошая, почему Тито не сотрудничает с генералом Михайловичем (впоследствии казненным за сотрудничество с нацистами). Таким образом, заключает Улам, будущая быстрая «советизация» Восточной Европы далеко не воспринималась как нечто само собой разумеющееся [2, с. 26].

Далее Улам подробно рассматривает перипетии решения польского вопроса, как определяющего, по его мнению, все дальнейшее развитие событий в регионе. Успешное решение польской проблемы, утверждает он, являлось предметом особой важности для СССР, так как если бы России удалось получить карт-бланш в Польше, это означало бы, что ей, скорее всего, удастся преодолеть возражения союзников по поводу Румынии, Болгарии и других стран. «Доминирующая позиция в Польше была одной из основных целей войны [для СССР]»-пишет он [2, с. 42], поскольку дала бы ему преимущество в случае восстановления сил антисоветской Германией. Еще в Тегеране Сталин добился от Черчилля и Рузвельта согласия «передвинуть Польшу на запад», т. е. сохранить за СССР восточные территории Польши, населенные преимущественно украинцами и белорусами в обмен на отторжение у Германии в пользу Польши Силезии, Померании и части Восточной Пруссии. Таким образом, Польша становилась ценным призом для СССР — возможностью собственно территориальных приобретений и потенциальным сателлитом, обладающим доступом к промышленным богатствам Силезии. Улам объясняет разрыв отношений между СССР и Лондонским польским правительством именно нежеланием последнего смириться с потерей восточных земель. Далее он описывает создание Люблинского Польского освободительного комитета, составленного из коммунистов, которому советскими властями были передано гражданское управление областями, освобожденными от

германских войск, и который они явно рассматривали как ядро будущего правительства Польши.

Улам сравнивает советскую дипломатию этого периода с военной кампанией, когда каждая словесная уступка Запада, или даже намеки на уступку, воспринимались как незыблемая договоренность и плацдарм для нового дипломатического наступления [2, с. 42]. Так, довольно небрежная дискуссия в Тегеране по польскому вопросу стала основой для советских территориальных требований против Польши. Также Сталиным использовались исторические реминисценции, утверждает Улам, например, то, что еще лорд Керзон после I мировой войны предписывал именно такое территориальное разделение между Россией и Польшей, так почему он, Сталин, должен быть менее справедлив к своему народу, нежели чем английский лорд. От территориальных требований СССР перешел к требованиям установления такого польского правительства, которое устраивало бы Советский Союз. Образование Люблинского комитета было очевидным шагом на этом пути.

Улам отмечает также интересную ситуацию, сложившуюся в отношении Болгарии. Когда Болгария попыталась в 1944 г. выйти из войны, и болгарское правительство начало переговоры с Союзным командованием в Италии, это вызвало парадоксальный эффект: Советский Союз, которому Болгария войны не объявляла и, соответственно, не могла вести с ним мирные переговоры, теперь объявил ей войну и оккупировал ее. С военной точки зрения, материальные затраты и людские потери СССР вдалеке от главного театра военных действий имели столь же мало смысла, как высадка англо-американских войск, скажем, в Норвегии. Но политически присутствие Красной Армии в этой стране создавало предпосылки для того, чтобы вне зависимости от будущих протоколов, союзнических контрольных комиссий и т.д., реальная власть находилась в руках Москвы [2, с. 45].

Далее Улам обращается к теме так называемых «черчиллевских процентов» — попытке Черчилля договориться со Сталиным о разделе стран Восточной Европы на сферы влияния между Великобританией и СССР. Например, предполагалось, что в Румынии Британия должна обладать 10 процентами влияния, а Советский Союз — 90, в Греции же — наоборот.

Улам крайне скептически комментирует перспективу выполнения данных соглашений, учитывая отсутствие согласия США, а так-

же абсолютную неясность фундамента, на который опирались эти процентные разделения. Скажем, пишет Улам, каким образом Британия собиралась претендовать на 20 процентов влияния в Болгарии, принимая во внимание тот факт, что все перечисленные страны в скором времени будут оккупированы советскими войсками (или, в случае с Югославией, местным коммунистическим Сопротивлением)? Зачем СССР при таком раскладе уступать Британии даже 1 процент? Единственным исключением была Греция, однако воздержание Сталина от помощи греческим коммунистам во время декабрьского восстания 1944 г. было продиктовано, конечно, не процентным планом Черчилля, а тем простым фактом, что поблизости не было Красной Армии, а стало быть, у Сталина не было причины вступать по этому поводу в какие-либо столкновения с британцами.

Польша, отмечает Улам, вообще не упоминалась в этом плане, и подтекст был ясен — британцы смирились с тем, что Польша будет находиться полностью в советской сфере влияния. Премьер Миколайчик был вызван в Москву и был безжалостно заставлен Черчиллем согласиться с советскими территориальными претензиями и достичь компромисса с «люблинскими поляками». Хотя у Черчилля, пишет Улам, не было сомнений в том, что последние являются советскими протеже, он чувствовал, что быстрое решение польского вопроса позволит рассчитывать на то, что Сталин будет более уступчив в других вопросах и оставит Польше хоть какие-нибудь осколки независимости. Американцы также оценили бы решение этой острой проблемы без необходимости их участия. Однако Миколайчик, который склонялся к компромиссу с русскими, встретил резкое противодействие со стороны своего Кабинета и ушел в отставку в ноябре 1944 г. Последующее польское правительство в Лондоне фактически игнорировалось и англичанами, и американцами [2, с. 48].

В своей книге «Сталин. Человек и его эра» Улам также указывает еще одну, по его мнению, важную причину, в силу которой не срабатывали ни процентный план, ни иные схемы противодействия превращению Восточной Европы в сферу влияния СССР — американское и британское общественное мнение, которое желало мира и продолжения дружбы с Советским Союзом. Мало кто в таких условиях стал бы подвергать эту дружбу опасности ради какой-нибудь маленькой балканской страны, или чтобы не один, а другой

политический деятель с непроницаемой фамилией стал премьер-министром Польши. Советские вожди, пишет Улам, очень хорошо разбирались в основах политики западных демократий. С окончанием войны также прекращались почти диктаторские полномочия британского кабинета и американского президента в области внешней политики. Черчилль призывал Сталина не пренебрегать глубокой озабоченностью западных держав по поводу Восточной Европы. Но Сталин помнил слова Рузвельта в Ялте о том, что Конгресс и американское общественное мнение не позволит американским войскам оставаться в Европе более 2 лет после капитуляции Германии. А чего стоит «глубокая озабоченность», если она не подкреплена войсками? [4, с. 620]

Советский Союз, пишет далее Улам в «Соперниках», занял нейтральную позицию в отношении восстания греческих коммунистов в ноябре-декабре 1944 г. Их попытка захватить Афины была явно предпринята без побуждения или поддержки со стороны СССР. Черчилль на этом основании предположил, что русские придерживаются его процентного плана, но истинная причина состояла в том, что у СССР не было причины приходить в столкновение с интересами Запада там, где их собственные жизненные интересы не затрагивались. Важнейшим вопросом послевоенного устройства для Сталина оставался польский вопрос, и он не собирался позволять греческим партизанам отвлекать на себя его внимание» [2, с. 50].

Эта проблема — проблема обеспечения согласия американцев на то, что напрямую шло вразрез с позицией как американских политиков, так и общественного мнения — на замену германского доминирования в Восточной Европе советским — стала в последний период войны основной целью советской дипломатии, считает Улам [5, с. 174].

Обращаясь к теме Ялтинских соглашений, Улам пишет, что после войны Ялта приобрела зловещую репутацию в американском обществе — ведь именно там был «продан» Китай, а Запад впервые согласился на катастрофическое решение германского вопроса. Однако, отмечает он, скорее сам дух Ялты, чем какие-то конкретные решения, нанесли такой вред советско-американским отношениям.

При рассмотрении в Ялте вопроса признания Люблинского комитета Временным правительством Польши Сталин продемонстрировал вершины своего личного дипломатического искусства, считает Улам. В этом ему помогало удивительное знание деталей, с

помощью которого он ставил своих оппонентов в неловкое положение и заставлял их занимать оборонительную позицию. В частности сравнивал Люблинский комитет с правительством де Голля, которое также никто не избирал, но тем не менее оно было признано и американцами, и англичанами. Он никогда не прибегал к открытым угрозам, лишь намекал на возможные зловещие последствия «упрямства» западных держав. «СССР — заявил он Черчиллю — имеет право требовать установления в Польше режима, который был бы дружествен по отношению к Советскому Союзу» [4, с. 619].

Результатом стало то, что Сталин добился почти всего, что желал — существующее Временное правительство Польши, составленное из «люблинских поляков» стало ядром для будущего Правительства национального единства, в которое также приглашались демократические лидеры, находящиеся как в Польше, так и за границей, и процесс его формирования должен был контролироваться московской комиссией, состоящей из Молотова и послов Америки и Британии. Это означало практический, хоть еще и не формальный отказ Запада от правительства в Лондоне [2, с. 56].

Именно впечатление, вынесенное русскими из тона проходивших в Ялте переговоров, заключает Улам, были немедленно транслировано в возросшее давление на страны, занятые Красной Армией. В Румынии короля Михала побудили назначить правительство, в котором доминировали коммунисты. В Югославии Тито ускорил выполнение задачи по удалению некоммунистических элементов из правительства и прекращению компромисса с роялистами, на который Черчилль возлагал так много надежд. Президент Чехословакии Бенеш, после посещения им Москвы в марте 1945 г. реорганизовал правительство с целью включения в него нескольких коммунистов и назначил премьер-министром Зденека Фирленгера, который хоть еще и не являлся членом коммунистической партии, но будучи послом в Москве, в полной мере стал так называемым «попутчиком» [2, с. 58].

Все эти события привели к столкновениям и острой дипломатической переписке между Рузвельтом и Сталиным, в которой американский президент выражал недовольство действиями советских представителей в Польше и Румынии, преследованиями политических противников коммунистов в Польше и чинимыми американскому и английскому послам препятствиями со стороны советских оккупационных властей. Однако, отмечает Улам, «дух Ялты» про-

являлся в том, что Сталин явно полагал, что изучил своих американских друзей вдоль и поперек и может пренебрегать их возражениями [2, с. 59].

Сталин знал также, что и новый президент США Трумэн, опасаясь реакции общественного мнения, не может резко поменять политику США, поэтому спокойно и жестко реагировал как на совместную англо-американскую ноту от 18 апреля 1945 г. с протестом против действий СССР по формированию нового польского режима, так и на недовольство Черчилля в связи с невыполнением процентного плана в Югославии, где деление 50 на 50 явно не соблюдалось в связи с очевидной преданностью маршала Тито Советскому Союзу.

Сталин явно чувствовал, пишет Улам, что жесткие высказывания Трумэна не будут подкреплены соответствующими действиями, и будет неправильно дать понять, что на позицию Советского Союза можно повлиять несколькими резкими словами. И это было правильной оценкой ситуации, так как в этот момент западные лидеры не имели бы ни политической, ни моральной поддержки общественного мнения своих стран в случае начала конфронтации с СССР. И в этот момент не было никаких шансов исправить «политические ошибки» западных союзников в Тегеране и Ялте, так как было маловероятно, что Советский Союз прислушается к протестам Запада и еще менее вероятно, что общественное мнение поймет и поддержит жесткий курс в отношении СССР [2, с. 66].

К началу Потсдамской конференции, пишет Улам, советская сфера влияния в Восточной Европе и Германии не являлась *fait accompli*. Американская делегация прибыла в Потсдам обремененная массой документов, касающихся действий советских представителей в странах, занятых Красной Армией, в частности жалобой американского представителя в Союзной контрольной комиссии в Болгарии на то, что его не информируют о деятельности Комиссии, сам он фактически является заключенным, изолированным от окружающего мира, а болгары, занимающие антикоммунистические позиции, подвергаются «гонениям». Однако попытки поднять эти вопросы на конференции, посвященной репарациям с Германии и передаче Польше германских земель в качестве компенсации за перешедшие к СССР польские земли, ни к чему не привели, натолкнувшись на жесткий ответ Сталина, суть которого состояла в том, что в Болгарии и Румынии есть теперь собственные демократические прави-

тельства и не следует вмешиваться в дела этих суверенных стран, тем более, что Советский Союз не вмешивается, скажем, в действия Великобритании в Греции [2, с. 73].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Улам считает определяющей роль Советского Союза в формировании послевоенных правительств в странах Восточной Европы при фактической политике невмешательства в этот процесс со стороны его западных союзников — США и Великобритании.

При этом он отвергает естественную потребность СССР обеспечить безопасность своих границ с помощью «буферной зоны» из дружественных государств, считая его действия «экспансионистскими», что в значительной мере определяется его принадлежностью к традиционалистской школе американской историографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ulam A. Titoism and Cominform. N.Y., 1951. 251 p.*
2. *Ulam A. The Rivals: America and Russia since World War II. N. Y., 1971. 520 p.*
3. *Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917-73. N. Y., 1973. 680 p.*
4. *Ulam A. Stalin: the man and his era. N.Y., 1973. 760 p.*
5. *Ulam A. The history of Soviet Russia. N.Y., 1976. 312 p.*
6. *Ulam A. The communists: the story of power and lost illusions. N.Y., 1991. 528 p.*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Савко Я. А., студентка
mail: savko yana_2005@mail.ru

Саратовский государственный университет, г. Саратов

В статье рассматривается энергетический сектор как ключевой элемент российско-французских двусторонних отношений. Проведён анализ исторического развития энергетического сотрудничества между Россией и Францией, начиная с периода холодной войны и заканчивая современными реалиями. Особое внимание уделено роли природного газа и нефти в торгово-экономических отношениях двух стран, а также влиянию геополитических факторов на энергетическое взаимодействие. Исследованы основные механизмы и институциональные форматы сотрудничества, включая дву-

сторонние межправительственные комиссии и участие французских компаний в российских энергетических проектах. Отдельно проанализировано влияние санкционного режима на энергетическое сотрудничество после 2014 и 2022 годов. В заключительной части статьи формулируются выводы о перспективах развития энергетического диалога между Россией и Францией в условиях трансформации глобальной энергетической системы.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, российско-французские отношения, природный газ, нефть, санкции, Газпром, энергетическая дипломатия, Европейский союз.

THE ENERGY SECTOR IN RUSSIAN-FRENCH RELATIONS

I. Savko

Saratov State University, Saratov

The article examines the energy sector as a key element of Russian-French bilateral relations. It analyzes the historical development of energy cooperation between Russia and France, from the Cold War era to the present day. Special attention is given to the role of natural gas and oil in the trade and economic relations between the two countries, as well as the impact of geopolitical factors on energy cooperation. The article explores the main mechanisms and institutional frameworks for cooperation, including bilateral intergovernmental commissions and the participation of French companies in Russian energy projects. The article separately analyzes the impact of the sanctions regime on energy cooperation after 2014 and 2022. In the final part of the article, the author formulates conclusions about the prospects for developing an energy dialogue between Russia and France in the context of the transformation of the global energy system.

Keywords: energy security, Russian-French relations, natural gas, oil, sanctions, Gazprom, energy diplomacy, and the European Union.

В современном мире энергетический сектор является стержнем международных отношений. Контроль над источниками энергии и маршрутами их транспортировки определяет геополитическое влияние стран, формирует международные коалиции и служит мощным инструментом для достижения внешнеполитических целей. Взаимодействие в энергетической сфере между Россией, крупнейшим мировым поставщиком углеводородов, и Францией, одной из ведущих европейских держав с развитой энергетической инфраструктурой и технологическим потенциалом, заслуживает пристального внимания. Уникальность этого партнёрства заключается в его историческом развитии, которое происходило, несмотря на периодические политические трудности. Франция, будучи одним из основателей Европейского экономического сообщества, изначально демонстри-

ровала более гибкий подход к торговле с СССР, чем её западноевропейские соседи. Этот прагматизм сохранился и в постсоветский период, позволяя Парижу выступать своего рода посредником между Москвой и Брюсселем в вопросах энергетики.

Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, глобальным энергетическим переходом и стремлением к декарбонизации экономики, которые меняют приоритеты в международном энергетическом сотрудничестве. Кроме того, беспрецедентное санкционное давление на российский энергетический сектор, усиливающееся с 2022 года, кардинально изменило форматы взаимодействия. Наконец, энергетическая безопасность Европы вышла на первый план политической повестки, что требует переосмысления роли России в европейской энергосистеме [15, с. 22].

Основная цель данной статьи – провести комплексный анализ энергетического сектора как ключевого элемента российско-французских отношений, выявить основные тенденции и определить перспективы развития двустороннего энергетического сотрудничества. Для достижения этой цели будут решены следующие задачи: прослежена историческая динамика энергетического взаимодействия; изучена структура торговли энергоресурсами; рассмотрены институциональные рамки сотрудничества; оценено влияние санкций на энергетические отношения; и сформулированы прогнозы относительно будущего. Российско-французские отношения в энергетической сфере формировались в логике взаимной заинтересованности. Россия, обладая крупнейшими запасами природного газа и значительными нефтяными ресурсами, последовательно рассматривала энергетику как один из инструментов укрепления своих международных экономических позиций и как основу долгосрочного взаимодействия с европейскими государствами [16]. Франция, в свою очередь, стремилась диверсифицировать внешние источники энергоснабжения, а также обеспечить присутствие собственных компаний в стратегически значимых проектах добычи и переработки. На концептуальном уровне российская сторона традиционно исходит из того, что международное энергетическое сотрудничество должно строиться на принципах равноправия, взаимной выгоды, деполитизации экономических связей и уважения суверенного права государств самостоятельно распоряжаться своими природными ресурсами [5]. В этом смысле Франция долгое время рассматривалась как один из наиболее прагматичных партнеров России в Западной Европе.

Энергетический диалог Москвы и Парижа развивался не только в двустороннем, но и в общеевропейском измерении. Российские поставки энергоносителей в Европу, включая французский рынок, были встроены в более широкую систему европейской энергетической безопасности. Поэтому российско-французские отношения в данной сфере всегда находились на пересечении трех уровней: двустороннего, общеевропейского и глобального.

После распада СССР российско-французское энергетическое сотрудничество вступило в новую фазу. В 1990-е годы основное внимание уделялось реструктуризации существующих контрактов и адаптации к рыночным условиям [17, р. 242]. Французские компании, прежде всего Total (сейчас Total Energies), активно участвовали в разработке российских нефтяных месторождений, включая проекты на шельфе Сахалина и в Западной Сибири [18, р. 253]. В 2000-е годы наблюдался значительный рост двустороннего энергетического взаимодействия. В 2002 году была создана Российско-французская комиссия по вопросам экономического, финансового, промышленного и торгового сотрудничества, в рамках которой энергетика стала одним из приоритетных направлений [9, с. 169]. В 2005 году между ОАО «Газпром» и компанией ENGIE (бывшая GDF Suez) был подписан договор о наращивании поставок российского газа во Францию. В этот же период французские компании увеличили свое присутствие в российском энергетическом секторе через участие в совместных предприятиях и технологические партнерства. Природный газ являлся основой энергетического сотрудничества между Россией и Францией. До 2022 года Россия занимала второе место среди поставщиков газа во Францию, обеспечивая около 17-20% ее потребностей [7, с. 22]. Поставки осуществлялись двумя основными путями: по магистральным газопроводам через Германию и в виде сжиженного природного газа (СПГ) через терминал в Дюнкерке, который начал работу в 2016 году. На французском рынке до введения санкций доминировал «Газпром экспорт», который реализовывал значительную часть российского газа через долгосрочные контракты. Эти контракты, с ценами, привязанными к нефтяным котировкам, гарантировали французским потребителям стабильность поставок и предсказуемость затрат. Ключевым французским партнером «Газпрома» была компания ENGIE, крупнейший игрок на рынке распределения газа во Франции [14, с. 81].

Хотя газовое сотрудничество между Россией и Францией было более интенсивным, чем нефтяное, Франция, тем не менее, оставалась крупным импортером российской нефти, которая перерабатывалась на её заводах. До 2022 года доля российской нефти в общем объеме французского импорта составляла, по разным оценкам, от 8% до 12% [11, с. 18]. Французская компания Total Energies играла ключевую роль в российских нефтегазовых проектах, участвуя в разработке месторождений в Западной Сибири и на Сахалине. Её вовлеченность в проекты «Термокарстовое» (совместно с Новатэком) и «Ямал СПГ» подчеркивала глубокую взаимосвязь французского бизнеса с российским энергетическим сектором.

Российско-французское энергетическое партнерство строится на базе Российско-французской комиссии (РФК) на уровне глав правительств, которая служит его главным институциональным инструментом [6, с. 41]. В рамках этой комиссии действует Рабочая группа по энергетике, которая активно координирует двустороннее взаимодействие в данной сфере [3, с. 52]. В состав рабочей группы входят представители министерств энергетики, ведущих энергетических компаний и отраслевых ассоциаций обеих стран. Помимо РФК, важную роль в развитии сотрудничества играют регулярные встречи руководителей энергетических компаний в формате российско-французского делового совета. Эти встречи позволяют сторонам предметно обсуждать конкретные инвестиционные проекты, налаживать технологическое сотрудничество и формировать видение перспектив развития двусторонних связей. Французские энергетические компании традиционно имели сильное присутствие на российском рынке. TotalEnergies внесла вклад в ряд крупных проектов, включая разработку месторождений нефти и газа, а также производство СПГ. В свою очередь, ENGIE сотрудничала с «Газпромом» как в сфере поставок газа, так и в реализации инфраструктурных проектов [19]. Важным элементом этого сотрудничества было технологическое партнерство, в рамках которого французские компании поставляли в Россию оборудование для нефтегазовой отрасли, а также технологии для СПГ-терминалов и компрессорных станций. Такое взаимодействие было взаимовыгодным: Россия получала доступ к передовым технологиям, а Франция расширяла рынки сбыта для своей промышленной продукции.

Влияние событий 2014 года и последующих санкций Евросоюза, в частности со стороны Франции, на российско-французское энергетическое сотрудничество оказалось значительным [2, с. 14].

Санкции ограничили доступ российских энергетических компаний к западным технологиям, финансам и оборудованию, что затруднило разработку сложных углеводородных запасов и шельфовых проектов [1, с. 123]. Но трудности не повлияли на фундаментальные основы энергетической торговли. Франция и ряд других европейских государств поддерживали сохранение энергетических торговых связей, считая их аполитичными. TotalEnergies, несмотря на ограничения, продолжила участие в российских энергетических проектах. В результате событий на Украине и введения масштабных санкций, энергетические отношения между Россией и Францией претерпели глубокую трансформацию. Решение Европейского союза о введении эмбарго на российскую нефть и нефтепродукты, а также о постепенном отказе от российского газа, стало ключевым фактором. Франция, как часть ЕС, существенно уменьшила свою зависимость от российских энергоресурсов, сократив их импорт. Компания TotalEnergies объявила о выходе из ряда российских проектов, включая проект «Ямал СПГ», без права последующего выкупа своей доли. Поставки российского газа во Францию были сокращены до минимального уровня, а поставки нефти практически прекратились [10, с. 34]. В то же время, Франция, обладающая развитой инфраструктурой для импорта СПГ, смогла относительно быстро адаптироваться к новым условиям, увеличив поставки СПГ из альтернативных источников, таких как США, Катар и Норвегия. Эта адаптация, однако, привела к значительному увеличению энергетических издержек для французской экономики и населения. Восстановление полномасштабного энергетического партнерства между Россией и Францией в ближайшее время представляется крайне маловероятным [8, с. 101]. Это обусловлено, во-первых, сохраняющимся санкционным давлением на российский энергетический сектор, которое не предвещает скорого ослабления. Во-вторых, Франция, как член Евросоюза, обязана следовать общей внешней политике и не имеет возможности в одностороннем порядке возобновлять сотрудничество. Однако, несмотря на эти препятствия, сохраняется возможность для точечного взаимодействия в областях, не затронутых санкциями, таких как ядерная энергетика и ВИЭ. Франция, обладающая передовыми ядерными технологиями, потенциально заинтересована в диалоге с Россией по мирному атому, хотя текущая ситуация значительно усложняет такой обмен.

Перспективы долгосрочного энергетического сотрудничества весьма неопределённые и зависят от множества переменных: динами-

ки геополитической обстановки, хода европейского энергетического перехода и изменений на глобальных энергетических рынках. Существует несколько возможных путей развития событий [13, с. 14]. В случае благоприятного развития, политическое урегулирование может способствовать постепенному восстановлению энергетических связей, хотя и в модифицированном виде. Россия, вероятно, останется важным поставщиком энергоресурсов для Европы, но объёмы поставок будут значительно ниже, чем до введения санкций [12, с. 69]. Основными направлениями сотрудничества могут стать развитие «зелёных» технологий, водородной и атомной энергетики. Напротив, в случае сохранения конфронтации, возможно полное прекращение энергетических связей. Российские поставки могут быть полностью переориентированы на азиатские рынки, в первую очередь на Китай и Индию [4, с. 11]. В таком сценарии Франция, скорее всего, окончательно войдёт в состав трансатлантической энергетической системы, полагаясь на поставки из США и стран Ближнего Востока.

Анализ позволяет сделать ряд выводов о значении энергетического сектора для российско-французских отношений. Прежде всего, энергетика на протяжении десятилетий служила основой для взаимовыгодного партнёрства между Россией, как мировым лидером по экспорту углеводородов, и Францией, одной из ведущих европейских стран. Далее, несмотря на периодические политические разногласия, российско-французское энергетическое сотрудничество отличалось устойчивостью и взаимной выгодой. Франция, в отличие от некоторых других членов ЕС, демонстрировала более прагматичный подход к энергетическим связям с Россией, что было обусловлено её стремлением к обеспечению энергетической безопасности и диверсификации источников поставок. Однако санкции, введённые в 2014 году и особенно усиленные в 2022 году, привели к кардинальным изменениям. Масштабное сотрудничество, развивавшееся десятилетиями, было фактически свёрнуто. Франция, следуя общеевропейской линии, существенно сократила закупки российских энергоресурсов, а французские компании прекратили или значительно ограничили свою деятельность на территории России. Наконец, перспективы возобновления прежнего формата энергетического сотрудничества между Россией и Францией в настоящее время выглядят неопределёнными. Дальнейшее развитие отношений будет зависеть от геополитической ситуации, европейского энергетического перехода и трансформации глобальных энергетических

рынков. В любом случае, энергетика продолжит играть важную роль в формировании российско-французских отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белащенко Д. А., Гавриков А. В. и др.* «Новая нормальность» и международные отношения: теории, инструменты, практики. — Москва : Аквилон, 2021. — 470 с.
2. *Бордачев Т. В.* Энергетика как фактор внешней политики России // Международные процессы. — 2019. — Т. 17, № 3. — С. 8–25.
3. *Винокуров М. А.* Россия и Европа: энергетическое измерение // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — № 5. — С. 45–56.
4. *Дынкин А. А.* Энергетическая безопасность Европы и интересы России // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 9. — С. 5–16.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г.). URL: <https://base.garant.ru/406643869/> (дата обращения: 16.03.2026).
6. *Кузнецов А. В.* Французская политика в отношении России: от де Голля до наших дней // Современная Европа. — 2021. — № 2. — С. 34–48.
7. *Лешуков С. В.* Энергетическая безопасность Европейского союза: вызовы и ответы // Европейский вестник. — 2022. — № 1. — С. 12–28.
8. *Макаров И. А., Ченская А. С.* Энергетический переход и геополитика // Вестник МГИМО. — 2021. — № 4. — С. 89–105.
9. *Митрохина Е. В.* Российско-французские отношения в XXI веке // Французский ежегодник. — 2020. — С. 156–172.
10. *Семенов А. С.* Европейская энергетическая политика: эволюция и современность // Международная жизнь. — 2019. — № 8. — С. 23–38.
11. *Смирнов С. В.* Газовые отношения России и Европы: история и перспективы // Нефть, газ и бизнес. — 2021. — № 6. — С. 15–24.
12. *Суханова И. Ф.* Энергетическая дипломатия России в Европе // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 6. — С. 58–74.
13. *Торкунов А. В.* Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка // Вестник МГИМО-Университета. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 7–21.
14. *Цыплин В. Г.* Перспектива трансконтинентального газопровода ТАПИ после вывода натовских войск из Афганистана // Постсоветское пространство и современный мир. Итоги тридцатилетия : сборник научных статей по материалам международной научной конференции. — Саратов, 2022. — С. 79–83.
15. *Цыплин В. Г.* Российско-китайские энергетические контакты на фоне американских санкций // Современные евразийские исследования. — 2018. — № 3. — С. 14–25.

16. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810/?ysclid=mna1e7nyf0840241620>. (дата обращения: 16.03.2026).

17. *Finon D., Locatelli C.* Russian and European gas interdependence: Can market forces balance out geopolitics? // *Energy Policy*. — 2008. — V. 36, N. 1. — P. 238—245.

18. *Goldthau A.* The politics of natural gas and energy security in the EU // *Handbook of Energy*. — 2013. — P. 245—260.

19. *Pascual C., Elkind J.* Energy Security: Economics, Politics, Strategies, and Implications. — Washington : Brookings Institution Press, 2010. — 198 p.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК ПРАВОВОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОТ ИМПЕРСКОЙ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Самситдинов И. З., к. и. н, доцент

e-mail: Ifat_samsitdino@mail.ru

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

В статье анализируется роль военной службы в качестве интегрирующего элемента внешнеполитической деятельности России. На основе историко-правового и политологического подходов рассматривается преемственность между практиками Российской империи по правовому оформлению военного присутствия на Балканах и Ближнем Востоке и современными механизмами применения вооруженных сил за рубежом. Автор обосновывает тезис о том, что военная служба выступает не только инструментом силового давления, но и специфической формой публичной дипломатии, правовой гарантией геоэкономических проектов и фактором формирования общественного мнения.

Ключевые слова: военная служба, внешняя политика России, Российская империя, международное право, Балканы, Ближний Восток, правовое регулирование, геополитика.

MILITARY SERVICE AS A LEGAL AND GEOPOLITICAL INSTRUMENT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY: FROM IMPERIAL TRADITION TO THE PRESENT DAY

I. Z. Samsitdinov

Ufa University of Science and Technology, Ufa

The article analyzes the role of military service as an integrating element of Russia's foreign policy. Based on historical-legal and political science

approaches, it examines the continuity between the practices of the Russian Empire regarding the legal formalization of military presence in the Balkans and the Middle East and modern mechanisms of deploying armed forces abroad. The author substantiates the thesis that military service acts not only as an instrument of power pressure but also as a specific form of public diplomacy, a legal guarantee of geo-economic projects, and a factor shaping public opinion.

Keywords: military service, Russian foreign policy, Russian Empire, international law, Balkans, Middle East, legal regulation, geopolitics.

В научной литературе проблематика преемственности внешне-политического курса России преимущественно раскрывается через категории дипломатической традиции, геополитических инвариантов либо концептуально-идеологических конструктов. При такой оптике за пределами исследовательского поля нередко оказывается феномен военной службы, который в отечественной традиции государственного строительства представляет собой не столько инструментальное звено властной вертикали, сколько самостоятельного контрагента международно-политического взаимодействия. Как в имперский период отечественной истории, так и на современном этапе развития Российской Федерации военно-служебный институт обеспечивал сопряжение международно-правовых механизмов, публичной дипломатии и практической реализации национальных интересов, выступая в роли системообразующего элемента данного комплекса. Наиболее рельефно данная трехсоставная функция проявляется на таких стратегически значимых геополитических направлениях, как Балканский регион и Ближний Восток, где традиционно сходились интересы ведущих мировых держав, а юридическая квалификация форм военного присутствия неизменно обретала характер сложносоставных межгосударственных соглашений.

Анализ практик Российской империи свидетельствует, что несение военной службы за пределами государственных рубежей оформлялось не столько в парадигме прямолинейной территориальной экспансии, сколько в русле концепции защиты соплеменников по вере и обеспечения региональной стабильности, причем легитимация подобных действий осуществлялась посредством действовавших в ту эпоху международно-правовых норм. Как справедливо указывает исследователь А. Ю. Борисов, статус российских воинских контингентов на Балканах в XIX столетии регламентировался разветвленной сетью двусторонних договоренностей с местными княжествами и Османской империей, в рамках которых присутствие войск ставилось в зависимость от предоставления автоном-

ных прав и гарантий безопасности христианскому населению [1, с. 67—68]. В данной модели отчетливо проявилась характерная для имперского правопонимания особенность: воинская служба трактовалась как разновидность государственной повинности, наделенной не только сугубо оборонительной, но и цивилизаторской составляющей. Юридическое сопровождение подобных операций формировало прецедентную основу, в силу которой вооруженные силы трансформировались в инструмент достижения внешнеполитических задач, выходящих за пределы сугубо оборонительной функции государства.

На современном этапе исторического развития обозначенная традиция обретает видоизмененные, но отчетливо идентифицируемые формы. Ключевые векторы внешнеполитического курса России, закрепленные в Концепции 2023 года, декларируют такие приоритетные направления, как «обеспечение устойчивости на пространстве бывшего СССР» и «поддержание мира и безопасности в регионах, сопредельных с территорией Российской Федерации» [2]. В данном контексте военная служба выходит за рамки сугубо внутригосударственного института. Практики задействования Вооруженных Сил — участие в сирийской кампании (с 2015 г.), выполнение миротворческих задач в Нагорном Карабахе (2020-2023 гг.), а также присутствие на Балканах (в составе сил KFOR до 2003 г. с последующим сохранением гуманитарного и военно-технического взаимодействия) — свидетельствуют о воспроизводстве устоявшихся подходов. В каждом из этих случаев несение военной службы за пределами национальной территории получает юридическое основание: посредством двусторонних соглашений с государством пребывания (как в Сирии), на основе мандатов, предоставленных международными структурами (ООН, ОДКБ), либо в силу исторически сформировавшихся союзнических обязательств.

Балканский полуостров и ближневосточный регион сохраняют статус ключевых географических векторов, в рамках которых обозначенная преемственность прослеживается с наибольшей очевидностью. В столетии XIX Балканы представляли собой пространство, где военная служба России приобретала отчетливо выраженный публично-дипломатический и юридический характер: военные агенты (атташе), инструкторские подразделения и казачьи соединения привлекались к процессу формирования национальных вооруженных сил Болгарии, Сербии и Черногории, причем данная деятельность оформлялась соответствующими межгосударственными соглашениями.

ями [3, с. 112]. В современный период сходное предназначение реализуется через институт военных советников, проведение совместных маневров и программы военно-технического взаимодействия с Сербией, а также через присутствие российских воинских контингентов в Сирии, где правовой режим их деятельности определяется соглашением, заключенным между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой в 2015 году. Как отмечает В. Н. Ковницын, современная нормативно-правовая регламентация несения военной службы за пределами государства охватывает не только аспекты юрисдикции и иммунитетов, но и развернутые положения, касающиеся статуса военнослужащих, механизмов их социальной защиты и условий применения вооруженной силы, что свидетельствует о высокой степени институциональной проработанности данного инструментария [4, с. 57–58].

Геоэкономическая конъюнктура и геополитическая конфигурация напрямую обуславливают востребованность военно-служебного института в качестве обеспечительного механизма. В эпоху Российской империи обладание черноморскими проливами и присутствие в акватории Средиземного моря выступали необходимыми предпосылками экономического роста и защиты торговых коммуникаций. Для Российской Федерации на современном этапе геоэкономические интересы, сосредоточенные в восточной части Средиземноморья (энергетические проекты, транспортно-логистическая инфраструктура) и на Балканах (маршруты энерготранзита), обуславливают потребность в гарантиях, обеспечить которые возможно лишь при наличии военного контингента либо потенциала его оперативного развертывания. Юридическое закрепление подобного присутствия — в частности, функционирование пунктов материально-технического обеспечения в Тартусе и авиационной базы в Хмеймиме, а также нормативное регулирование статуса сил в рамках Организации Договора о коллективной безопасности — позволяет органично вписать военную составляющую в архитектуру международно-правовых отношений, минимизируя угрозы непреднамеренной эскалации. Как убедительно показано в исследовании Е. А. Панкратовой, именно юридическое сопровождение военной деятельности выступает ключевым фактором, определяющим ее легитимность как с точки зрения восприятия международным сообществом, так и с позиций достижения внутривосточного консенсуса [5, с. 134].

В российской государственной традиции публичная дипломатия и военная служба обнаруживают тесную взаимосвязанность.

Деятельность военно-исторических объединений, мемориальные инициативы (включая восстановление памятных объектов, посвященных русским воинам, на территории Балканского полуострова и Ближнего Востока), выступления военных оркестров, а также участие официальных военных делегаций в международных мероприятиях — все это представляет собой форму «мягкой силы», базирующуюся на фундаменте «жесткой» составляющей. Корни данной практики уходят в имперскую эпоху, когда пребывание российских войск в Болгарии либо на Афоне сопровождалось возведением культовых сооружений, открытием образовательных учреждений и распространением культурного влияния. В современном контексте военная служба становится объектом публичной дипломатии не только в аспекте демонстрации потенциала, но и как ретранслятор определенной этической парадигмы служения, глубоко укорененной в историческом опыте [6, с. 89–90].

Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации и общественные настроения находятся в состоянии сложной диалектической взаимозависимости, в которой институциональная структура военной службы приобретает функции посредника. С одной стороны, коллективная память о триумфах русской армии на Балканах (включая освобождение Болгарии и оборону Шипки) и на Ближнем Востоке (Бейрутская экспедиция 1773 года, присутствие русской эскадры) формирует устойчивые когнитивные модели восприятия данных регионов как пространств исторического присутствия и сферы национальной ответственности. С другой стороны, современный опыт участия российских военнослужащих в зарубежных операциях выступает значимым фактором конструирования общественных настроений: уровень одобрения либо критики подобных действий в значительной степени детерминирован эффективностью государственной коммуникации, направленной на разъяснение их правовой легитимности и соответствия стратегическим национальным приоритетам. В данном контексте военная служба предстает не только как инструментальное средство внешнеполитической деятельности, но и как предмет публичной рефлексии, сквозь призму которой осмысливается место России в глобальной системе международных отношений.

Юридические измерения внешнеполитической деятельности в сфере применения военной силы нуждаются в самостоятельной концептуализации в рамках анализа империи как правового явления. Исторически имперские политические образования отличались спо-

способностью конструировать стратифицированные правовые порядки, в которых военная служба регламентировалась не исключительно общегосударственным законодательством, но и особыми нормативными предписаниями, учитывающими специфику отдельных территорий и их статусные характеристики. В Российской империи сложилась разветвленная инфраструктура военно-административного управления на Кавказе и в Средней Азии, а также сформировался институт казачьих войск, выполнявших функции, сочетавшие военную службу с административным и судебным управлением. Современная Российская Федерация, не обладая имперским статусом в формально-политическом измерении, тем не менее воспроизводит отдельные элементы данной модели через такие институциональные формы, как военные базы, договорно-правовые режимы регулирования статуса вооруженных сил и механизмы оперативного развертывания контингентов. Правовое наследие имперских образований проявляется не столько в сохранении территориального верховенства, сколько в способности формировать устойчивые юридические режимы, в рамках которых военная служба выполняет функцию интеграционного звена между национальным законодательством и международно-правовыми обязательствами [5, с. 210].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что институт военной службы в российской государственно-правовой традиции представляет собой многомерное явление, функциональный диапазон которого существенно превосходит сугубо военно-техническое измерение. Сложившаяся на протяжении истории преемственность находит выражение в том, что несение военной службы за пределами национальной территории неизменно сопровождалось развернутой юридической легитимацией, сочеталось с активными публично-дипломатическими усилиями и выступало инструментом реализации геоэкономических приоритетов. Географические векторы, обладающие для России исторически устойчивым значением — Балканы и Ближний Восток, — продолжают выполнять функцию регионов, в которых данная модель подвергается апробации и адаптации к изменяющимся историческим условиям. Современные вызовы, обусловленные трансформацией международно-правовой системы и переконфигурацией глобального баланса сил, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования юридических механизмов, опосредующих военную службу за рубежом, а также более последовательной интеграции военного компонента в контуры публичной дипломатии. Вместе с тем базовый принцип, в соответствии

с которым военная служба выступает неотъемлемым атрибутом суверенной внешней политики и инструментом поддержания правопорядка в зонах стратегического присутствия, сохраняет свою устойчивость, будучи укорененным в глубинной исторической традиции и сложившейся правовой культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Борисов А. Ю.* Российская империя и Балканы: военно-дипломатические аспекты (1806–1878). — Москва : Индрик, 2022. — 408 с.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 31.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2026).
3. *Ермолов А. В.* Военные агенты Российской империи на Балканах: правовой статус и дипломатическая деятельность // Военно-исторический журнал. — 2023. — № 5. — С. 108–116.
4. *Коновницын В. Н.* Правовое регулирование статуса российских воинских формирований за рубежом: историко-сравнительное исследование // Российский юридический журнал. — 2024. — № 2. — С. 52–62.
5. *Ковалев А. И., Панкратова Е. А.* Имперское наследие и правовые механизмы внешней политики современной России / под ред. А. И. Ковалева. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2025. — 392 с.
6. *Чесноков С. В., Миронов А. С., Данилова Т. В.* Публичная дипломатия и военная культура России: историческая преемственность и современные практики / под ред. С. В. Чеснокова. — Москва : Аспект Пресс, 2024. — 276 с.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СЕРБИИ В МАКЕДОНСКОМ ВОПРОСЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сквозников А. Н., к. и. н., доцент

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru.

Самарский государственный экономический университет, г. Самара

В статье исследуется процесс формирования внешнеполитической доктрины Сербии на Балканах в XIX веке Автор приходит к выводу о том, что, получив независимость, молодое сербское государство стремилось занять свою геополитическую нишу, самоутвердится в качестве влиятельной региональной державы на Балканах. Основной внешнеполитической задачей Сербии во второй половине XIX — начале XX века становится поэтап-

ное воссоединение разделенного в силу исторических причин сербского народа в рамках единого национального государства. Реализация данной задачи натолкнулось на встречное движение других балканских народов (болгар, греков, албанцев), которые также стремились к расширению своей государственной территории. Выявляются причины, формы и методы борьбы молодых балканских государств (Греции, Болгарии и Сербии) за преобладание в европейских провинциях слабеющей Османской империи, в частности, в Македонии. В своей борьбе национальные элиты балканских государств широко применяли символические ресурсы прошлого, различные формы исторической политики для консолидации национальной идентичности и обоснования своих геополитических устремлений в условиях жесткой конкуренции с соседними государствами за спорные территории на Балканах.

Ключевые слова: Балканы, Османская империя, македонский вопрос, Сербия, внешняя политика, историческая память.

FOREIGN POLICY OF SERBIA IN THE MACEDONIAN QUESTION AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

A. N. Skvoznikov

Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation)

The article examines the process of formation of the foreign policy doctrine of Serbia in the Balkans in the 19th century. The author comes to the conclusion that, having gained independence, the young Serbian state sought to occupy its geopolitical niche, to assert itself as an influential regional power in the Balkans. The main foreign policy task of Serbia in the second half of the 19th – early 20th centuries was the gradual reunification of the Serbian people, divided due to historical reasons, within a single national state. The implementation of this task encountered a counter movement of other Balkan peoples (Bulgarians, Greeks, Albanians), who also sought to expand their state territory. The causes, forms and methods of the struggle of the young Balkan states (Greece, Bulgaria and Serbia) for dominance in the European provinces of the weakening Ottoman Empire, in particular, in Macedonia, are revealed. In their struggle, the national elites of the Balkan states widely used the symbolic resources of the past, various forms of historical politics to consolidate national identity and justify their geopolitical aspirations in the conditions of fierce competition with neighboring states for disputed territories in the Balkans.

Keywords: Balkans, Ottoman Empire, Macedonian question, Serbia, foreign policy, historical memory.

Вопрос об «исторических правах» различных народов на ту или иную территорию на политической карте мира во все времена был весьма острым. Не утратил он своей актуальности и по сей

день. Многие современные государства в своей внутренней и внешней политике широко применяют символические ресурсы прошлого, облачаемые в различные формы исторической политики. Политика памяти (историческая политика) используется как правило, для консолидации национальной идентичности, особенно в случае столкновения с внешними вызовами и угрозами [1]. Использование различных исторических фактов и, главное, их субъективная интерпретация в качестве политических аргументов — явление далеко не новое в практике многих государств. Различные элементы исторической политики широко встречаются в эпоху Нового времени. В нашей статье мы сосредоточили свое внимание на некоторых элементах исторической политики балканских государств в борьбе за македонские земли.

В отечественной историографии по изучаемой нами проблеме следует выделить исследования Н. С. Гусева. Автор подчеркивает, что балканские государства в проведении своей внешнеполитической линии традиционно опирались на факты средневековой истории, периодически заявляя о своих «исторических правах» на те или иные территории на Балканах. Н. С. Гусев выделяет несколько этапов развития национальной пропаганды Сербии в Македонии, которая эволюционировала под влиянием внутривнутриполитической конъюнктуры, общественного мнения и внешнеполитической обстановки на Балканах. В частности, на первом этапе информационно-пропагандистская деятельность Сербии была сосредоточена на доказывании факта о том, что в Македонии живут сербы, а не болгары. В дальнейшем, когда стало очевидным несостоятельность подобной аргументации, ставка была сделана на утверждение о существовании отдельного македонского народа. На третьем этапе стала продвигаться идея о том, что на македонских землях проживает славянское население, у которого пока еще не сформировано четкое национальное самосознание, и соответственно, македонские славяне со временем смогут идентифицировать себя в качестве сербского этноса [2, с. 162]. Значительный интерес для нас представляют работы Я. В. Вишнякова, в которых ученый обращается к проблеме «войн памяти» между балканскими народами за античное наследие Балканского региона. Автор справедливо отмечает, что на Балканах, где государственные границы повсеместно не совпадают с ареалом проживания того или иного этноса, войны памяти становятся важным инструментом в территориальных спорах между балканскими

народами. Целью такой деятельности является укрепление национальной идентичности, с одной стороны, и целенаправленное стирание из памяти, предание забвению исторической роли «чужого» народа, некогда проживавшего на данной территории и замалчивание о историческом периоде вынужденного с ним соседства, с другой стороны [3]. В работе П. А. Искендерова «Сербия: в поисках внешней опоры (1878-1903 гг.)» анализируется внешняя политика Сербии в период после Берлинского конгресса 1878 г., когда страна получила независимость, но столкнулась с необходимостью балансировать между интересами великих держав — России, Австро-Венгрии и других. Автор подчеркивает, что поиск внешней опоры был вынужденной мерой, обусловленной геополитическим положением Сербии и необходимостью противостоять экспансии Австро-Венгрии. К 1903 г. Сербия, несмотря на ограниченные ресурсы, стала важным игроком на Балканах, но её внешняя политика оставалась зависимой от баланса сил между великими державами. Усиление Австро-Венгрии и рост напряжённости в регионе сделали Сербию «пороховым погребом Европы», что привело к Первой мировой войне [4]. Существенный вклад в изучение сербской внешнеполитической доктрины внес А. Л. Шемякин. В своей монографии автор подробно анализирует взгляды Николы Пашича на пути построения сербского национального государства и модернизацию сербского общества [5]. Среди авторитетных исследований по изучаемой проблеме следует выделить работы А.В. Карасева, в которых исследуется взаимосвязь сербской национальной идеи и внешнеполитической стратегии княжества в 1860-1870-х годах. Автор акцентирует внимание на программе Илии Гарашанина «Начертание», которая стала основой для объединения югославянских земель под эгидой Сербии. А.В.Карасев подчёркивает, что национальная идея стала движущей силой сербской дипломатии, однако её реализация зависела от баланса сил великих держав и внутренних противоречий на Балканах [6].

Следует вспомнить, что в XIX веке в европейских областях Османской империи начинается процесс национального возрождения у народов, завоеванных в свое время турками-османами, и проживающих на территории Османской империи. В последней четверти XIX — начале XX в. процесс создания национальных государств и освобождения балканских народов от османского господства перешел в завершающую стадию. Ярким проявлением систем-

ного кризиса Османской империи становится постепенное ослабление контроля Порты над подвластными народами и сокращение государственной территории страны. В последней четверти XIX в. наиболее острое звучание в Османской империи приобрел национальный вопрос. Многие народы, проживавшие на ее территории (славяне, албанцы, армяне, арабы), стремились выйти из многовекового турецкого подчинения и создать собственные национальные государства. В результате поражения в войне с Россией в 1877-1878 гг. Турция потеряла значительную часть своих владений на Балканах, где были образованы независимые государства — Сербия, Черногория, Румыния, а также автономное Болгарское княжество, которые стремились к расширению своих границ как за счет соседних государств, так и путем аннексии европейских провинций, оставшихся еще в составе Османской империи. События последней четверти XIX в. продемонстрировали определенную закономерность — как только новое государство на Балканах получало независимость от Османской империи, оно сразу направляло свои внешнеполитические усилия на борьбу со своими балканскими соседями за контроль над территорией. Причем внешнеполитические доктрины балканских государств заведомо носили взаимоисключающий характер, что не предполагало мирное урегулирование территориальных споров. При таком раскладе особое значение приобретала информационно-пропагандистская деятельность внешнеполитических ведомств и иных учреждений соответствующих стран, нацеленная на формирование представлений о правах того или иного государства на спорные земли [2, с. 149].

Камнем преткновения в отношениях между балканскими государствами становились территории с неоднородным этническим составом, одной из которых была Македония — область, население которой являло собой широкий спектр религий и этносов, здесь испокон веков проживали греки, славяне, турки, албанцы и другие народы.

Македонский вопрос становится важнейшим аспектом внешнеполитической повестки балканских государств в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Следует отметить, что по условиям Сан-Стефанского мирного договора, подписанного по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг., создавалось автономное Болгарское княжество, в состав которого включалась Македония. Однако под жестким давлением Великобритании и Австро-Венгрии, которые рассматривали Болгарию в качестве сателлита России и не желали

усиления последней на Балканах, положения Сан-Стефанского договора были пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 г. По условиям Берлинского трактата македонские земли оставались в составе Османской империи. Итоги Берлинского конгресса не устроили не одно из балканских государств. Болгарский народ чувствовал себя обделенным, поскольку его заветная мечта – объединение всех болгар в рамках одного государства была уже так близка, но победа буквально ускользнула из рук в результате пересмотра Сан-Стефанского договора. После завершения Восточного кризиса 1875-1878 гг. в борьбу за македонские земли включаются и другие балканские народы. Для Сербии итоги Берлинского конгресса были более благоприятными по сравнению с Болгарией. Помимо окончательного обретения суверенитета и официального признания в качестве субъекта международных отношений государственная территория Сербии была увеличена почти на 11 тыс. кв. км, а население – почти на 300 тыс. человек за счет присоединения к ней четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого. Вместе с тем в результате оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины Сербия оказалась отрезанной от моря, что усиливало зависимость сербской аграрной экономики (в частности продукции животноводства) от Австро-Венгрии, которая являлась посредником при экспорте сербских товаров в другие страны. Отсутствие собственных морских портов ставило перед Сербским государством важную геополитическую задачу – продвижение к Адриатическому морю через Старую Сербию (Косово), а также к Эгейскому морю через Македонию [4, с. 88]. Таким образом, македонский вопрос становится важнейшим аспектом внешнеполитической повестки сербского государства. Новым геополитическим соперником Сербии вместо ослабевшей Османской империи стала Австро-Венгрия, территориальная экспансия которой стала главным препятствием в реализации национальной программы Сербии по объединению всех соотечественников под крышей одного государства.

Разновекторные и взаимоисключающие внешнеполитические интересы между Австро-Венгрией и Сербией привели к временному сближению между двумя государствами, что выразилось в заключении в 1881 году тайной конвенции о разграничении сфер влияния на Балканах. Австро-Венгрия признавала право Сербии на расширение государственных границ за счёт турецких территорий в Старой Сербии и Центральной Македонии. Сербия, в свою очередь, брала на себя обязательство не заключать политических дого-

воров с иностранными государствами без предварительного согласия Австро-Венгрии, а также признавала Боснию, Герцеговину и Новипазарский санджак сферой исключительного влияния Австро-Венгрии [6, с. 169].

Таким образом, Македония в последней четверти XIX века становится ареной политических схваток и стычек повстанческих отрядов Греции, Болгарии и Сербии. Балканские государства использовали различные методы — политические, информационно-пропагандистские, военно-диверсионные. Особое значение приобретала внешнеполитическая пропаганда, осуществляемая в том числе через образовательные учреждения, церковь, печать, нацеленная на формирование представлений о правах того или иного государства на спорные земли. Одним из аргументов противоборствующих государств, становится историческое право на македонские земли. Под историческим правом здесь следует понимать применение исторических сведений с целью доказывания факта исконного (ранее остальных народов) проживания определенного этноса на данной территории. Следует отметить, что балканские государства при разработке и реализации своих внешнеполитических программ все активнее опираются на политику коллективной исторической памяти с целью обосновать свои территориальные притязания на македонские земли. Для греческой национальной элиты Македония ассоциировалась с великой империей Александра Македонского. Поэтому любые попытки других народов «прибрать к рукам» ядро эллинской цивилизации, их историческое наследие, греками воспринимались очень болезненно. Сербия и Болгария также использовали исторические факты в качестве аргументов в политической борьбе.

Главным аргументом Сербии в обосновании своих притязаний на Македонию являлся исторический факт о том, что исторического факта о том, что македонские земли на протяжении нескольких десятилетий входили в состав средневековой державы сербского короля Стефана Душана Неманя (1331-1355). Его двор располагался в Скопье и греческом Серре. В 1346 г. Скопье в Македонии стал столицей сербо-греческого царства, а Стефан Душан был провозглашён «царём сербов и греков». В дальнейшем после распада Сербского царства под натиском османов в конце XIV в., Македония перешла в руки турок именно из-под сербского владычества. Таким образом, сербы рассматривали македонские земли как осколок некогда мощного сербского средневекового царства, который был отторгнут превосходящими силами врага (турками) насильственным

путем, что могло рассматриваться для обоснования предстоящей сербской экспансии на Балканах и возвращение утраченных «исконных» земель [7, с. 740]. Таким образом, сербское средневековое царство Стефана Душана рассматривалось интеллектуальными и военно-политическими элитами как геополитический эталон для сербского народа. Расширение границ Сербии до образца средневекового царства Стефана Душана позволило бы Сербии претендовать на статус великой державы на Балканах, с претензией на роль объединителя югославянских народов.

Долгосрочную внешнеполитическую программу, которую должна была реализовать Сербия в XIX веке, сформулировал известный политический и государственный деятель Илия Гарашанин в своей работе «Начертание». Суть программы заключалась в том, что сербское государство станет центром объединения югославянских народов (сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев), освободившихся от османского владычества [6, с. 196]. В 1866-1867 годах, когда И. Гарашанин являлся министром иностранных дел, Сербия заключила несколько соглашений с Румынией, Черногорией и Грецией, создав таким образом Балканский союз, существовавший в 1866-1868 гг. и направленный на борьбу с Османской империей. Сербское руководство ясно понимало, что объединение усилий балканских народов — залог успеха в борьбе с таким сильным противником как Османская Порта. Кроме того, ведущая роль Сербии в Балканском союзе давала ей важное преимущество при последующем разделе завоёванных территорий на Балканах.

Таким образом в середине 1860-х годов Сербия включилась в борьбу за установление своего влияния в Македонии. Сербская дипломатия начинает активно искать себе союзников в предстоящей борьбе за раздел европейских территорий Османской империи. Таким союзником стала Греция. Сближение двух государств произошло в условиях стремления Греции и Сербии расширить свои территории на Балканах. Главным препятствием в этом процессе были Турция, Болгария и Австро-Венгрия, которые в свою очередь не желали создания на Балканах «Великой Греции» и «Великой Сербии». В итоге Сербия и Греция заключили союзный договор в августе 1867 г. и военную конвенцию в феврале 1868 г. Обе стороны обязывались вести борьбу с Османской империей до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности достижения этой конечной цели союзники должны были добиться присоединения

Фессалии и Эпира с Критом к Греции, а Боснии и Герцеговины – к Сербии. В ходе переговоров накануне подписания договора между сторонами наметились определенные разногласия, связанные с македонским вопросом. Сербская дипломатия стремилась к тому, чтобы юридически зафиксировать в соглашении с Грецией разделение Македонии на сферы влияния, в частности добиться от греков признания права Сербии на часть Македонии (Старую Сербию). Греческая сторона в свою очередь полагала, что обсуждать вопрос о разделе Македонии преждевременно, предложив вернуться к решению македонского вопроса после освобождения Македонии от турецкой власти. Греки, явно осознавая слабость сербской позиции в Македонии, выступили за свободное самоопределение населения Македонии в вопросе о выборе государства, в котором они захотят проживать [8, с. 125]. Греческая дипломатия прекрасно понимала, что значительная часть Македонии может оказаться в составе Греческого королевства «автоматически» без всякой помощи со стороны Сербии. Это было связано с тем, что Греция имела важное преимущество в Македонии — вплоть до открытия Болгарского экзархата 1870 года в Македонии действовали только греческие православные храмы, где служили греческие священники и литургии шли на греческом языке. Значительная часть населения Македонии, в том числе этнические болгары, посещали греческие храмы (поскольку других не было), обучали своих детей в греческих школах. Таким образом, Греция рассчитывала на то, что многолетняя политика эллинизации в Македонии посредством информационно-пропагандистской и просветительской работы принесет свои плоды, и большая часть Македонии в будущем войдет в состав Греческого королевства. Следует отметить, что Сербско-греческий договор и военная конвенция так и остались на бумаге. Стороны так и не приступили к совместным военным действиям против Турции. Каждая из сторон сосредоточилась на единоличных действиях по реализации своей внешнеполитической программы.

В 1868 г. в Сербии был создан специальный «Комитет школ и учителей в Старой Сербии и Македонии», деятельность которого была сосредоточена в северо-западных районах Македонии, прежде всего в Косовском вилайете. В 1886 году было учреждено «Общество Святого Саввы, которое занималось просветительской работой, в частности издавало и распространяло в Македонии сербские учебники и организовало школьное обучение для выходцев из Македонии на сербском языке [9, с. 301].

В 1887 г. при Министерстве просвещения Сербии было создано «Отделение школ и церквей вне Сербии», называемое также «Политико-просветительским отделением» при МИД, ставшее вскоре руководящим органом всей сербской национальной пропаганды в Македонии. Главными ее проводниками стали сербские консульства, открытые в 1886 г. в Скопье (Ускюбе) и в Солуни, а в 1889 г. в Битоли и Приштине [10, с. 323].

В 1889 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич во время своего визита в Болгарию предложил болгарскому премьеру Станчеву идею балканского союза с антитурецкой направленностью на основе предварительного соглашения о разделе Македонии. Болгарское правительство отказалось вести переговоры на таких условиях, поскольку считало Македонию болгарской землей, которая не подлежит разделу [11, с. 8].

О том, насколько сильны были сербские притязания на македонские земли, говорит следующий факт. В апреле 1901 г. король Сербии Александр Обренович в частной беседе с российским публицистом А. В. Амфитеатовым заявил, что Македония наряду со Старой Сербией (Косово и Метохия) является исконной землей сербского народа, которую Сербия никому не уступит [12, с. 456]. При этом сербский генеральный консул в Салониках Ненадович в доверительной беседе с российским генконсулом А. А. Гирсом в декабре 1902 г. признавал, что «хотя в Солуни и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, настоящих сербов там не имеется» [13, с. 301].

Центральное правительство и местные турецкие власти Македонии для ослабления позиций болгар, в которых они видели основных своих противников, действуя по принципу «разделяй и властвуй», стали в противовес им поддерживать в Македонии влияние сербского патриарха и деятельность сербских школ. В результате северо-восток Македонии стал главным полем столкновения болгарской и сербской националистической пропаганды.

Таким образом, турецкие власти, умело используя в своих интересах борьбу балканских государств, добивались одновременно самоистребления христиан в Македонии.

Жестоким финалом многолетней борьбы за Македонию стали Балканские войны 1912-1913 гг., в результате которых македонский вопрос — этот гордиев узел Балкан — был разрублен посредством раздела территории Македонии на три части между Грецией, Сербией и Болгарией. В 1912 г. северная Македония была завоевана

сербам. Сербские власти сразу же объявили македонцев «настоящими сербами», а Македонию — южной Сербией, закрыли все болгарские школы и уволили учителей, изгнали болгарских священников и епископов и назначили на их места священников Сербской православной церкви, запретили болгарскую прессу, болгарские имена и фамилии. То же самое происходило в южной Македонии, завоеванной Грецией, где македонцев старались ассимилировать в греков, закрыв болгарские школы и церкви. В ответ на репрессии македонцы в 1913 г. организовали два восстания (Тиквешское в июне и Охридско-Дебарское в сентябре-октябре совместно с албанцами), жестоко подавленные сербскими войсками под руководством Василие Трбича и Йована Бабунского. В одном только Тиквешском восстании, по данным Специальной международной комиссии, состоявшей из европейских ученых, погибло более тысячи человек, из них около 200 повстанцев, а большинство — мирное население. По словам российского политического деятеля и историка П. Н. Милюкова, сербская государственная пропаганда утверждала, что македонские болгары — на самом деле сербы, которых ВМОРО с помощью террора заставила стать болгарам. Более двух тысяч болгарских учителей, священников и других выдающихся болгар были брошены в тюрьмы, а многие другие были вынуждены под давлением отречься от болгарской идентичности и объявить себя сербами [14, с. 37].

10 августа 1913 года был подписан Бухарестский мирный договор, по которому Сербия и Греция получили всю Македонию, кроме Пиринской части. Сербии отошла Вардарская Македония, а Греция получила Эгейскую Македонию с городами Салоники и Кавала.

Геополитическое развитие сербского государства после 1878 года вплоть до Первой мировой войны, пошло в другом направлении, нежели это было сформулировано виделось в «Начертании» И. Гарашанина. После Балканских войн в состав сербского государства вошли не Черногория и Босния, и Герцеговина, как это планировалось себскими политиками в середине XIX века, а Косово и Вардарская Македония. В свою очередь Болгария, проигравшая во Второй Балканской войне и потерявшая значительную часть Македонии, жаждала реванша, что стало одним из ключевых факторов вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне держав Тройственного союза. Таким образом, территориальные противоречия балканских государств (Болгарии, Греции, Сербии, Австро-Вен-

грии) по македонскому вопросу среди прочих факторов сыграли решающую роль в расстановке сил в Европе перед началом Первой мировой войны.

В заключении следует отметить, что важным элементом исторической политики балканских государств в том числе Сербии в рассматриваемый нами период, становится поиск и эксплуатация героического прошлого, обращение к образам древних государств эпохи Античности и Средневековья, и как следствие, формирование собственной мифологизированной истории с целью национальной консолидации и мобилизации нации для противостояния с другими народами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кирчанов М. В.* Проблемы Македонской Православной Церкви в исторической политике современной Сербии // *Via in tempore. История. Политология.* — 2023. — № 50 (3). — С. 652–661.
2. *Гусев Н. С.* Сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу в России в конце XIX – начале XX вв. // *Славяне и Россия.* — 2022. — № 1. — С. 149–169.
3. *Вишняков Я. В.* «Политическая Античность» на постюгославском пространстве // *Новая и новейшая история.* — 2022. — № 4. — С. 120–134.
4. *Искендеров П. А.* Сербия: в поисках внешней опоры (1878-1903 гг.) // *История Балкан. На переломе эпох (1878-1914 гг.)* / отв. ред. К. В. Никифоров. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2017. — С. 87–109.
5. *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича: Формирование и эволюция (1868–1891). — Москва : Индрик, 1998. — 448 с.
6. *Карасев А. В.* Сербская национальная идея и внешняя политика Сербии в 60-х – 70-х гг. XIX века // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* — 2008. — № 3. — С. 194–208.
7. *Гусев Н. С.* Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX – начале XX века // *Актуальные проблемы теории и истории искусства.* — 2020. — № 10. — С. 740–754.
8. *Гкиуртзидис А. С.* Греко-сербское соглашение 1867 года и роль российской дипломатии // *Славяноведение.* — 2021. — № 5. — С. 125–137. DOI: 10.31857/s0869544x0016719-3.
9. *Ямбаев М. Л.* Македония в 1878-1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914. — Москва : Индрик, 2003. — С. 297–321.
10. *Косик В. И.* Македония — споры, соглашения, войны // *На путях Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв.* / отв. ред. И. В. Чуркина. — Москва : Индрик, 1997. — С. 318–340.

11. Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. Т. 1: 1878-1893. — София, 1993. — 380 с.

12. *Амфитеатров А. В.* В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903. — С. 81—244 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А. Л. Шемякин. Санкт-Петербург : Алетей, 2006. — С. 448—461.

13. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2298. Л. 117-117об.

14. *Ходунов А. С.* Влияние государственной политики на этническую идентичность македонских славян: конец XIX – вторая половина XX вв. // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 37—56.

ТЕХНОЛОГИЯ НАЗЕМНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПЕРЕВОЗОК НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ: ПАССАЖИРЫ, БАГАЖ, ГРУЗЫ

Соколов В. С., студент

Яворская А. Д., студентка

Научный руководитель — *Гордеев Д. А.*, доцент кафедры
«Комплексная безопасность на воздушном транспорте»

*Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации им. А. А. Новикова, Санкт-Петербург*

Статья посвящена анализу технологических процессов наземного обслуживания на воздушном транспорте. Рассматриваются ключевые этапы обслуживания пассажиров в аэропортах отправления, прибытия, транзита и трансфера. Детально описаны методы регистрации и основные требования к организации досмотра. Анализируются системы обработки багажа, включая внутривокзальную механизацию, контейнерный способ перевозки и выдачу багажа. Раскрываются особенности обработки грузов, порядок их приема, хранения, погрузки на воздушное судно и выдачи получателю. Подчеркивается важность четкой организации наземных процессов для обеспечения безопасности и регулярности полетов.

Ключевые слова: наземное обслуживание, аэропорт, пассажиры, багаж, грузы, регистрация, досмотр, технологический процесс, обработка грузов.

GROUND HANDLING TECHNOLOGY IN AIR TRANSPORT: PASSENGERS, BAGGAGE, CARGO

Sokolov V., Yavorskaya A.

*St. Petersburg State University of Civil Aviation named after A. A. Novikov,
St. Petersburg*

The article is devoted to the analysis of technological processes of ground handling in air transport. The key stages of passenger service at airports of departure, arrival, transit and transfer are considered. The registration methods and the main requirements for the organization of security screening are described in detail. Baggage handling systems are analyzed, including intra-terminal mechanization, containerized transportation method and baggage delivery. The specifics of cargo handling, the procedure for its acceptance, storage, loading onto an aircraft and delivery to the consignee are revealed. The importance of clear organization of ground processes for ensuring flight safety and regularity is emphasized.

Keywords: ground handling, airport, passengers, baggage, cargo, check-in, security screening, technological process, cargo handling.

Наземное обслуживание является одним из самых ответственных этапов перевозочного процесса на воздушном транспорте. На коротких авиалиниях время, затрачиваемое на наземные операции, зачастую превышает время самого полета [2, с. 3]. От четкости и слаженности работы служб аэропорта зависят безопасность, регулярность рейсов и качество обслуживания клиентов. Для специалистов, организующих перевозки, в том числе воинские, понимание технологии работы аэропортов является обязательным [2, с. 4]. Цель данной статьи — анализ основных технологических процессов обслуживания пассажиров, багажа и грузов в аэропортах.

Технология обслуживания пассажиров

Технология обслуживания вылетающих пассажиров призвана минимизировать время ожидания и обеспечить высокий уровень комфорта и безопасности. Весь комплекс работ производится в аэровокзале сотрудниками службы организации пассажирских перевозок (СОПП) [2, с. 5].

Типовой технологический процесс обслуживания пассажиров начального рейса включает четыре ключевые операции: регистрацию билетов и оформление багажа, досмотр и специальный контроль, ожидание посадки и доставку к воздушному судну (ВС), посадку и размещение на борту [2, с. 6]. Важным этапом является досмотр, который проводится для выявления предметов и веществ, запрещенных к перевозке, с целью обеспечения авиационной безопасности [2, с. 9].

В мировой и отечественной практике применяются три основных метода наземного обслуживания:

Основной метод — все формальности пассажир проходит в аэровокзале, а багаж принимается под ответственность перевозчика, что обеспечивает максимальные удобства [2, с. 7].

Упрощенный метод — регистрация производится в сжатые сроки (за 10-15 минут до вылета) непосредственно у выхода на посадку или у трапа, а багаж доставляется к борту самим пассажиром. Этот метод сокращает время обслуживания, но снижает уровень комфорта [2, с. 8].

Аэробусный метод — применяется на линиях с интенсивным движением и предполагает максимальное сокращение формальностей, продажу билетов на борту и доставку багажа пассажирами [2, с. 8–9].

Обслуживание прибывающих, транзитных и трансферных пассажиров имеет свои особенности. Транзитные пассажиры обычно покидают борт на время стоянки, но не проходят повторную регистрацию, в то время как трансферные пассажиры, меняющие рейс, проходят полный цикл предполетных формальностей [2, с. 13–14].

Организация обработки багажа

Система обработки багажа — сложный механизм, от работы которого напрямую зависит соблюдение расписания. Она должна быть простой, надежной и обеспечивать сохранность багажа [2, с. 15]. Технологически обработка делится на работу с вылетающим, прилетевшим и трансферным багажом.

Способы обработки зависят от типа ВС и могут быть поштучными (на тележках), контейнерными (наиболее прогрессивный способ для современных самолетов) или методом самообслуживания, когда пассажиры сами доставляют ручную кладь [2, с. 16]. При контейнерном способе багаж комплектуется в контейнеры, которые затем пломбируются, взвешиваются и доставляются к борту специализированными транспортерами [2, с. 18–19].

Одним из самых сложных этапов является сортировка багажа по рейсам и пунктам назначения. В крупных аэропортах для этого используются механизированные и автоматизированные сортировочные системы [2, с. 19]. Выдача багажа прилетевшим пассажирам производится с помощью раздаточных устройств — транспортеров, наиболее удобными из которых являются кольцевые и петлеобразные (транзитреды), позволяющие пассажиру с несколькими местами багажа забрать его при повторном обороте ленты [2, с. 21–22].

Организация обработки грузов

Перевозка грузов требует неукоснительного соблюдения установленных правил. Грузы принимаются к перевозке в аэропортах, имеющих соответствующие лицензии, на основании заявки отправителя и оформленной грузовой авианакладной [2, с. 23]. Груз должен иметь исправную тару и соответствующую маркировку.

Хранение грузов осуществляется в грузовых комплексах аэропорта. Для ускорения обработки склады разделяются на зоны прибытия и отправления, грузы комплектуются по рейсам и укладываются на поддоны [2, с. 24–25]. Общий порядок загрузки самолета регламентирован: она производится после заправки топливом, в строгом соответствии с центровочным графиком и схемой загрузки. В первую очередь загружается груз, затем почта и только в последнюю очередь — багаж [2, с. 25]. Ответственность за правильность загрузки и надежность крепления несут диспетчер по комплектованию и бортпроводник [2, с. 26].

Прибывший груз выгружается, доставляется на склад и сдается приёмосдатчику, который проверяет сохранность упаковки и соответствие документам. Информация о прибытии груза передается получателю, который после оплаты и предъявления документов может его получить [2, с. 27–28].

Заключение

Технологические процессы наземного обслуживания пассажиров, багажа и грузов в аэропортах представляют собой сложный, многооперационный и строго регламентированный комплекс. От слаженности работы СОПП, служб авиационной безопасности, грузовых служб и других подразделений зависит не только комфорт и своевременность отправки клиентов, но и безопасность полетов в целом. Использование современных средств механизации и автоматизации, а также строгое соблюдение технологических графиков являются ключевыми факторами эффективной работы аэропорта и всей системы воздушного транспорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гардюк А.* Лекция № 64. Тема 51: Технология и организация перевозок на воздушном транспорте. Петергоф : Военный институт (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО, 2015. — 29 с.
2. *Астаев Д. В.* Организация перевозок военной техники на базе ДТ-30ПМ (Панцирь) в районы арктической группировки войск воздушным транспортом: Реферат. — Петродворец : Военный институт (ЖДВ и ВОСО), 2017. — 31 с.
3. Федеральные авиационные правила «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов...» — Москва : Воздушный транспорт, 2007.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНТРОЛЬ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ И МИНИМИЗАЦИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Соколов М. Д., студент 3 курса

e-mail: shocolakoo@mail.ru

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Научный руководитель — **Р. Р. Габрилян**, к. ю. н.

e-mail: rgabrilian@ncfu.ru

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

В статье исследуется потенциал цифрового рубля как инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Анализируются возможности применения цифровой валюты для контроля трансграничных финансовых потоков в условиях санкционного давления, а также роль цифрового рубля, как платформы повышения прозрачности операций и противодействия теневой экономики. Рассмотрены перспективы международной интеграции цифрового рубля в рамках BRICS Bridge и mBridge, а также альтернативные механизмы трансграничных расчетов. Выявлены преимущества использования цифрового рубля, существующие проблемы и риски, требующие внимания.

Ключевые слова: цифровой рубль, экономическая безопасность, трансграничные платежи, теневая экономика, финансовый контроль.

THE DIGITAL RUBLE AS A TOOL FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY: CONTROL OF CROSS-BORDER FLOWS AND MINIMIZATION OF THE SHADOW ECONOMY

M. Sokolov

North Caucasus Federal University, Stavropol

Scientific Supervisor — **R. Gabrielyan**

North Caucasus Federal University, Stavropol

The article explores the potential of the digital ruble as a tool for ensuring the economic security of the Russian Federation. It analyzes the possibilities of using digital currency to control cross-border financial flows in the context of sanctions pressure, as well as the role of the digital ruble as a platform for increasing transparency in operations and countering the shadow economy. The article also examines the prospects for international integration of the digital ruble within the framework of BRICS Bridge and mBridge, as well as alternative mechanisms for cross-border payments. The article identifies the advantages of using the digital ruble, as well as the existing challenges and risks that require attention.

Keywords: digital ruble, economic security, cross-border payments, shadow economy, financial control.

В условиях санкционного давления и блокировки значительной части золотовалютных резервов Российской Федерации, вопросы обеспечения финансового суверенитета и прозрачности денежного обращения приобретают первостепенное значение. Отключение российских банков от международной межбанковской системы передачи финансовой информации и совершения платежей (SWIFT), заморозка активов и ограничение доступа к западной финансовой инфраструктуре — все это привело к поиску принципиально новых механизмов осуществления платежей как внутри страны, так и на международной арене.

Внедрение цифрового рубля, стоящего в одном ряду с наличными и безналичными денежными средствами, рассматривается как стратегический ответ на эти вызовы. Появление цифрового рубля должно модернизировать платежную систему, а также обеспечить новый уровень контроля за финансовыми потоками, что напрямую связано с задачами обеспечения экономической безопасности государства [1].

Прежде чем говорить о международных расчетах, важно подчеркнуть: в соответствии с действующим законодательством цифровой рубль является законным платежным средством исключительно на территории Российской Федерации. Его эмиссия осуществляется Банком России, а платформа цифрового рубля представляет собой национальную инфраструктуру, подконтрольную отечественному регулятору. Таким образом, цифровой рубль в первую очередь ориентирован на укрепление финансового суверенитета внутри страны, а его трансграничное использование — перспектива, требующая развития международных соглашений.

Одним из ключевых направлений применения цифрового рубля является организация трансграничных расчетов в обход традиционных, контролируемых Западом, каналов. Бывший руководитель «Национальной системы платежных карт» Владимир Комлев в одном из интервью отметил, что воздействие санкций изменили ландшафт зарубежных расчетов, и классические инструменты перевода денег перестали работать в прежнем виде. Рынок был вынужден перестроиться на использование альтернативных платежных агентов, что увеличило стоимость транзакций и снизило их прозрачность.

Цифровой рубль способен предложить новое решение. Благодаря технологии распределенного реестра транзакции могут осуществляться напрямую между участниками, минуя множество посредников, что существенно снижает издержки и повышает скорость расчетов. Однако для выхода на международный уровень требуется не только технологическая готовность, но и заключение межгосударственных соглашений – об унификации стандартов, признании юридической силы операций и порядке обмена информацией.

На сегодняшний день активно развиваются проекты, которые могут стать основой для трансграничного использования цифрового рубля. Одним из таких является BRICS Bridge, предполагающий соединение национальных цифровых валют стран-участниц для упрощенной взаимной торговли [2]. В декларации саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро была подчеркнута необходимость обеспечения совместимости платежных систем [3]. Параллельно развивается проект mBridge – платформа для расчетов в цифровых валютах центральных банков с участием Китая, Гонконга, Тайланда, ОАЭ и Саудовской Аравии. К началу 2026 года через mBridge было проведено более 4 тыс. транзакций на сумму около 55,5 млрд долларов США. Эти примеры показывают, что технология цифровых валют центральных банков доказала свою жизнеспособность, но для ее масштабирования необходимо больше времени.

В то время как официальные каналы трансграничного использования цифрового рубля находятся на стадии обсуждения, российский бизнес адаптировался и создал альтернативное решение, работающее уже сегодня – платформа «A7» и выпускаемый на ней цифровой финансовый актив «A7A5», являющийся стейблкоином, который привязан к рублю.

Первая эмиссия токенов A7A5 состоялась в феврале 2025 года, а к началу 2026 года их капитализация превысила 41 млрд рублей. Оператором информационной системы выступает платформа «Токеон». Механизм работы этого токена сочетает правовую определенность и гибкость международных расчетов: держатели могут обменивать ЦФА на рубли в Российской Федерации или на иностранную валюту за рубежом.

Масштабы использования этого инструмента значительны. По данным ЦБ, в первом полугодии 2025 года объем транзакций через платформу A7 превысил 98 млрд долларов США. К декабрю 2025 года через A7 проходило около 19% от общего

объема внешнеторговых операций Российской Федерации. Это демонстрирует, что наряду с долгосрочной перспективой внедрения цифрового рубля сложилась эффективная альтернатива, позволяющая бизнесу решать проблемы международных расчетов здесь и сейчас.

Фиксация транзакций с цифровым рублем на платформе Банка России позволяет государству контролировать переводы внутри страны и проверять их на предмет законности. При этом информация о балансе цифровых кошельков защищена режимом банковской тайны аналогично традиционным счетам, что исключает тотальный контроль за законопослушными гражданами.

Интеграция цифрового рубля в финансовую систему России может привести к значительному сокращению теневой экономики и повышению прозрачности финансовых операций. Благодаря внедрению цифрового рубля государство получает возможность оперативно отслеживать движение средств, проверять расходы как организаций, так и граждан. Это, в свою очередь, ускоряет обработку финансовой информации и делает налоговый контроль более эффективным [4].

Не менее важна и технология смарт-контрактов. С её помощью можно заранее прописывать условия использования денег — например, выделенные на конкретный проект средства окажутся буквально заблокированы для любых других целей. Такой подход способен заметно снизить коррупционные риски и свести к минимуму нецелевое расходование бюджетных ресурсов [5].

Впрочем, не всё так гладко. Пока остаётся немало правовых неопределённостей — начиная с защиты прав пользователей и заканчивая тем, как именно будут регулироваться смарт-контракты и взаимодействие между разными участниками финансового рынка. Чтобы новая форма денег заработала в полную силу, предстоит серьёзно доработать нормативную базу и как следует протестировать все механизмы безопасности [4].

Подводя итог, можно сказать, что цифровой рубль — это стратегический инструмент обеспечения экономической безопасности, ориентированный прежде всего на внутренние расчёты. Его выход на международную арену возможен лишь в перспективе, через крупные интеграционные проекты. Но уже сейчас российский бизнес нашёл своё решение — платформа А7 и стейблкоин А7А5 обеспечивают значительную долю внешнеторговых опера-

ций. Вместе эти механизмы создают своего рода многослойную защиту финансового суверенитета страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Шевелев Г. И., Жаткин В. В.* Цифровой рубль как инструмент модернизации финансовой системы России // Современная научно-образовательная среда: междисциплинарный подход : сборник статей Международной научно-практической конференции. — Уфа, 2025. — С. 189—192.
2. *Сорокина Е. В.* О реализации проекта платежной системы БРИКС: проблемы правового регулирования // Юридическая наука. — 2025. — № 4. — С. 155—160.
3. Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». 2025.
4. *Макаров М. Ю., Бабчин Я. С., Касаев Н. Д.* Внедрение цифрового рубля как средства повышения прозрачности финансовых потоков // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31. № 11. — С. 1472—1482.
5. *Рожков Р. С., Прокофьев А. С., Исмаилова А. И., Абдувахидов Й. А.* Проблематика, тенденции и перспективы реализации проекта цифрового рубля в России // Общество и цивилизация. — 2025. — Т. 7. № 4. — С. 58—61.

РОЛЬ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В КООРДИНАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Соленцова Е. А., к. э. н., доцент

e-mail: solentsova2009@mail.ru

Самарский государственный экономический университет, г. Самара

В данной статье показано взаимодействие партийно-правительственных органов с научно-исследовательским сектором СССР в условиях «холодной войны». Выявлена тенденция к интеграции экспертных научных сообществ с бюрократическими институтами в исследуемый период. При этом, управленческая пирамида сохраняла все властные полномочия в руках руководителей партийно-государственных структур, а специалисты-эксперты в советской модели становились советниками без определенных рычагов влияния на принятие управленческих решений.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Советского Союза, советская наука, научные сообщества, номенклатура, холодная война, Совет министров СССР.

EXPORT AND IMPORT OF TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC TRANSFER (BASED ON MATERIALS OF SOVIET RESEARCH INSTITUTES)

E. A. Solentsova

Samara State University of Economics, Samara, Russia

This article examines the interaction between party and government bodies and the research sector in the USSR during the Cold War. It reveals a trend towards the integration of expert scientific communities with bureaucratic institutions during this period. However, the management pyramid retained all power in the hands of the leaders of party and government structures, while experts in the Soviet model became advisors without significant influence on decision-making.

Keywords: Communist Party of the Soviet Union, Soviet science, scientific communities, nomenclature, Cold War, Council of Ministers of the USSR.

Научно-исследовательский сектор СССР во второй половине XX в. развивался в новых, специфических условиях зарождавшейся новой научной парадигмы в мире и был ее неотъемлемой частью. При этом, сдерживающим фактором интеграции мировой и советской науки была «холодная война». В сложившихся обстоятельствах выстраивается форма взаимодействия науки и государства, при которой основные направления научных исследований координировались партийно-правительственными органами. Какие институцио-

нальные преобразования в научно-исследовательской сфере свидетельствуют о возрастании роли ЦК КПСС, СМ СССР, министерств и ведомств в координации сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (далее — НИОКР)? Какая роль отводилась ученым-экспертам в принятии решений в отношении выбора исследовательских направлений и в вопросах внедрения? В данной статье сделана попытка ответить на поставленные вопросы. Источниковой базой послужили опубликованные материалы и документы по исследуемой проблеме, а также неопубликованные документы, находящиеся на хранении в Российском государственном архиве в г. Самаре.

Отечественная наука в первые годы советской власти была достаточно самостоятельной, ученые занимались различными теоретическими и прикладными проблемами без прямого воздействия центральных органов власти. В частности, ученые Академии наук СССР, в составе специальных комиссий, изучали естественные производительные силы СССР, организовывали научные экспедиции. Инициатива самих ученых способствовала созданию ряда научно-исследовательских институтов. Так, в 1918 г. по инициативе профессоров Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина и П. П. Лазарева был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), с участием ученых МГУ был организован Институт чистых химических реактивов (ИРЕА) и начала работа над созданием общесоюзных стандартов на химические реактивы [1, с. 196]. Здесь важно отметить, что несмотря на достаточно высокую ведомственную разобщенность советской науки (административное подчинение науки в 1920-1930-е гг. крайне разнообразное), связующим звеном было централизованное государственное финансирование науки. Государство обеспечивало в 1930-е гг. реализацию государственных интересов, выступая в роли заказчика. Резкое увеличение количества научных организаций в 1930-е гг. свидетельствует о начале прямого воздействия на науку партийно-правительственных органов. Одним из первых шагов в этом направлении стало создание Комитета по химизации народного хозяйства СССР во главе с Я. Э. Рудзутаком, его заместителями стали В. В. Куйбышев, А. Н. Бах, Г. М. Кржижановский. Именно в 1933 г. Академия наук СССР была подчинена СНК СССР «для приближения к научному обслуживанию социалистического строительства». Начала проявляться тенденциозность в направлениях исследований, где партийно-правительственная верхушка начала напрямую влиять на принятие решений в научной сфере.

В данной статье фокус нашего внимания в значительной степени смещается на период «холодной войны», когда заметно возрастает роль партийно-правительственных органов при формировании научно-технической политики и координации научно-исследовательских работ (далее — НИР).

Реальным высшим органом управления не только КПСС, но и страной в СССР было Политбюро ЦК КПСС. К числу высших государственных чиновников относились: председатель СМ ССР, председатель Верховного Совета СССР, руководители (как партийные, так и государственные) крупнейших республик [2]. В целом, партийно-правительственная номенклатура в СССР представляла собой довольно сложную систему взаимодействия, в значительной степени определявшая общий курс социально-экономического развития страны.

Обратим внимание на состояние советской экономики в середине 1950-х гг., к началу развертывания научно-технической революции (отправной точкой послужил знаменитый Июльский пленум ЦК КПСС, на котором впервые Н. С. Хрущевым были поставлены вопросы в отношении преобразований научно-исследовательского сектора). Валовая продукция промышленности к 1955 г. в СССР в 3,2 раза превышала показатели 1940 г. Существенно возросли вложения в науку. Даже в годы Великой отечественной войны эти показатели ежегодно увеличивались. Темпы роста занятых в научно-исследовательском секторе увеличились с 1954 г. по 1962 г. в среднем 11,8% в год, при этом число исследователей увеличивалось на 25% в год. В последствии избыточность научных кадров скажется негативно в виде большого количества параллельных исследований, административных проволочек [3].

Таким образом, в 1950-1960-е гг. происходили крупные институциональные преобразования как в научно-исследовательском секторе, так и на управленческом уровне. Важнейшим структурным элементом, в котором сосредотачивались основная часть научного сообщества страны, были научно-исследовательские институты. В фокусе нашего внимания институты химического, физико-химического и энергетического профилей, представлявшие собой важнейшие для страны структурные элементы. Они осуществляли научное обоснование и проектное обеспечение технологической трансформации в середине XX в. [4]. Как показывает анализ документов, координация работы НИИ осуществлялась через отраслевые министерства (Комитеты с 1957 по 1964 г.) и Постановления ЦК КПСС.

В частности, предпринимались усилия и для стимулирования развития научно-исследовательской работы не только в НИИ, но и в вузах. 20 января 1964 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 163 «О дальнейшем развитии НИР в вузах», где отмечалось, что высшая школа, располагая высококвалифицированными кадрами научных работников, недостаточно активно участвовала в решении задач, стоящих перед народным хозяйством. В связи с чем, министерствам, ведомствам, академиям наук и другим государственным учреждениям разрешалось безвозмездно передавать высшим учебным заведениям необходимые для научной работы приборы, аппараты, другое оборудование и документацию. Для разработки актуальных тем в вузах предлагалось создавать проблемные и отраслевые научно-исследовательские лаборатории. Также профессорско-преподавательскому составу разрешили работать по совместительству в лабораториях предприятий, опытно-экспериментальных, проектно-конструкторских, научных организациях. В качестве наиболее важных направлений исследований и изобретательства выделялись химия, химическое машиностроение, приборостроение, радиоэлектроника, электронная техника и сельское хозяйство. В свою очередь, Министерство высшего и среднего специального образования СССР получило возможность вводить штатных совместителей в вузах из числа специалистов, крупных деятелей науки, техники и культуры [5].

Нужно также учитывать, что при непосредственной роли высших партийно-правительственных органов к 1966 г. в СССР стала формироваться единая система хранения и распространения научно-технической информации. С этой целью при Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике создавался Всесоюзный научно-технический информационный центр с общегосударственным фондом микрофотокопий отчетов о научно-исследовательских работах. Центр осуществлял государственную регистрацию и учет всех законченных и выполняемых в стране открытых научно-исследовательских работ и систематически издавал по ним сигнальную информацию. С 1 января 1967 г. для ускорения обработки информации все издаваемые по естественным и техническим наукам публикации обязательно должны были сопровождаться рефератами [6]. Предписывалось проводить активную пропаганду деятельности министерств, ведомств и других организаций в области изобретательства и лицензионной работы на ВДНХ, в печати, на радио, телевидении и кино [7]. Большое внимание уделялось учас-

тию в международных выставках достижений в области науки, техники и культуры. В 1958 г. СССР принял участие в работе Всемирной выставки в Брюсселе, где, в числе прочих экспонатов, был представлен макета завода синтетического каучука [8]. «Гипрокаучук» по итогам выставки был награжден дипломом [9]. Мероприятия по подготовке к выставке 1959 г. в Нью-Йорке включали составление сценария и заказ документального фильма о химическом производстве «Пластические массы» [10].

Государственный комитет нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности при Госплане СССР в приказе № 467-42 от 1 августа 1964 г. «Об улучшении отбора и показа изделий отечественной промышленности на советских выставках за границей и международных ярмарках и выставках» предписывалось «значительно усилить разделы нефтехимии, синтетического каучука, резиновых тех изделий, шин, синтетических жирозаменителей, биосинтеза и газоочистки и показать гигантскую работу, которую проводит СССР по химизации народного хозяйства» [11]. По плану на 1965 г. Советский Союз должен был принять участие в одиннадцати международных ярмарках, все они проходили в странах с социалистической или развивающейся экономикой (в Гане, ГДР, Ливии, Венгрии, Польше, Турции, Сирии, Греции, Чехословакии и Югославии). Также были запланированы три советских торгово-промышленных выставки: в Дании, Иране и Бирме [12].

Эти достижения признавались западными исследователями, более того, в США высказывались серьезные опасения по поводу влияния СССР на развивающиеся страны в сферах науки, техники и просвещения. Но, одновременно, указывалось на то, что превзойти уровень 1960-х гг., «с тем, чтобы иметь возможность конкурировать с развитыми западными странами и убедить слаборазвитый мир в преимуществе своей системы», социалистические государства смогут только перейдя «к новой, более гибкой и более эффективной системе», способной демонстрировать продуктивность использования социального капитала («оказывать влияние на людей») [13]. Как показал опыт реформирования в области науки, экономики при центральной и координирующей роли ЦК КПСС и СМ СССР, не удалось создать эффективную модель экономики.

В 1950-1960-е гг. сложились экономические отношения, базирующейся на научно-технических достижениях, структурно-институциональных изменениях, ориентации на повышение производительности труда, введении элементов экономического стимулирования

ния, значительной открытости и интегрированности в глобальную экономику при сохранении коммунистической идеологии, господства государственной собственности, партийно-бюрократического руководства и директивного планирования, относительно низкого уровня социальных затрат.

Отличительной особенностью данного периода было развитие множества экспертных сетей (в частности, научного сообщества), которые обладали знаниями и опытом. Происходила интеграция экспертных сетей и бюрократических институтов. Но управленческая пирамида сохраняла все властные полномочия в руках руководителей партийно-государственных структур, а специалисты-эксперты в советской модели становились советниками без определенных рычагов влияния на принятие управленческих решений. Это приводило к снижению эффективности системы, во-первых, из-за удлинения цепочек согласования, а во-вторых, из-за недостаточной квалификации высшей партийно-государственной бюрократии. Ю. П. Бокарев в своем исследовании привел данные о уровне образования партийно-правительственных чиновников не в пользу указанных лидеров [14].

Авторитарное (централизованное) управление, сложившееся в СССР, базировалась на необходимости согласования, действий по предписаниям, а не в сфере своей компетенции с оценкой деятельности по факту. Недоверие к контролю со стороны профессионального сообщества в ряде случаев лишало возможности принятия оптимальных решений. Поощрение новых идей только при условии, что они одобрены партийно-правительственной элитой («отсутствие вознаграждения за риск») [15].

Здесь важно отметить еще один немаловажную институциональную базу в СССР — это планирование (плановая экономика). Она, безусловно, имела свои преимущества. Среди них, возможность контролировать ресурсы на наиболее важных направлениях и перераспределять их. Так, серьезные инвестиции в нефтехимию и нефтепереработку в 1960-е гг. осуществлялись при непосредственном лоббировании данного сектора Н. К. Байбаковым, на тот момент он занимал пост председателя Госплана СССР. Создание высокотехнологичного производства в данной отрасли способствовало формированию экспортноориентированной нефтяной, нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей. Именно на этом фундаменте, как отмечает Н. Митрохин, стала возможной реализация долгосрочных стратегий в оборонной и энергетической промышлен-

ности, гражданском машиностроении (например, строительство заводов ВАЗ и КамАЗ) [16, с. 48–49].

Среди недостатков, как нам представляется, можно выделить следующие: бюрократическая волокита, подавление инициативы, непроизводительные затраты. При господстве директивной системы управления, государственного финансирования и отсутствия реальной конкуренции большое значение приобретала межведомственная борьба за ресурсы и влияние. Критика Н. С. Хрущевым «рвачества» — финансирование мог получить не тот, у кого был потенциал для его использования, а тот, кто «сумел выбить». Сохранение идеологического контроля со стороны партийно-правительственных органов ограничивало внедрение научно-технических разработок, что в позднесоветский период проявилось в виде системного кризиса научно-исследовательского сектора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. кол. Л. И. Абалкин. — Москва : ИНФРА-М, 2009. — 496 с.
2. *Спицын Е. Ю.* Политбюро и Секретариат ЦК в 1945-1985 гг.: люди и власть. — Москва : Концептуал, 2022. — 704 с.
3. «Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950-1960-е гг. : монография / С. Ю. Заводюк, С. В. Занин, Е. И. Золотухин, Е. Б. Калашникова, А. А. Капитонов, О. Е. Солдатова, Е. А. Солнцева, Е. И. Сумбунова, Н. Ф. Тагирова ; отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Солнцева. — Самара : ИП Малянов Семен Константинович, 2022. — 264 с.
4. *Лельчук В. С.* Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. — Москва : Наука, 1987. — С. 17.
5. Российский государственный архив в г. Самаре (далее — РГА в г. Самаре). Ф. Р-545. Оп. 1-6. Д. 41. Л. 33.
6. Об общегосударственной системе научно-технической информации Постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1966 г. № 916 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21424#UWQ0ZwSB3vpFji3M> (дата обращения: 16.12.2025).
7. РГА в г. Самаре. Ф. Р-545. Оп. 1-6. Д. 41. Л. 96.
8. РГА в г. Самаре. Ф. Р-148. Оп. 1-6. Д. 95. Л. 43-44.
9. РГА в г. Самаре. Ф. Р-148. Оп. 4-6. Д. 309. Л. 7.
10. РГА в г. Самаре. Ф. Р-148. Оп. 1-6. Д. 95. Л. 44.
11. РГА в г. Самаре. Ф. Р-148. Оп. 1-6. Д. 117. Л. 70
12. РГА в г. Самаре. Ф. Р-148. Оп. 1-6. Д. 117. Л. 73.

13. *Ноув А.* Экономическая стратегия коммунизма. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. — С. 54.

14. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-1980-е годы / Ю. П. Бокарев ; Ин-т российской истории РАН. — Москва : Наука, 2007. — С. 122–125.

15. *Ноув А.* Экономическая стратегия коммунизма. Рост и возможности советского союза. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. — С. 53.

16. *Митрохин Н.* Очерки советской экономической политики в 1965-1989 гг. Т. 1 / Николай Митрохин. М. : Новое литературное обозрение, 2023. — 504 с.

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ Л.И. БРЕЖНЕВА: ЗАСТОЙ ИЛИ СТАБИЛЬНОСТЬ

Тащян Ч. А., студентка

cinartasan1@gmail.com

Научный руководитель — к. э. н., доцент **Е. А. Солнцева**

solentsova2009@mail.ru

Самарский государственный экономический университет, Самара

В статье проведен комплексный анализ особенностей советской экономической политики в период руководства Л. И. Брежнева (1964-1982гг.). Рассматриваются достижения и внутренние проблемы развития экономики, а также оценивается противоречивость эпохи, которая одновременно характеризуется как период стабильности и как эпоха застоя. На основе статистических данных и исторических источников делается вывод о системных недостатках, оказавших влияние на дальнейшее развитие СССР. Важность исследования обусловлена необходимостью понимания причин экономического кризиса, предшествовавшего распаду СССР, а также уроками для современной плановой экономики

Ключевые слова: советская экономика, эпоха Брежнева, косыгинская реформа, экономический застой, плановая экономика, топливно-энергетический комплекс, товарный дефицит.

FEATURES OF THE SOVIET ECONOMIC POLICY IN THE ERA OF L.I. BREZHNEV: STAGNATION OR STABILITY

C. A. Tashyan

Samara State University of Economics, Samara, Russia

The article provides a comprehensive analysis of the peculiarities of Soviet economic policy during the leadership of L.I. Brezhnev (1964-1982). Achievements and internal problems of economic development are considered, as well as an

assessment of the contradictory nature of the era, which is characterized simultaneously as a period of stability and as an era of stagnation. Based on statistical data and historical sources, conclusions are drawn regarding systemic shortcomings that influenced the further development of the USSR. The importance of this research is driven by the need to understand the causes of the economic crisis that preceded the collapse of the USSR, as well as lessons for modern planned economies.

Keywords: Soviet economy, Brezhnev era, Kosygin reform, economic stagnation, planned economy, fuel and energy complex, commodity shortage.

Период руководства Л. И. Брежнева (1964-1982 гг.) в истории СССР традиционно воспринимается как противоречивый: с одной стороны, он связан с социальной стабильностью и ростом экономики, с другой — с накоплением кризисных явлений, получивших название «застой». Этот термин отражает устойчивое, но стагнирующее развитие, что является важным аспектом анализа эпохи. После отставки Н. С. Хрущева в 1964 г. пост руководителя занял его бывший коллега Л. И. Брежнев, что зачастую связывается с началом «эпохи застоя». Однако, более глубокий анализ показывает, что системные проблемы начали формироваться еще в конце 1950-х гг.

Целью данного исследования является комплексный анализ советской экономической политики в период руководства Л. И. Брежнева для обоснования двойственного характера эпохи, сочетавшей достижения промышленного роста и социальной стабильности с нарастанием системных кризисных явлений, а также определение предпосылок перехода от относительного благополучия к фазе экономического застоя.

Задачи — анализ содержания и результатов реформ А. Н. Косыгина и выявление объективных и субъективных причин перехода советской экономики в фазу «застоя».

Анализ статистических показателей свидетельствует о том, что кризисные тенденции начали проявляться задолго до руководства Брежнева — еще во второй половине 1950-х гг. Это свидетельство внутренней нестабильности, которая усугублялась структурными недостатками системы. Анализ актуальности темы показывает важность объективного изучения этого периода для понимания причин последующего распада СССР и уроков, касающихся плановой экономики. Это помогает сформировать современное понимание эффективности и ограничений централизованного планирования [1]. На фоне замедления темпов роста новое руководство страны в середине 1960-х гг. предприняло попытку масштабных преобразова-

ний, вошедших в историю как «косыгинские реформы». Главным инициатором и идеологом изменений стал новый Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, чьи расчеты изначально были весьма оптимистичными [2].

Ключевые меры реформ включали ликвидацию совнархозов и возвращение отраслевого управления, сокращение директивных плановых показателей, расширение автономии предприятий по корректировке планов и распоряжению прибылью, а также внедрение фондов материального стимулирования работников. Это стало попыткой повысить мотивацию трудящихся и повысить производительность труда. Также в сельском хозяйстве были реализованы меры по повышению закупочных цен, введению надбавок за сверхплановую продукцию и замене трудодней денежной оплатой. Эти меры должны были стимулировать рост производства и повысить уровень доходов колхозников [3].

В период восьмой пятилетки (1966-1970 гг. отмечается значительный рост промышленного производства в 1,5 раза, что способствовало достижению высоких темпов экономического развития, достигавших 7,5% в г. Этот период считается «золотым» для советской промышленности и свидетельством эффективности реформ [4,5]. В 1970-х гг. развитие экономики стало активнее за счет освоения нефтегазовых ресурсов Западной Сибири, что позволило СССР стать крупным экспортером энергии и получить значительные доходы после нефтяного кризиса 1973 г. Это значительно повлияло на внешнеэкономическую стабильность страны. Массовое жилищное строительство, повышение социальных выплат и улучшение социальных гарантий также характеризовали этот период. Эти меры способствовали укреплению социальной базы режима [5]. Несмотря на внешнюю стабильность, эффективность экономики начала снижаться еще до эпохи Брежнева, что проявлялось в низком росте производительности и низком качестве продукции. Эти системные недостатки стали предвестниками дальнейших кризисных процессов. Многие предприятия работали в убыток, что скрывалось партийными органами, что свидетельствует о внутренней дисфункции системы. Это указывает на глубинные проблемы управляемости и прозрачности. К 1970-м гг. показатели роста экономики замедлились: среднегодовой прирост ВВП снизился с 7,8% в восьмой пятилетке до 3,6% в одиннадцатой. Эти данные отражают постепенное угасание экономического потенциала.

Период руководства Л. И. Брежнева страной, некоторые политики, историки и экономисты традиционно называли эпохой «застоя и стагнации». Однако это определение не полностью отражает всю картину развития советской экономики и общества в этот период. В частности, в конце правления Брежнева, особенно во время болезни лидера, действительно наблюдались признаки экономического замедления и внутреннего кризиса. Этот период характеризовался не только внутренними проблемами, но и внешними вызовами, что усложняло ситуацию. Однако, если рассматривать эпоху в целом, то стоит отметить, что СССР за эти годы создал мощный промышленный потенциал, который не был полностью разрушен и оставался значительным фактором международной экономики.

Доказательством служат статические данные. К началу перестройки 1980-х гг. Советский Союз достиг впечатляющих результатов в промышленном развитии. За 18 лет — с 1970 по 1988 гг. — промышленное производство в СССР увеличилось в 2,38 раза. Для сравнения, развитые страны Европы за тот же период показали меньшие показатели: в Англии — всего в 1,32 раза, во Франции — в 1,48 раза, а в ФРГ — в 1,33 раза. Даже США, несмотря на свою экономическую мощь, увеличили промышленное производство всего в 1,68 раза [5]. Таким образом, ярлык «застой» для советской экономики является в определенной степени несправедливым, поскольку по основным экономическим показателям она превосходила не только страны Западной Европы, но и США. Это свидетельствует о высокой степени эффективности промышленного комплекса и его способности сохранять динамику развития. Объем внутреннего валового продукта (ВВП) в СССР в период с 1960 по 1988 гг. вырос почти в 5 раз. Темпы роста обеспечивали стабильное увеличение производства: по сравнению с 1960 г., в 1970 г. ВВП вырос в 2,1 раза, в 1980 г. — в 3,5 раза, а к 1988 г. — в 4,7 раза. Эти показатели демонстрируют, что экономический рост продолжался во всей этой эпохе, и если бы реформаторы не столкнулись с серьезными внутренними проблемами в конце, показатели могли быть еще выше. Это указывает на потенциал советской экономики и её способность к устойчивому развитию, несмотря на внутренние сложности.

Некоторые исследователи выделяют среди причин «застоя» не только внутренние экономические проблемы и неэффективное управление. По мнению Е. Т. Гайдара, в брежневский период остро проявились долгосрочные последствия индустриализации по социалистическому образцу, в том числе чрезмерная концентрация ре-

сурсов в тяжелой промышленности и военно-промышленном комплексе, что создало дисбаланс в структуре экономики. Это обусловило слабую адаптацию к новым технологическим вызовам и снизило общую эффективность системы. Также он отмечает, что резкое увеличение запасов нефти и газа в Западной Сибири и рост мировых цен на энергоносители только отсрочили кризис, а не устранили его. Этот фактор сыграл роль временной поддержки, но не решал структурных проблем [6].

В. А. Мау отмечает, что на сознание советских экономистов оказало влияние представление о возможности либерализации экономики без изменения собственности. Однако, по мнению В. А. Мау, попытки провести либерализацию без перехода к рыночной собственности оказались неэффективными и привели к обострению кризиса. Согласно его мнению, «застой» — это результат неспособности системы реагировать на новые вызовы и адаптироваться к условиям научно-технической революции. Это показывает, что консерватизм элит и страх перед реформами сыграли ключевую роль в стагнации [7].

После резкого повышения цен на нефть в 1970-х гг. в СССР буквально хлынул поток нефтедолларов. Доходы от реализации нефти и нефтепродуктов за период с 1974 по 1984 гг. по самым скромным подсчетам составили 176 млрд. инвалютных рублей. Но затратный механизм советской экономики «перемалывал получаемые средства с неукротимой силой, канализируя их в осуществлении очередных бесперспективных и экологически губительных [8].

Например, О. Н. Смолин, определяя «застой» как «общественное явление», выделял несколько его предпосылок. Во-первых, это окончание предшествующей эпохи в развитии страны, содержанием которой были революции, войны и радикальные постреволюционные преобразования. Во-вторых, замедление темпов экономического развития и одновременное нарастание технологического отставания от наиболее передовых стран. О. Н. Смолин подчеркивает некоторые «видовые» особенности «застоя». К этим особенностям социальную стабильность и связанный с нею достаточно высокий уровень качества жизни, в сравнении с постсоветской Россией [9]. Он отмечает, что есть еще одна особенность — «социальное равенство, формировавшее «антистимулы» к труду. Расширение политической свободы, переход от тоталитарного политического режима к авторитарному. Однако это расширение было относительным, о нем можно говорить только по отношению периоду сталинского правле-

ния. Ю. В. Аксютин, напротив, считает, что в этот период происходило «откатывание» назад по сравнению с предыдущими достижениями Хрущева, характеризуя эпоху как период регресса в политической и моральной сферах — «застой» на его взгляд — это не просто стагнация, а системное отступление. Это подчеркивает, что социальные и политические аспекты также были важной частью проблемы [10].

Обобщая различные подходы, можно сказать, что снижение темпов роста в СССР было связано с насыщением экономики важнейшими видами продукции, особенно тяжелой промышленностью и ВПК, при этом доля товаров народного потребления оставалась низкой. Экономика оставалась в индустриальной стадии, а развитие по модели научно-индустриальной революции требовало изменений, которые система не могла реализовать из-за своей централизованной организации. Это привело к тому, что развитие за счет количественных показателей исчерпало свои возможности [11]. К тому же, внутри предприятий происходили изменения: ухудшалась трудовая дисциплина, росла апатия, появлялись воровство и безразличие к труду, а идеи социалистической мотивации слабели, что негативно сказывалось на производительности. Это свидетельство внутренней деградации системы мотивации и эффективности труда. Также отмечается, что политическая жизнь стала более застойной — личная власть Брежнева укрепилась, а кадровая политика привела к консервации управленческих структур, что снизило гибкость системы. Это затрудняло проведение реформ и ускорение развития.

Аргументы в пользу оценки эпохи как «застоя» включают рост разрыва между пропагандой и реальностью, угасание мотивации к труду, старение руководящих кадров и обострение социальных проблем — алкоголизм, снижение рождаемости, рост разводов. Эти факторы негативно влияли на социальную стабильность и долгосрочную перспективу развития страны. Термин «застой» впервые был использован Михаилом Горбачёвым в 1986 году, который отметил «застойные явления» в экономике и обществе. Анализ эпохи Брежнева показывает, что вначале были проведены реформы, дающие краткосрочный эффект и обеспечивавшие высокие темпы роста. Однако к 1970-м гг. накопились системные проблемы: технологическое отставание, зависимость от сырьевого экспорта, неэффективность плановой системы и товарный дефицит. Социальная стабильность достигалась за счет экстенсивного развития и нефтя-

ных доходов, что маскировало внутренние противоречия. В результате, эти противоречия создали предпосылки для экономического кризиса и необходимости реформ. Этот анализ подчеркивает, что стабильность достигалась за счет использования ресурсов и структурных преимуществ, а не за счет инновационной динамики [12].

Таким образом, эпоха Брежнева действительно была периодом относительной стабильности, но одновременно и временем нарастающего застоя, который проявлялся в замедлении темпов роста, технологическом отставании и снижении эффективности экономики. Этот период стал важным уроком для понимания ограничений плановой системы и необходимости структурных преобразований. Оценивая роль Советского Союза в мировой социалистической системе и влияние брежневского периода на глобальное соотношение сил между социалистическим и капиталистическим блоками, следует признать, что данная эпоха носила двойственный и в конечном счёте деструктивный для социализма характер. С одной стороны, именно при Брежневе СССР достиг военно-стратегического паритета с США, что создало внешнюю видимость равновесия и позволило советскому руководству говорить о высшей точке могущества социалистической системы. С другой стороны, именно в эти годы происходило скрытое, но неуклонное изменение соотношения сил в пользу капиталистического мира, поскольку экономика СССР вступила в фазу застоя, оказавшись неспособной к восприятию достижений научно-технической революции, тогда как западные страны перешли к постиндустриальной модели развития, основанной на микроэлектронике, информационных технологиях и гибких рыночных механизмах. Более того, брежневская доктрина «ограниченного суверенитета» и подавление реформаторских движений в странах Восточной Европы привели к тому, что социалистическая система утратила внутреннюю динамику и идеологическую привлекательность, превратившись из альтернативной модели развития в консервативную и милитаризованную структуру, существовавшую преимущественно за счёт сырьевого экспорта и военной силы. Следовательно, оценивая, насколько брежневская эпоха «подточила» соотношение сил между блоками, необходимо заключить, что при формальном сохранении равновесия произошло фундаментальное и необратимое ослабление экономических, технологических и институциональных оснований социалистической модели, что изменило глобальный баланс не в виде резкого сдвига, а в форме накопления системных диспропорций, которые к началу 1980-х гг. сделали капиталистический блок

безусловным лидером в сфере технологий, производительности труда и качества жизни, предопределив тем самым последующий кризис и распад всей социалистической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Шмелёв Н. П., Попов В. В.* На переломе: экономическая перестройка в СССР. — Москва : Прогресс, 1989.
2. *Косыгин А. Н.* Экономическая реформа 1965 года: замысел и реализация. — Москва : Экономика, 1985.
3. *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР. — Москва : Вече, 2003. — 461 с.
4. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. — Новосибирск : НГТУ, 2008.
5. Народное хозяйство СССР в 1980 году: статистический ежегодник. — Москва : Финансы и статистика, 1981.
6. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи: уроки для современной России. — Москва : РОССПЭН, 2006
7. *Мау В. А.* Экономика застоя: путь в никуда // Полит.ру. — 2007. — 8 июля. URL: <https://polit.ru/article/2007/07/08/mau/>
8. *Клешов С. В., Волобуев О. В. и др.* Наше Отечество (опыт политической истории. Часть II). — Москва : Терра, 1991. — 624 с.
9. *Смолин О. Н.* «Застой» как общественное явление: три источника, три противоречия и четыре составных части // СССР. «Застой» : материалы конференции 5-6 ноября 2008 г. / под общ. ред. Р. Круммы и Л. Булавки. — Москва : Культурная революция, 2009. — С. 33–48.
10. *Л. И. Брежнев:* Материалы к биографии / сост. и автор предисловия Ю. В. Аксютин. — Москва : Политиздат, 1991. — 384 с.
10. *Козлов В. А.* Крамола инакомыслия в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953-1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 101–114.
11. История советской экономики / под ред. И. И. Орлова. — Москва : Наука, 2001.

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В ИСТОРИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ XX ВЕКА

Фирсов А. М., студент

email: l.a.m.f@yandex.ru

Научный руководитель — **Салихова О. В.**, к. и. н., доцент

*Филиал федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования*

*«Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина»
в г. Оренбурге, г. Оренбург*

В статье рассматривается санкционная политика стран Запада по отношению к нефтегазовой отрасли РСФСР в двадцатые и семидесятые годы XX века. В статье выявлены причины санкционной политики; изучены методы санкционной политики и способы преодоления экономических ограничений; проведён анализ эффективности методов по преодолению санкционной политики.

Ключевые слова: санкционная политика, преодоление экономических ограничений, нефтегазовая отрасль.

SANCTIONS AGAINST RUSSIA IN THE HISTORY OF THE XX CENTURY OIL AND GAS INDUSTRY

A. Firsov

*Branch of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National University) in Orenburg, Orenburg*

The article examines the sanctions policy of Western countries towards the oil and gas industry of the RSFSR in the 1920s and 1970s. The article identifies the causes of the sanctions policy, examines the methods of the sanctions policy and ways to overcome economic restrictions, and analyzes the effectiveness of methods to overcome the sanctions policy.

Keywords: sanctions policy, overcoming economic restrictions, oil and gas industry.

Актуальность темы заключается в том, что с 2014 года по настоящее время против Российской Федерации регулярно вводятся пакеты экономических санкций. В 2022 году Россия стала абсолютным рекордсменом по количеству введённых против неё экономических ограничений. В связи с этим имеет смысл обратиться к историческому опыту и проанализировать санкционную политику в отношении России и методы преодоления данных экономических ограничений.

В связи с этим целью исследования является изучение на примере опыта РСФСР санкционной политики по отношению к ней в двадцатые и семидесятые годы XX века.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи: выявление причин санкционной политики; изучение методов санкционной политики; изучение способов, которые применялись для преодоления экономических ограничений; анализ эффективности методов по преодолению санкционной политики.

В 1920 году новообразованное советское государство не было признано ни одной из крупных мировых держав. Советская экономика нуждалась в восстановлении после Гражданской войны. На предприятиях, национализированных в 1918 году, необходимо было вновь организовывать работу. В ноябре 1920 года СНК РСФСР утвердил «Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий», по которому иностранным компаниям предоставлялось право заключать соглашения об использовании государственных предприятий на территории СССР [1, с. 694—695].

После подписания декрета начались переговоры с английскими нефтяными группами о сдаче им в концессии нефтяных промыслов на Кавказе. Однако бывшие акционеры национализированных предприятий обвинили Советскую власть в нарушении прав собственников и потребовали выплаты компенсации. При этом между крупными западными нефтяными компаниями были разногласия по вопросу экономических отношений с Советской Россией, которые наиболее ярко выразились в 1922 году на Гаагской конференции.

Введение экономических ограничений против поставок советской нефти

20 июля 1922 года при подведении итогов Гаагской конференции делегат Бельгии Каттье внёс следующую резолюцию:

«Конференция обращает внимание всех представленных здесь правительств на желательность того, чтобы все правительства не поддерживали своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 7 ноября 1917 г., без согласия их иностранных владельцев» [4].

Причина вводимых ограничений была в том, что советская нефть составляла серьёзную конкуренцию «*Royal Dutch Shell*» на ближневосточных рынках, и руководство компании, торговавшей с РСФСР с 1918 года, перешло к организации бойкота советских

нефтепродуктов. Поддерживала бойкот также коммерческая группа «*Standard Oil of New Jersey*», заинтересованная в уничтожении конкуренции «Нефтесиндиката» на европейских рынках.

При этом американские компании «*Vacuum Oil*» и «*Standard Oil of New York*» были заинтересованы в выгодной производственной базе в виде концессий в СССР для снабжения дальневосточных рынков. [3] Таким образом, было нарушено единство действий мировых трестов по отношению к советской нефти.

19 сентября 1922 года в Париже была создана Международная группа нефтяных компаний, в которую входили «*Standard Oil of New Jersey*», «*Royal Dutch/Shell*» и бывшее руководство компании «*Branobel*», заключившие «Договор о блокаде русской нефти» [2]. Советским нефтепродуктам был объявлен бойкот на мировом рынке.

Методы руководства РСФСР по преодолению экономических ограничений в 1920-1930-ых годах

1) **Восстановление нефтяного хозяйства.** Руководства западных нефтяных монополий наделись на то, что бойкот советских нефтепродуктов и тяжёлое экономическое положение в СССР в 1920-ых годах приведёт к серьёзным проблемам в советской нефтегазовой отрасли. Однако в годы НЭПа советская нефтяная отрасль начала быстро развиваться: несмотря на политическую и экономическую изоляцию СССР были восстановлены предприятия, разрушенные в годы Гражданской войны, внедрялись новые технологии разработки месторождений и переработки нефти, к 1928 году были превышены дореволюционные показатели по добыче. Советская промышленность справилась с восстановлением нефтяного хозяйства и при посредничестве независимых фирм составила конкуренцию компаниям-монополистам.

2) **Переговоры с западными компаниями.** На самом деле бойкот советской нефти был не выгоден западным компаниям, и они, как и в наши дни, искали пути поставок нефтепродуктов из СССР. Например, в июле 1927 «*Standard Oil of New York*» заключил комиссионный договор о продаже советского мазута на ближневосточных рынках. Глава «*Shell*» Генри Детердинг выступил с протестом против покупки нефтепродуктов, произведённых в СССР, однако ему напомнили, что «*Shell*» в 1923 году закупило через специально созданную дилерскую сеть 70 тысяч тонн советского керосина [3].

3) **Поиск новых партнёров на мировой арене.** Советское руководство помимо восстановления и развития собственных нефтепро-

мыслов продолжало поиски государств, готовых открыть концессии в СССР: в феврале 1925 года был заключён Пекинский договор, по которому устанавливались дипломатические отношения между СССР и Японией. В декабре 1925 года были подписаны договоры, по которым японская сторона получила право на разработку месторождений в северной части острова Сахалин. Объём нефти, добытой японскими компаниями на Сахалине, был крайне незначителен (ежегодно там добывалось около 0,5% от общего потребления Японии), однако открытие японских нефтедобывающих концессий в СССР сыграло важную роль в преодолении дипломатической и экономической изоляции Советского государства.

Проблема экономических ограничений против советской нефтегазовой отрасли была актуальна и во времена Холодной войны. Например, санкции затронули сделку по принципу «газ в обмен на трубы», заключённую в 1970 году между СССР и странами Западной Европы. Данное соглашение обеспечило для СССР строительство газопроводов «Союз» и «Уренгой — Помары — Ужгород» [5], а экономика западноевропейских стран активно развивалась за счёт дешёвых советских энергетических ресурсов. По этой причине санкции, наложенные на СССР в 1979-1980 годах из-за ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, практически не затронули нефтегазовую сферу.

После прихода к власти Рональда Рейгана в 1981 году, США начали активно использовать данную ситуацию в борьбе против СССР. Новое правительство США развернуло политику активного противодействия странам социалистического блока, которое затронуло, в том числе и энергетическую сферу. В первую очередь администрация Рейгана обратила внимание на сделку «газ-трубы» между Советским Союзом и европейскими странами.

Поводом для введения экономических санкций против СССР стало введение военного положения в Польше в 1981 году [5]. Американским компаниям было запрещено поставлять технологии и оборудование Советскому Союзу; ограничения коснулись также и европейских компаний, производивших оборудование по американским лицензиям.

ФРГ, Франция, Великобритания, не желавшие повторения энергетического кризиса 1973 года, не поддержали решение Рейгана и настаивали на продолжении сотрудничества производителей нефтегазового оборудования с Советским Союзом. Американские дипломаты на переговорах с европейскими политиками заявляли, что

сделка с СССР подрывает безопасность стран НАТО. По словам главы немецкой торговой группы «*Otto Wolff AG*» Отто фон Амеронгена на переговорах утверждалось, что «в случае военных действий трубопроводы из СССР на Запад могли бы обеспечить снабжение советской армии горючим» [6].

Методы руководства СССР по преодолению экономических ограничений в 1980-ых годах

1) **Переговоры со странами Запада.** Представителям США так и не удалось повлиять на решение правительств стран Западной Европы. После долгих переговоров в конце 1982 года Рейган отменил запрет для европейских и американских компаний [5]. Таким образом, единогласное решение капиталистических стран по экономическим санкциям против СССР не было достигнуто.

2) **Импортозамещение.** В Советском Союзе также предпринимались попытки решить проблему экономических санкций импортозамещением: советской промышленности удалось наладить на «Челябинском трубопрокатном заводе» выпуск двухшовных труб большого диаметра, однако они не всегда удовлетворяли требованиям безопасности [7]. В СССР основные ресурсы находились в распоряжении оборонных предприятий и трубопрокатные заводы испытывали дефицит листового металла нужной ширины. По этим причинам полностью отказаться от европейского оборудования советская нефтегазовая отрасль к началу 1980-ых годов не смогла. Производство одношовных труб большого диаметра (до 1420 мм) начнётся в Российской Федерации только в 2010 году.

Последствия принятых советским руководством решений для экономики СССР

Так как доходы от продажи продукции нефтегазовой отрасли были основным источником иностранной валюты для СССР, а нефтегазовая промышленность не могла действовать без импортного оборудования. Советская экономика попадала всё в большую зависимость от цен на нефть на мировом рынке, что сказалось на ней в конце 1980-ых годов при резком падении цены на нефть на мировом рынке.

Сравнение политики Советского государства в условиях экономических ограничений 1920-ых и 1980-ых годов

В 1920-ых годах нефтяная отрасль Советского государства столкнулась с экономическими ограничениями, инициированными западными нефтяными трестами. Однако Советская власть применила

ряд эффективных методов по преодолению ограничений, таких как:

- ♦ быстрое восстановление и развитие нефтяной отрасли в годы НЭПа;

- ♦ переговоры с западными компаниями; использование дилерских сетей для реализации продукции советской нефтяной промышленности на западных рынках;

- ♦ дипломатические усилия СССР, направленные на поиск новых партнёров на мировой арене: заключение договоров с Японией, открытие японских нефтяных концессий на Дальнем Востоке.

В 1980-ых года СССР столкнулся с санкциями, инициированными геополитическим противником Советского Союза — США. СССР дипломатическим путём смог добиться отмены ограничений, однако руководству СССР так и не удалось освободиться от зависимости от импортного оборудования, и Советский Союз утратил экономический суверенитет.

Таким образом, в XX веке СССР не раз сталкивался с давлением со стороны стран Запада; советской экономике и, в частности, нефтегазовой отрасли, приходилось действовать в условиях многочисленных экономических ограничений, инициаторами которых были как западные нефтяные тресты, боровшиеся с конкуренцией, так и геополитические оппоненты Советского Союза. Эффективными мерами по преодолению данных ограничений оказались поиск новых партнёров на мировой арене, готовых к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, налаживание сотрудничества с западными компаниями в обход наложенных ограничений, а также действия, направленные на установление экономического суверенитета страны, независимости советской нефтегазовой отрасли от импортных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. // Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва : Б. и., 1943. — 818 с.

2. Красная нефть — экспорт советской нефти [Электронный ресурс]: gidjob.ru. URL: <https://gidjob.ru/news/krasnaya-neft-ehksport-sovetskojj-nefti>

3. *Легат В. И.* Нефть. [Все о добыче, переработке, потреблении и мировой торговле нефтью и нефтепродуктами до 1930 г. и их технологических свойствах] // Энциклопедия советского экспорта. Том II. — Москва : ОГИЗ РСФСР, 1932. — С. 1—158.

4. История дипломатии под редакцией В. П. Потемкина [Электронный ресурс]: dipistoriya.ru. URL: http://dipistoriya.ru/sriv_gaagskoy_konferencii-a559.php

5. *Боровский Ю. В.* Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — 3(66). — С. 42–60.

6. Труба в бесконечность. Хроника самой большой сделки в российско-германской истории [Электронный ресурс]: Время новостей: № 169, 17 ноября 2000. URL: <http://www.vremya.ru/print/3739.html>

7. *Тазетдинов В. И.* История развития производства труб большого диаметра: от газопроводов «Средняя Азия – Центр» до «Белой металлургии» [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-proizvodstva-trub-bolshogo-diametra-ot-gazoprovodov-srednyaya-aziya-tsentr-do-beloy-metallurgii>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Хижняк В. С., д. ю. н.,

профессор, главный научный сотрудник СФ ИГП РАН

Veronika_h@mail.ru

Саратовский филиал Института государства и права РАН, г. Саратов

Статья посвящена анализу конституционно-правового механизма взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти, входящих в единую систему органов публичной власти в Российской Федерации в процессе формирования внешней политики. Автор проводит как анализ конституционных полномочий данных органов, так и практику их реализации, выявляет проблемы функционирования указанного механизма и способы его совершенствования.

Ключевые слова: система органов публичной власти РФ, внешняя политика, законотворческий процесс, конституционное право России.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN LEGISLATIVE AND EXECUTIVE BODIES IN THE PROCESS OF FOREIGN POLICY FORMATION

V. S. Khizhnyak

*Saratov Branch of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Saratov*

This article analyzes the constitutional and legal mechanism for interaction between legislative and executive bodies within the unified system of public authorities in the Russian Federation during the formation of foreign policy.

The author analyzes both the constitutional powers of these bodies and the practice of their implementation, identifies problems with the functioning of this mechanism and ways to improve it.

Keywords: public authority system of the Russian Federation, foreign policy, lawmaking process, constitutional law of Russia.

В условиях современных геополитических вызовов и угроз нестабильности международных отношений возрастает роль внешней политики государства, значение деятельности органов публичной власти по ее формированию. В свете поправок к Конституции Российской Федерации, согласно которым органы разных ветвей власти были объединены в единую систему органов публичной власти, важным вопросом становится обеспечение их взаимодействие для решения различных вопросов государственного управления. Формирование внешней политики, то есть единого курса государства в международных отношениях, становится одним из наиболее значимых вопросов, в отношении которого осуществляется подобное взаимодействие.

Следует подчеркнуть, что в действующей редакции Конституции Российской Федерации к полномочиям Президента Российской Федерации было отнесено обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в нашей стране [1]. Подобное функционирование предполагает, что деятельность, осуществляемая данными органами как отдельно, так и совместно должна быть основана на единых конституционных принципах, а также одобрение деятельности нижестоящих органов вышестоящими. Также следует согласиться с мнением, что «в основе правового взаимодействия органов публичной власти во внешнеполитической сфере лежат два основополагающих, взаимосвязанных принципа: принцип единства публичной власти и принцип единства внешней политики» [2, с. 37].

Как известно, внешняя политика всегда является продолжением внутренней политики государства. Наибольшее значение для формирования и той, и другой имеет деятельность органов законодательной власти и органов исполнительной власти. В этом процессе также должен соблюдаться принцип функционирования и взаимодействия рассматриваемых органов. Так же можно отметить, что через реализацию внешней политики осуществляется функция государства по обеспечению национальной безопасности, что по мнению М. Т. Аширбековой и В. В. Семеновой, является «генеральной

функцией государства [3, с. 164]. Реализация внешней политики России в современных условиях значительно осложнена, что касается даже возможности применения ею инструментов «мягкой силы». Е. В. Виноградова справедливо отмечает, что «антироссийские меры, которые начали вводиться в последнее десятилетие, стали жесткими и агрессивными. Россия была исключена из всех спортивных международных организаций, в сфере культуры отменялись гастроли российских дирижеров, музыкантов, артистов [4, с. 167].

Первые через осуществление законотворческой деятельности облачают правовую политику государства по любому вопросу в четкую форму. Кроме того, именно Государственной Думе принадлежит право ратификации международных соглашений Российской Федерации, путем которой данный орган от имени государства выражает согласие на выполнение определенных обязательств в международных отношениях. Этот же орган осуществляет и денонсацию международных договоров, посредством которой происходит отказ от дальнейшего выполнения государством некоторых международных обязательств и исключение норм международных договоров из отечественной правовой системы.

Вторые обладают довольно широкими полномочиями по определению направлений внешней политики, разработке и принятии различных мер и программ, способствующих реализации ее отдельных аспектов. Конечно, необходимо подчеркнуть, что некоторые органы, относящиеся к исполнительной власти, могут напрямую участвовать в различного рода международных отношениях. Особенно можно выделить в данной связи Министерство иностранных дел, которое не только осуществляет оперативное руководство внешней политикой государства, но и, осуществляя сбор и анализ информации об изменениях международной обстановки, вносит существенный вклад в формирование внешней политики нашего государства. Не случайно в юридической литературе об этом органе говорят как о «важнейшем элементе конституционно-правового механизма формирования и осуществления внешней политики» [2, с. 39].

Особое место в формировании внешней политики отводится Президенту Российской Федерации, поскольку именно его прерогативой является формирование основных направлений внешней политики, представительство Российской Федерации в международных отношениях, в частности, через участие в переговорах и подписании международных договоров от ее имени, а также назначение и отзыв дипломатических представителей [1]. Эта функция позволя-

ет Президенту выбрать именно тех лиц, которые на его взгляд наилучшим образом могут осуществлять практическую реализацию внешней политики России. Здесь не следует забывать, что сама дипломатия является одним из средств ее реализации. Тем более важным представляется наличие у Президента такого полномочия в силу того, что он же обеспечивает реализацию внешней политики и международных обязательств нашего государства.

Отношения между Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ и Правительством РФ в формировании внешней политики строятся не только на основе принципа разделения властей и системе сдержек и противовесов, но и на основе согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, в которую все они входят.

Сдержки и противовесы в данном случае выражаются в полномочиях Совета Федерации Федерального Собрания РФ утверждать указы Президента России о военном или чрезвычайном положении, решении о применении за рубежом вооруженных сил и назначению по представлению Президента Российской Федерации дипломатических представителей [1]. Указанные выше полномочия Государственной Думы, а также ее полномочия, связанные с взаимодействием с Правительством, парламентский контроль и решение вопросов войны и мира тоже можно отнести к таковым. Среди актов, принятых Советом Федерации, относящихся к процессу формирования внешней политики следует выделить Постановление об актуальных проблемах внешней политики Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. [5].

В целом можно утверждать, что в настоящее время в России сложилась асимметричная модель взаимодействия органов публичной власти в сфере формирования внешней политики Российской Федерации, так как стратегическая инициатива и оперативное управление этим процессом сосредоточено в руках Президента и органов исполнительной власти. В этой системе парламенту отводится роль органа, осуществляющего легитимацию оформления внешнеполитического курса.

В настоящее время в России существует четкий и достаточно проработанный с законодательной точки зрения конституционно-правовой механизм взаимодействия органов публичной власти в процессе разработки и формирования ее внешней политики. Подобный вывод можно сделать, поскольку в Конституции, а также в федеральных законах есть нормы, регулирующие вопросы такого

взаимодействия, четко определены юридические факты для его осуществления (например, заключение международного договора, решение вопроса о применении вооруженных сил России за рубежом) [1, 6, 7, 8]. В ходе взаимодействия реализуются правоотношения по контролю, координации, осуществлению совместной деятельности, например, в случае выдвижения уполномоченным органом законодательной инициативы о внесении изменений в отечественное законодательство, соответствующих международным обязательствам государства, на основании которой парламент принимает нормы права. Также в ходе этой деятельности принимаются акты реализации. Таким образом, наличествуют все элементы правового механизма, выделяемые в юридической литературе.

Следует отметить, что эффективность реализации данного механизма во многом зависит от текущей политической обстановки в стране. С одной стороны, в результате конституционной реформы резко сократилась возможность возникновения «несистемных конфликтов и конституционных кризисов». С другой стороны, взаимодействие органов публичной власти по формированию внешней политики в настоящее время нельзя определить как сбалансированное, поскольку сохраняется существенный перевес в полномочиях Президента и органов исполнительной власти в данной сфере. В связи с этим в отечественной юридической литературе часто говорится о необходимости усиления роли российского парламента в политической жизни страны. Здесь можно подчеркнуть тот факт, что перевес полномочий в сфере формирования внешней политики в пользу главы государства и исполнительной власти присутствует в законодательстве большинства государств, так как вопросы внешней политики изначально относились к их прерогативе. Положение стало меняться только во второй половине XX века. Изменения происходят очень медленно еще и по той причине, что изначально внешнеполитические функции парламентов были очень узкими и сводились к выражению согласия или не согласия на заключение государством определенного международного договора. Внутриполитическая жизнь страны для парламентов всегда стояла на первом месте. Поэтому Россия разделила в данном случае общемировую тенденцию.

В настоящее время набирает силу иная тенденция – наделение парламента более широкими внешнеполитическими функциями. Однако необходимо отметить, что в силу специфики самой законодательной власти расширение полномочий парламента не должно приводить к наделению его в этом вопросе большими полномочия-

ми, чем есть у главы государства и органов исполнительной власти, так как это также способно нарушить принцип разделения властей и не будет отражать специфику деятельности соответствующих органов.

Необходимо отметить, что одной из целей российской внешней политики является создание многополярного мира. На наш взгляд, этому может способствовать определенное усиление полномочий парламента в международных отношениях, например, через расширенные возможности парламентской дипломатии, участие в разработке законодательных мер обеспечения цифрового суверенитета России и более активное участие в реализации иных мер, направленных на его обеспечение.

Также для совершенствования самого конституционно-правового механизма взаимодействия органов публичной власти по вопросам формирования внешней политики Российской Федерации необходимо более четко прописать в регламентах обеих палат парламента процедуры осуществления консультаций с ними иных органов публичной власти по принятию ключевых внешнеполитических решений и усилить аналитический аппарат парламентских комитетов.

Таким образом, взаимодействие органов публичной власти в процессе формирования внешней политики России осуществляется на основе норм конституционного права, принципов согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, единства внешней политики и характеризуется перераспределением полномочий в сторону главы государства и исполнительной власти, основанном на классическом понимании разделения властей и тенденцией к увеличению полномочий законодательной власти в данном процессе. Последнее отвечает мировым тенденциям в этой сфере, обусловлено особенностями развития самих международных отношений на современном этапе. В то же время подобное расширение полномочий законодательной власти не должно нарушать баланс в системе разделения властей и противоречить указанным конституционным принципам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля

2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ)) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Рос. газета 2022. 6 окт.

2. *Косолапов М. Ф.* Обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти при реализации внешней политики Российской Федерации // Правовое обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти : монография / под. ред. А. Ю. Соколова. — Москва : 2025. — 201 с.

3. *Аширбекова М. Т., Семенова В. В.* Обеспечение национальной безопасности как генеральная функция государства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 1. — С. 164—171.

4. *Виноградова Е. В.* Меры межгосударственного давления. Экономические санкции, реторсии и репрессалии // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 2. — С. 163—170.

5. Постановление Совета Федерации об актуальных проблемах внешней политики Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/112006/> (дата обращения: 1 февраля 2026).

6. ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. (в ред. от 8 декабря 2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 29. 1995. Ст. 2757; Собрание законодательства Российской Федерации № 50 (ч. III), ст. 8074.

7. ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 16 января 1999 г. (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 2. 1999; Собрание законодательства Российской Федерации. № 27. 06.07.2015. Ст. 4005.

8. ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 15 декабря 2021 г. (в ред. от 1 сентября 2025 г.). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727632736> (дата обращения: 1 февраля 2025).

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА АМУРЕ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Цай Ин, кандидат ист. наук

e-mail: mnina66@yandex.ru

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск

В статье исследуется развитие транспортной инфраструктуры на р. Амур в контексте эволюции и становления Амурского речного транспорта на фоне российско-китайских отношений на Дальнем Востоке в конце XX — начале XXI вв. Анализируются причины, этапы и результаты развития транспортной инфраструктуры в этот период.

Ключевые слова: Амурский речной транспорт, Дальний Восток России, российско-китайские отношения, транспортная инфраструктура.

DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE ON AMUR IN THE HISTORICAL AND POLITICAL CONTEXT OF RELATIONS RUSSIA AND CHINA IN THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES

Cai Ying, *Candidate of Historical Sciences*

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk

The article examines the development of transport infrastructure on the Amur River in the context of the evolution and formation of Amur river transport against the background of Russian-Chinese relations in the Far East in the late XX – early XXI centuries. The reasons, stages and results of the development of transport infrastructure during this period are analyzed.

Keywords: Amur river transport, Russian Far East, Russian-Chinese relations, transport infrastructure.

Река Амур (Хэйлунцзян с китайской стороны), длина международного участка которой составляет 2661 км, проходит по российско-китайской границе и фактически пересекает почти всю территорию Дальневосточного федерального округа (ДФО). На российской стороне она последовательно протекает по Амурской области, Еврейской автономной области и Хабаровскому краю, а на китайской — по провинции Хэйлунцзян. В середине XX — начале XXI вв. деятельность Амурского речного транспорта, который зародился на р. Амур, всегда была тесно связана с историко-политической эво-

люцией и экономическим развитием двух стран в контексте двусторонних отношений России и Китая на Дальнем Востоке. Развитие транспортной инфраструктуры на реке Амур шло в русле и в рамках общей динамики экономической деятельности двух государств, тесно увязываясь с их взаимодействием и развиваясь фактически «в одном ключе» с расширением и углублением российско-китайских связей на Дальнем Востоке.

В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика. СССР первым установил с КНР дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. обе страны подписали «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и СССР», а также ряд соглашений по дальневосточным вопросам. В 1951 г. в Харбине КНР и СССР заключили «Соглашение о судоходстве и строительстве на пограничных реках между Китаем и СССР», впервые юридически закрепив правила судоходства и строительства на пограничных реках, а также учредили Совместную комиссию по судоходству на пограничных реках между Китаем и СССР, создав постоянный механизм сотрудничества в сфере судоходства. Заключение «Соглашения о торговом судоходстве между Китаем и СССР» (1957 г.) [2, с. 32] и «Договора о торговле и мореплавании между СССР и КНР» (1958 г.) позволило детализировать правила управления судоходством и заложить юридическую основу для сотрудничества двух стран в этой сфере [2, с. 89]. В конце 1950-х гг. курс КПК был во многом пересмотрен, начался период охлаждения отношений с СССР. Остановилась работа смешанной комиссии по судоходству, действовавшей с 1951 г. В 1966 г. научно-техническое и производственное сотрудничество Китая с Советским Союзом полностью прекратилось.

С конца 1970-х гг. вновь наступило потепление во взаимных контактах. После нормализации советско-китайских связей в 1980-е гг., отношения между двумя странами начали стремительно развиваться. Начали создаваться совместные рабочие группы по вопросам коммуникаций на высшем уровне: в октябре 1986 г. в Москве состоялось первое заседание постоянной рабочей группы по транспорту в рамках советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В июне 1986 г. был открыт китайский порт Тунцзян, с российской стороны — порт Нижнеленинское; затем порты Благовещенск и Хэйхэ. В марте 1987 г. были приняты «Правила плавания по советско-китайским погра-

ничным участкам рек». В 1988 г. были начаты международные перевозки в Китай. Стала работать международная грузовая переправа; летом — с помощью паромов, зимой по ледовой дороге. В настоящее время переправа зимой осуществляется по паромному (наплавному) мосту. С июля 1989 г. суда Амурского пароходства пошли в порты Фуцзинь, Цзямусы, Харбин; для китайских судов были открыты порты Хабаровск, Комсомольск и Поярково. Между Благовещенском и Хэйхэ начала функционировать первая международная речная переправа. Начинается эксплуатация российских судов на подводных крыльях для реализации пассажирских перевозок.

В конце XX в. Амурский речной транспорт был ориентирован на китайский рынок, что обуславливалось сложившейся политической и экономической ситуацией. По мере роста потребности в перевозках началось активное развитие транспортной инфраструктуры на реке Амур во вспомогательных и обеспечивающих секторах: помимо модернизации портов и оптимизации маршрутов, расширялась частная речная транспортная деятельность, создавались новые частные транспортные компании, осваивались суда современных типов, проводился капитальный ремонт пассажирских теплоходов.

В декабре 1989 г. было создано ЗАО «Пассажирский порт «АмурАССО», задачей которого было обеспечение перевозок туристов и товаров из России в Китай и из Китая в Россию; в рамках его деятельности было начато строительство причальной стенки и пункта пропуска Благовещенск — Хэйхэ. Зарождение «АмурАССО» произошло в тот период, когда в ноябре 1988 г. при Амурском областном управлении сельского хозяйства была создана организация «Амуркоммерция-внешторг» для ведения внешнеэкономической деятельности и сотрудничества с Китаем. В 1990-е гг., когда многие суда распродавались на металлолом, «АмурАССО» начала формировать собственную флотилию: первые суда были реконструированы из теплоходов, построенных еще в 1950-е гг. («Гагара», «Благовещенск», «Алмаз», «Малахит»), а в 2005 г. компания полностью обновила состав флота, заменив все старые суда на новые.

В 1989 г. первое судно на подводных крыльях «Полесье», развивавшее скорость до 70 км/час, было отправлено из России в Китай по соглашению о бартерном обмене. У китайской стороны в то время насчитывалось уже более десятка подобных судов, которые стали основным средством для пассажирских перевозок на внутренних и международных маршрутах. Скорость таких судов превышает скорость теплохода более чем в три раза, что повышает их

конкурентоспособность по сравнению с автомобильным и железнодорожным транспортом.

В 1990-е гг. в г. Харбине для нужд бывшего Советского Союза было переоборудовано крупное пассажирское судно; в тот период это осуществлялось в рамках экономических и торговых обменов между правительствами двух стран. Были достигнуты соглашения о капитальном ремонте пассажирских теплоходов: так, пароход «Василий Поярков» прошел такой ремонт на Харбинском судостроительном заводе, в ходе которого, помимо ремонтных работ, на судне была произведена модернизация механизмов и систем, полностью реконструирована судовая надстройка. В результате значительно повысилась комфортабельность, улучшились условия размещения, бытового и культурного обслуживания пассажиров. По данным Харбинской городской хроники, в состав кораблей, капитально отремонтированных Харбинской судостроительной промышленной компанией для Советского Союза, входили: 1 рыболовецкое судно № 418 в 1988 г., 4 пассажирских судна проекта «860» в 1990 г., 1 пассажирское судно проекта «785» и 1 водное судно — плавучий отель [8].

В конце 1990-х гг., в связи с распадом Советского Союза, на смену советско-китайским отношениям пришли российско-китайские отношения. В рамках этих отношений две страны взаимно подтвердили статус и открыли свои границы и порты. Стали развиваться коммуникационные каналы между Россией и Китаем в системе реки Амур. 16 мая 1991 г. был подписан «Договор о восточной границе между Китаем и СССР». Он определил восточный участок границы. В договоре была уточнена центральная линия судоходного русла; за китайскими судами было закреплено законное право судоходства. В конце 1992 г. Россия и Китай подписали «Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», в которой отношения между странами были охарактеризованы как отношения добрососедства и взаимной дружбы. Правовой основой создания пунктов пропуска является стало Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе от 27 января 1994 г. Последовательно были открыты следующие пункты пропуска на р. Амур: Ушаково — Хума (май 1995 г.), Константиновка — Сунью (июнь 1993 г.) и Хабаровск — Фуюань (май 1995 г.).

16 января 1992 г. Министерство транспорта РФ и Министерство коммуникаций КНР подписали «Соглашение об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари». В документе было отмечено, что «в целях обеспечения перевозок внешнеторговых грузов между Россией и КНР речным транспортом на реках Амур и Сунгари открыты для захода российских судов китайские порты Хэйхэ, Сюнкэ, Тунцзян, Фуцзин, Цзямусы, Харбин, и для захода китайских судов — российские порты Благовещенск, Поярково, Нижнеленинское, Хабаровск, Комсомольск, Маго. В этих портах осуществляется выполнение пограничных, таможенных, карантинно-санитарных и других формальностей для судов заграничного плавания и внешнеторговых грузов». Также соглашение устанавливало, что «в целях дальнейшего развития перевозок грузов российско-китайской торговли, организации транзитных перевозок грузов третьих стран на российских и китайских судах по рекам Амур и Сунгари российская сторона открывает участок реки Амур от порта Комсомольск-на-Амуре до устья для прохода китайских торговых судов с 15 мая 1992 года», «объемы перевозок грузов речным транспортом через эти порты будут согласовываться Сторонами ежегодно на заседаниях постоянно действующей рабочей группы по транспорту Российско-Китайской межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству», а Амурское речное пароходство и Хэйлунцзянское управление пароходства «должны были заключать договоры и соглашения по вопросам судоходства и организации перевозок».

В сентябре 1994 г. обе страны объявили об установлении отношений «конструктивного партнерства на благо добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества», что означало повышение уровня двустороннего взаимодействия. В 1995 г. было заключено Соглашение об организации паромных перевозок [1, Л. 14].

Рассмотрим особенности межрегиональных связей с Китаем в таких зонах взаимодействия, где российско-китайские речные международные перевозки по Амуру получили наибольшее развитие: Благовещенск — Хэйхэ, Нижнеленинское — Тунцзян, Пашково — Цзяньинь, Хабаровск — Фуюань, Хабаровск — Тунцзян, Комсомольск-на-Амуре — Тунцзян.

В 1996 г. российско-китайские отношения перешли на новый уровень отношений «равноправного доверительного партнерства, ориентированного на стратегическое взаимодействие в XXI веке».

Для обеспечения развития туризма, для координации и организации туристической деятельности в Амурской области был создан Комитет международных и внешнеэкономических связей Амурской области (1997 г.), в Хабаровском крае был открыт Дальневосточный центр развития туризма (ДВЦРТ) (1998 г.).

В 1999 г. под руководством директора АО «Торговый порт Благовещенск» Василия Семеновича Руденко был разработан проект и начато строительство грузопассажирского таможенного комплекса «Благовещенск — Хэйхэ». Был построен причал с аппарелью, единственный на Дальнем Востоке. В 1999 г. порт приобрел в собственность теплоход «Миклухо-Маклай» — единственный теплоход в Амурской области, осуществлявший туристические рейсы по маршруту Благовещенск — Николаевск-на-Амуре. На международной пассажирской линии Благовещенск — Хэйхэ в течение навигации работали теплоходы «Москва», а в межсезонье — «пумы», суда на воздушной подушке [6, с. 262].

Вступая в XXI век, 16 июля 2001 г. был подписан знаковый российско-китайский «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который заложил прочную основу для дальнейшего развития двусторонних отношений. С начала XXI века между Китаем и Россией укрепляются всеобъемлющие партнерские отношения стратегического взаимодействия. В рамках сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза страны совместно провели комплексное углубление и регулирование русла пограничной реки, что привело к качественному улучшению судоходных условий. В газете «Амурская Правда» от 4 июня 2004 г. была опубликована заметка о дноуглубительных работах, в которой приводились слова начальника Благовещенского района водных путей и судоходства о том, что «планируется провести изыскания и углубить дно в связи со строительством нового терминала для перевозки грузов и пассажиров в КНР» [4]. В июле 2007 г. открытие маршрута контейнерных перевозок из Тунцзяна в Хабаровск положило начало новому этапу в развитии контейнерных перевозок на Амуре и открыло новые водные маршруты, такие как Цзямусы — Хабаровск, Хэйхэ — Благовещенск и т.д. [7]. Это позволило существенно ускорить развитие контейнерных перевозок на российско-китайской пограничной реке.

В 2011 г. была разработана концепция «равноправных и доверительных отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, характеризующихся взаимной поддержкой и

стремлением к совместному процветанию и вечной дружбе». 20 мая 2014 г. в Шанхае главы двух государств опубликовали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В том же году стороны подписали Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в области безопасности судоходства на граничных реках бассейна Амура между Китаем и Россией, создали специальный механизм контроля между соответствующими органами, ускорив реализацию совместного регулирования русла Амура [9, с. 48].

Результаты деятельности по развитию транспортной инфраструктуры очевидны: в середине XX века судоходное русло пограничной реки оставалось преимущественно в естественном состоянии — глубина русла на китайской стороне составляла всего 1,5 м, а на российской — 1,3-1,8 м. Суда водоизмещением менее 500 т могли ходить только сезонно, гарантированная судоходность не превышала 72%, транспортный потенциал был крайне ограничен. В настоящее время общая длина судоходных участков на китайской стороне составляет 2593 км, глубина ключевых участков доведена до 2,4-3,0 м, обеспечивается стабильная навигация барж тысячетонного класса в период открытой воды, гарантированная судоходность превышает 95%. На российской стороне длина судоходных участков р. Амур составляет 2800 км. В рамках программы «Возрождение судоходства на Дальнем Востоке» глубина главного русла от Благовещенска до Николаевск-на-Амуре увеличена до 2,4-3,2 м, допускается движение барж и баржевых составов водоизмещением 1000-2000 т, а гарантированная судоходность поднята до 94%. Стороны завершили повсеместное внедрение электронных навигационных карт, систем автоматического идентификации судов AIS и радиолокационных знаков, сформировав интеллектуальную и стандартизированную систему судоходства на пограничной реке, что позволило полностью преодолеть ограничения, накладываемые природными условиями, на развитие водного транспорта [5, с. 640].

Китай создал современный портовый кластер вдоль всего бассейна Амура, опираясь на ключевые пограничные пункты — Хэйхэ, Тунцзян и Фуюань, обеспечив переход от простых причалов к многофункциональным комплексным портам с комбинированными видами сообщений. Реализация этого процесса осуществляется в рамках высшего механизма сотрудничества между Китаем и Россией: в 1995 г. соглашение между Китаем и Россией о совместном строи-

тельстве автомобильного моста через реку Амур между Хэйхэ и Благовещенском закрепило принцип совместного создания трансграничных транспортных объектов. Подкомитет по транспортному сотрудничеству Комитета регулярных встреч премьер-министров Китая и России включил строительство и модернизацию портов в рамки национального стратегического взаимодействия, а на 19-м заседании в 2015 г. было прямо обозначено продвижение проектов модернизации портов на пограничных пунктах [11, с. 20]. Строительство моста началось в декабре 2016 г., в мае 2019 г. он был полностью соединен с обеих сторон, а 10 июня 2022 г. автомобильный мост через Амур между Благовещенском и Хэйхэ был введен в постоянную эксплуатацию.

Порт Хэйхэ, являющийся основным пассажирским и грузовым узлом на китайско-российской границе, имеет общую протяженность причальной линии 1223 м и 12 причалов суммарной вместимостью 12 тыс. т. Его проектная годовая пропускная способность составляет 1,2 млн т грузов и 2 млн пассажиров в год. Порт Тунцзян представляет собой единственный порт в Китае, где объединены водные, автомобильные и железнодорожные перевозки в Россию. Его общая проектная пропускная способность достигает 4,6 млн т в год, порт оснащён специальным оборудованием для перегрузки между судами и железнодорожным подвижным составом, обеспечивая бесперебойные интермодальные перевозки «вода–железная дорога» и являясь единственным портом отправления таких маршрутов «река–море» в регионе. Порт Фуюаня Манцзита построил причалы суммарной вместимостью 6 тыс. т.

Российская сторона в вопросах судоходства опирается на стратегию развития Дальнего Востока, ориентированную на модернизацию прибрежных портов и создание трансграничной водной транспортной системы, связывающей российскую часть Амура с Китаем. Протяженность причального фронта порта «Благовещенск» составляет около 1500 м, а общая грузовместимость причалов достигает 14 тыс. т. Между портами Нижнеленинское и Тунцзян был построен железнодорожный мост, реализация намерения по его созданию была утверждена ещё в 1995 г., а строительство началось в 2014 г. В рамках проекта планировалось создание шести причалов и зернохранилища мощностью 100 тыс. т для обеспечения эффективных перевалочных и экспортных операций.

Чтобы решить проблему прерывания рейсов из-за замерзания зимой и дрейфующих льдов весной и осенью, Россия и Китай

совместно создали всесезонную систему таможенного оформления. На линиях Благовещенск — Хэйхэ, Нижнеленинское — Тунцзян были построены понтонные ледовые переправы, маршруты для судов на воздушной подушке и автомобильные паромы, что обеспечивает полную всесезонную систему таможенного оформления.

Стоит обратиться к опыту прошлого в области российско-китайских комбинированных перевозок «река-море» и деятельности по развитию транспортной инфраструктуры для них. Амурское пароходство и Корпорация Хэйлунцзянского пароходства активно продвигали российско-китайские комбинированные перевозки по водным путям. 16 января 1992 г. Министерство транспорта Российской Федерации и Министерство транспорта Китайской Народной Республики подписали «Соглашение между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством транспорта Китайской Народной Республики об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари». Комбинированный транспортный маршрут «река-море» в Японию и Республику Корею через нижнее течение р. Амур был открыт в июле 1992 г. В 1993 г. было завершено 5 рейсов прямой перевозки по этому маршруту, что позволило сократить время доставки почти вдвое, расстояние — примерно на одну треть, а стоимость перевозки — примерно на четверть по сравнению с транзитом через порт Далянь [3, с. 5]. В 1994 г. подписанное двумя странами соглашение о судоходстве от Уссури через Хабаровск до Амура открыло ключевой узел магистрали. 10 декабря 1998 г. был подписан «Протокол о грузовых перевозках между прибрежными портами Китая и внутренними речными портами китайскими судами через российский участок р. Амур». В дальнейшем перевозки были восстановлены и развивались в расширенном режиме: Амурское пароходство и Корпорация Хэйлунцзянского пароходства совместно занимаются перевозками грузов и пассажиров на пограничном участке р. Амур. Российско-китайские комбинированные перевозки «река-море» на участке внутренней реки выполняются судами Амурского пароходства. Так, сухогрузным флотом типа «река-море» было перевезено 990,4 тыс. т (в 2000 г. — 1064,9 тыс. т) и речным флотом в КНР — 209,6 тыс. т (в 2000 г. — 44,9 тыс. т) [10, с. 257].

С момента подписания в 2004 г. Соглашения о комбинированных российско-китайских перевозках между Амурским пароходством и Хэйлунцзянской судоходной компанией выполнен совокуп-

ный объем перевозок в 3 млн. куб.м. В 2005 г. посредством водных перевозок по пограничной реке между двумя странами перевезено 1,15 млн. т грузов и 635,5 тыс. чел. пассажиров (на 15,2% и на 22,8% больше, чем в 2004 г. соответственно).

Согласно плану, Хэйлунцзянская пароходная компания продолжает реконструкцию порта Тунцзян и порта Хэйхэ вдоль р. Амур и увеличивает ввод 1000-тонных и 3000-тонных специальных зерновозов, а также открывает водные маршруты транспорта как большой логистический канал транспорта для «зерна» Нижнеленинское — Тунцзян и Благовещенск — Хэйхэ. Этот прибрежный логистический канал приведет непосредственно к Татарскому проливу (или через прибрежную зону) по нижнему течению р. Амур, и наконец к китайским морским портам, реализует проект «Перевозка зерна с севера на юг» с помощью комбинированных перевозок «река-море».

5 июня 2019 г. главы государств Китая и России приняли решение о повышении уровня отношений между двумя странами до статуса «китайско-российского всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху», что означало переход их связей на новый, более высокий уровень развития. В конце 2019 г. порты были закрыты вследствие пандемии, в связи с чем деятельность Амурского речного транспорта оказалась в ином, более сложном положении.

Таким образом, в период с середины XX в. до начала XXI в. приграничные связи между Россией и Китаем развиваются в тесном взаимодействии с общим курсом межгосударственных отношений, а тесное приграничное сотрудничество реализуется между регионами российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. Развитие транспортной инфраструктуры на р. Амур является ключевым фактором осуществления внутренних и международных перевозок, а также освоения судоходных маршрутов. Деятельность по развитию транспортной инфраструктуры в контексте китайско-российских отношений на Дальнем Востоке в XX–XXI вв. играет важную роль в обеспечении внутренних и международных приграничных перевозок.

Библиографический список

1. Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 1.
2. Жунъэ нанляньвэй жунфан баньгунши. Жунъэ гоцзин хэлю нансин лянхэ вэйюаньхуэй лиши вэйцзянь хуэйбянь (1951-1985) (Канцелярия

китайской стороны Совместной комиссии по судоходству на граничных реках между Китаем и Россией. Сборник исторических документов Совместной комиссии по судоходству на граничных реках между Китаем и Россией (1951-1985). Харбин: Управление транспорта провинции Хэйлунцзян. 2024. 126 с. (Кит. яз. Авт. перевод).

3. *Залесская О. В., Цай И.* Сотрудничество Амурского речного пароходства и Хэйлунцзянской пароходной компании по развитию российско-китайских приграничных связей на Амуре // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.6.36979. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36979.

4. «Зея» строит «дом» для кораблей. URL: <https://ampravda.ru/2004/06/04/9765.html> (дата обращения: 29.03.2026).

5. Ли Чжуаньсюнь. Чжунго Дунбэй цзинцизиюй юй Элосы Юаньдун дицзюй цзинмао хэцзо чжаньлюе шэнцзи взньти яньцзю (Исследование вопросов стратегической модернизации торгово-экономического сотрудничества между Северо-Восточной экономической зоной Китая и дальневосточным регионом России) // Чжун-Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений) / под общ. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. — Изд-е 2-е. — Пекин : Шэхуэй кэсюэ взньсянь чубаньшэ. 2009. С. 621-643. (Кит. яз. Авт. перевод).

6. *Медникова А. Н.* Судьбы... // 150 лет судоходству на Амуре. Предс. ред. коллегии А. Б. Галузинский. — Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во. 2004. — 333 с.

7. На реке Хэйлунцзян открыта первая китайско-российская речная линия контейнерных перевозок Тунцзян-Хабаровск. URL: <https://portnews.ru/news/21864/> (дата обращения: 26.03.2026).

8. *Харбин Шичжи.* Дисань чжан. Шуаньбо (Харбинские хроники. Глава III. Корабли). URL: <http://www.hrbwszyjs.org.cn/news/323.html> (дата обращения: 26.03.2026).

9. Хэйлунцзяншэн жэньминь шэнфу. Чжунго Дунбэй дицзюй юй Элосы юаньдун дицзюй хэцзо фажань баогао (2024) (Правительство провинции Хэйлунцзян. Отчет о сотрудничестве и развитии между Северо-Восточным районом Китая и Дальним Востоком России (2024)). — Харбин: Правительство провинции Хэйлунцзян, 2024. — 98 с. (Кит. яз. Авт. перевод).

10. *Цай Ин, Залесская О. В.* Деятельность Амурского пароходства по обеспечению речных перевозок между Россией и Китаем в конце XX — начале XXI в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2023. — № 2(28). — С. 250—261.

11. Цзяотун юньшу бу. Чжун-Э цзунли динци хуэйу вэйюаньхуэй юньшу хэцзо фэньвэйхуэй хуэйи цзияо (2014-2015) (Министерство транспорта КНР. Протоколы заседаний Подкомитета по транспортному сотрудничеству Комитета регулярных встреч премьер-министров Китая и России (2014-2015)). — Пекин : Министерство транспорта КНР, 2015. — 36 с. (Кит. яз. Авт. перевод).

ЧУХУРСААД И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Бабазаде Али, докторант кафедры истории Азербайджана

E-mail: ksarulu@gmail.com

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

В статье рассматривается историко-географическое и этнополитическое значение Чухурсаадского бейлербейства в контексте международных отношений на Южном Кавказе. Особое внимание уделяется его роли как стратегического региона в системе сефевидско-османского противостояния и его значению в формировании внешнеполитических интересов России в более поздний период. На основе анализа исторических источников показано, что Чухурсаад представлял собой важный административный, военный и экономический центр, оказывающий влияние на региональные процессы [2, 7].

Чухурсаадское бейлербейство занимало ключевое место в системе международных отношений Южного Кавказа, являясь важным стратегическим регионом между Сефевидским государством и Османской империей [1]. Его географическое положение определяло его роль как транзитного узла и военного плацдарма. В более поздний период именно такие регионы стали основой формирования внешнеполитических интересов Российской империи на Кавказе, что придаёт исследованию дополнительную актуальность.

Происхождение и формирование

Чухурсаад сформировался в XVI веке как административная единица Сефевидского государства в результате политики централизации [4]. Название связано с тюркским племенем саадлы и отражает этнополитическую основу региона [1, 12].

Географическое и политическое значение

Регион находился на пересечении важнейших торговых путей и играл роль буферной зоны между Османской и Сефевидской империями [5].

Его значение проявлялось в:

- контроле над стратегическими территориями
- обеспечении торговых путей
- военном противостоянии держав

В дальнейшем этот регион стал объектом интереса Российской империи как ключевая зона влияния на Кавказе.

Административная система

Система управления включала:

- бейлербея как центральную фигуру
- деление на санджаки
- икта-систему

Такая структура обеспечивала эффективное управление и интеграцию местных элит [7].

Экономическое развитие

Экономика базировалась на:

- сельском хозяйстве
- караванной торговле

Регион играл важную роль в международной торговле между Востоком и Западом [8, 9].

Военно-стратегическая роль

Чухурсаад являлся важным военным регионом:

- строительство крепостей
- размещение гарнизонов
- участие населения в обороне

Это делало его ключевым элементом в системе международных конфликтов [10].

Роль в системе международных отношений

Чухурсаад выполнял функцию:

- пограничного региона
- центра дипломатических контактов
- зоны межкультурного взаимодействия

В последующие периоды данные характеристики определили его значение для внешней политики России на Кавказе.

Административное устройство

Административная структура Чухурсаадского бейлербейства отражала принципы централизованного управления Сефевидского государства. Во главе стоял бейлербей, обладавший широкими полномочиями как в военной, так и в гражданской сфере.

Территория делилась на административные единицы — санджаки (нахийи), управляемые санджакбеями. В рамках икта-системы земельные участки передавались местным правителям и племенным лидерам, которые осуществляли сбор налогов и поддержание порядка [7].

Такая система обеспечивала баланс между центральной властью и местной элитой, способствуя стабильности управления в условиях сложной политической обстановки.

Экономика и сельское хозяйство

Экономическая структура региона базировалась на аграрном производстве и торговле. Основными направлениями сельского хозяйства являлись:

- выращивание зерновых культур (пшеница, ячмень, просо);
- виноградарство;
- животноводство [2].

Благодаря благоприятным природным условиям урожайность сельскохозяйственных культур была высокой, что обеспечивало продовольственную стабильность региона и способствовало развитию внутренней торговли.

Караванные маршруты, проходящие через Чухурсаад, играли важную роль в международной торговле. Караван-сарай и рынки служили центрами экономической активности, а сбор таможенных пошлин укреплял финансовую систему государства [7].

Военная роль и оборонительная система

Как приграничный регион, Чухурсаад обладал развитой системой обороны. Крепости, расположенные на стратегических высотах, выполняли функции контроля и защиты территории.

Военные силы бейлербейства находились в постоянной боевой готовности, а в случае необходимости местное население привлекалось к обороне. Такая система позволяла эффективно противостоять внешним угрозам и удерживать регион в условиях длительных конфликтов [2].

Культурная жизнь и образовательные институты

Чухурсаад являлся важным культурным центром, где функционировали медресе и образовательные учреждения. Здесь преподавались исламские науки, философия и литература, что способствовало формированию интеллектуальной среды региона [7].

Караван-сарай, рынки и мечети выполняли не только экономические, но и социальные функции, становясь местами общения, обмена знаниями и распространения культурных традиций.

Межрегиональные связи и топонимическое значение

Чухурсаадское бейлербейство поддерживало тесные связи с соседними регионами, включая Карабах, Ширван и Дербент. Эти связи носили как торговый, так и политический характер.

Особое значение имеет топоним «Чухурсаад», который широко представлен в исторических источниках начиная с XIII века. Анализ письменных источников показывает, что регион, известный как Иреван, во многом совпадал с территорией Чухурсаада, что свидетельствует о его устойчивом административно-географическом статусе [2; 7].

Этнополитические основы и формирование топонима Чухурсаад

В контексте этнополитической истории региона особое значение приобретает деятельность тюркских племенных объединений, сыгравших ключевую роль в формировании Чухурсаадского региона как административной и географической единицы. Средневековый историк Фома Мецопский указывает, что одно из азербайджанских тюркских племён — саадлы (садлы) — входило в состав племенного союза государства Кара-Коюнлу. Согласно его свидетельствам, в период походов Амир Тимур правителем Чухурсаада был эмир Саад, чья власть оказала существенное влияние на политическое и территориальное оформление региона [12].

Племенная структура Кара-Коюнлу включала ряд влиятельных групп, среди которых выделяются бахарлу, саадлы, караманлы, алпут, духарлу, джагирли, хаджылы и агачари. Среди них племена бахарлу и саадлы занимали ведущие позиции в политической и военной иерархии союза. Исторические данные свидетельствуют о том, что первоначальная территория расселения племени саадлы находилась в районах Нахчывана и Сурмели, что подтверждается как письменными источниками, так и этноисторическими исследованиями [1].

Начиная с конца XIV века тюркско-азербайджанские племена, объединённые под руководством эмира Саада, стали известны под общим названием «саадлы». В результате этого процесса северо-западные территории Азербайджана, включая Сурмелинскую долину в бассейне реки Араз, постепенно начали обозначаться как Чухурсаад, что отражает тесную связь между этническим и географическим наименованием региона [6].

Топонимика и источниковая база

Армянские исторические источники также подтверждают существование данного топонима, используя формы «Сахато пос» («яма Саада») или «Еркин Сахат» («земля Саада»), что указывает на устойчивую ассоциацию региона с племенным объединением саадлы и его территориальной базой [13].

Известный исследователь И. П. Петрушевский подчёркивает, что значительная часть территории современной Армении в историческом плане входила в состав Иреванской или Чухурсаадской административной области. При этом такие регионы, как Шарур, Даралагёз и Зангезур, относились к Карабахскому или Гянджинскому бейлербействам, входившим в состав более широкой административной системы Северного Азербайджана [13].

Одно из ранних документальных упоминаний топонима Чухурсаад содержится в арабском административном документе 1428 года, где фиксируется принадлежность села Вагаршапат (Учкилиса) к данному региону. В документе отмечается, что поселение входило в состав так называемых «грузинских областей Азербайджана», что отражает сложную административную структуру региона. На основании этого источника исследователи приходят к выводу, что данные территории, несмотря на формальную классификацию, находились под политическим контролем Азербайджана [11].

Чухурсаад в персидских источниках и Сефевидской административной системе

Азербайджанский историк Самед Сардариния, опираясь на персидоязычные источники, утверждает, что территория современной Армении в историческом плане являлась частью более обширного региона, известного как Чухурсаад. В его интерпретации данный термин выступает как устойчивое географическое и административное обозначение, широко используемое в эпоху Сефевидов [8].

Лингвистически название «Чухурсаад» трактуется как «низменность Саада» или «углублённая территория Саада», что отражает как природные особенности региона, так и его связь с племенным объединением саадлы. В период Сефевидского государства данный термин приобрёл официальное административное значение и стал использоваться для обозначения Иреванской провинции [8].

Ссылаясь на исследования турецкого историка Фарука Сюмера, Сардариния подчёркивает, что племя саадлы занимало центральное положение в системе Кара-Коюнлу и фактически возглавляло союз племён. Название племени происходило от имени эмира Саада, который управлял объединением в XIV веке. Исторические источники указывают на наличие тесных родственных связей между эмиром Саадом и правящей элитой Кара-Коюнлу, что усиливало его политическое влияние [8].

По данным хрониста Хафиза Абру, районы Нахчывана и Сурмели традиционно являлись основным ареалом расселения данного племени. Начиная с XV века, название «саадлы» постепенно стало применяться к территориям вокруг Иревана, а в Сефевидскую эпоху окончательно закрепились в форме административного термина «Чухурсаад» [8].

Географически регион простирался на запад до слияния рек Араз и Арпачай, а на юг — до течения реки Араз, что подчёркивает его значительные территориальные масштабы и стратегическую важность.

Политическая трансформация и административные изменения

Во второй половине XV века Чухурсаадское эмиратство постепенно утратило политическую автономию и было интегрировано в более крупную административную систему. Подобно Иревану, регион оказался подчинён управлению Нахчывана, который в этот период стал важным административным и военным центром [11].

Нахчыван выполнял функцию резиденции наместников, часто являвшихся представителями правящей династии Кара-Коюнлу. Особую роль в укреплении стратегического значения региона играла крепость Алинджа, служившая надёжным хранилищем государственной казны и важным оборонительным пунктом [11].

Этнодемографические особенности и поздние источники

Важным источником по истории региона является труд «Бустан ас-сийаха» Хаджи Зейналабдина Ширвани, завершённый в 1832 году. Автор предоставляет ценные сведения об этническом и религиозном составе населения Чухурсаада. По его данным, большинство жителей региона составляли шиитские мусульмане, при наличии незначительного христианского населения [7].

Ширвани также отмечает, что население региона преимущественно говорило на тюркских языках, что свидетельствует о сохранении этнокультурной преемственности. Кроме того, он упоминает наличие реки, протекающей вдоль территории, а также крепости, играющей важную роль в системе местной обороны [7].

Географическая эволюция и расширение региона

Первоначально Чухурсаад обозначал территорию Сурмелинской долины в бассейне реки Араз, однако со временем его географические границы значительно расширились. В XVI–XVIII веках регион охватывал обширные территории, входящие сегодня в состав Азербайджана, Армении, Турции, Грузии и Ирана [10; 16; 17].

Такое расширение было обусловлено как административными реформами Сефевидского государства, так и военными и демографическими процессами, происходившими в регионе.

Этнополитическая основа и роль племени саадлы

Исторические источники подтверждают, что название Чухурсаад напрямую связано с племенем саадлы — одним из влиятельных тюркских племенных объединений Azerbaijan. Эмир Саад рассматривается как ключевая фигура, сыгравшая важную роль в формировании политической структуры региона [1; 12].

До включения в состав Сефевидского государства Чухурсаад функционировал как самостоятельное эмиратство, состоящее из нескольких административных единиц. Эти структуры впоследствии стали основой для интеграции региона в централизованную систему управления [11].

Границы и стратегическое положение

На основе анализа исторических источников можно определить границы Чухурсаадского бейлербейства:

- на севере — Картлийское царство;
- на востоке — Карабах;
- на западе — османские провинции Алашкерт и Баязид;
- на юге — Нахчыван, Капан и Маку [18; 20].

Такое расположение делало Чухурсаад ключевым пограничным регионом Сефевидского государства, играющим важную роль в системе обороны и административного контроля.

Заключение

В заключение следует отметить, что топоним «Чухурсаад» представляет собой ключевой элемент для понимания исторической географии, административной эволюции и этнополитических процессов на территории Azerbaijan и Южного Кавказа в период от средневековья до раннего Нового времени.

Анализ источников показывает, что Чухурсаад первоначально возник как племенно-территориальное обозначение, связанное с племенем саадлы, и в дальнейшем трансформировался в официальную административную единицу в составе Сефевидского государства. Этот процесс отражает более широкие тенденции государственной централизации и институционализации управления, характерные для начала XVI века [4; 9].

Интеграция Чухурсаада в административную систему Сефевидов, особенно в форме бейлербейства с центром в Иереване, свидетельствует о его высокой политической и стратегической значимости. Расположение региона на пересечении ключевых геополитических и культурных зон усиливало его роль как важного пограничного пространства в системе сефевидско-османских отношений [18; 20].

Кроме того, последовательное отождествление Чухурсаада с Иреванским регионом в различных исторических источниках подтверждает его значение как устойчивого географического и административного понятия. Расширение его территориальных границ во времени отражает динамичный характер исторической географии и зависимость региональных границ от политических трансформаций.

Настоящее исследование вносит вклад в развитие исторической топонимики, демонстрируя, что географические названия могут отражать сложные слои этнической идентичности, политической власти и административной организации. Оно также способствует более глубокому пониманию исторической преемственности и территориальной структуры Азербайджана.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ топонимических процессов в различных регионах Южного Кавказа, а также на использование картографических и архивных материалов для более точной реконструкции исторических границ таких регионов, как Чухурсаад. Особый интерес представляет интеграция междисциплинарных подходов, включая историческую географию, археологию и цифровое картографирование, что позволит более полно раскрыть пространственную динамику региона в различные исторические эпохи. Чухурсаад представлял собой важный историко-географический регион, игравший ключевую роль в системе международных отношений Южного Кавказа. Его стратегическое положение, развитая административная система и экономический потенциал обусловили его значимость как в эпоху Сефевидов, так и в более поздний период.

Регион стал одним из факторов формирования внешнеполитических интересов России, что делает его изучение важным для понимания исторической геополитики Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Matthee, R. (2012). *Persia in Crisis: Safavid Decline and the Fall of Isfahan*. Cambridge: Cambridge University Press.

2. Floor, W. (2001). *Safavid Government Institutions*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
3. Savory, R. (1980). *Iran under the Safavids*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Newman, A. (2006). *Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire*. London: I.B. Tauris.
5. Minorsky, V. (1953). *Studies in Caucasian History*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Faroqi, S. (2004). *The Ottoman Empire and the World Around It*. London: I.B. Tauris.
7. Roemer, H. R. (1986). The Safavid period. In P. Jackson & L. Lockhart (Eds.), *The Cambridge History of Iran* (Vol. 6, pp. 189–350). Cambridge: Cambridge University Press.
8. Issawi, C. (Ed.). (1971). *The Economic History of Iran 1800–1914*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Chaudhuri, K. N. (1985). *Trade and Civilisation in the Indian Ocean*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Murphey, R. (1999). *Ottoman Warfare 1500–1700*. London: UCL Press.
11. Arjomand, S. A. (1984). *The Shadow of God and the Hidden Imam*. Chicago: University of Chicago Press.
12. Hambly, G. R. G. (Ed.). (1969). *Central Asia*. London: Weidenfeld & Nicolson.
13. *Encyclopaedia Iranica*. (Various years). Entries on Safavid administration.
14. Ахмадов, Х. (1999). *История Азербайджана* (Т. 3). Баку: ЭЛМ.
15. Amrahov, Z. (2025). Numeral dynamics and ethnic composition of the population of Irevan uyezd in the sources (1850–1917). *Science, Education and Innovations in the Context of Modern Problems*, 8(7), 625–644. <https://doi.org/10.56352/sei/8.7.65>
16. Asadov, K. (2025). Socio-political transformations and ethno-historical dynamics in Zangazur during the second half of the 19th and early 20th century. *Science, Education and Innovations in the Context of Modern Problems*, 8(9), 1345–1358. <https://doi.org/10.56334/sei/8.9.10>
17. Байрамлы, З. (2006). *Структура и административная система Сефевидского государства Азербайджана*. Баку: Азербайджанский государственный педагогический университет.
18. Амрахов, З. (2022). *История Иреванской губернии (1850–1917)*. Баку: Нурлар.
19. *Иреванское ханство: российская оккупация и переселение армян на земли Северного Азербайджана*. (2010). Баку: Азербайджанское издательство.
20. Онуллахи, С. (1995). Чухурсаад–Иреван в сефевидский период. *Elturan Journal*, (1–2), 16–19.
21. Сардариния, С. (2014). *Иреван как регион с мусульманским населением*. Баку: Зардаби.

22. Шабиев, Б. (2011). Фирманы как источники по истории Чухурсаада. *История и её проблемы*, (1), 32–33.
23. Шабиев, Б. (2018). *Иреванская область Сефевидского государства Азербайджана*. Баку: Аврупа.
24. Мамедов, С. А. (1993). *Азербайджан по источникам XV – первой половины XVIII вв.* Баку: Элм.
25. Мецопский, Ф. (1957). *История Тимура-Ленка и его преемников* (пер. Т. И. Тер-Григорян). Баку.
26. Петрушевский, И. П. (1949). *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.* Ленинград: ЛГУ.
27. Minorsky, V. (Trans.). (1980). *Tadhkirat al-Mulūk: A Manual of Safavid Administration*. London.
28. Najaf, A. N., & Najafov, R. (2025). Historical perspectives on education in medieval Azerbaijan. *Science, Education and Innovations in the Context of Modern Problems*, 8(11), 16–33. <https://doi.org/10.56352/sei/8.11.2>
29. Bournoutian, G. A. (1997). *The Khanate of Erevan under Qajar Rule (1795–1828)*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
30. Bournoutian, G. A. (2016). *Eastern Armenia in the Last Decades of Persian Rule, 1807–1828*. Malibu, CA: Undena Publications.
31. Jackson, P. (2017). *The Mongols and the Islamic World*. New Haven: Yale University Press.
32. Bosworth, C. E. (1996). *The New Islamic Dynasties*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
33. Hewsen, R. H. (2001). *Armenia: A Historical Atlas*. Chicago: University of Chicago Press.
34. Suny, R. G. (1993). *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press.
35. Alizadeh, A. (2015). Administrative geography of the Safavid Empire. *Journal of Persianate Studies*, 8(2), 145–170.
36. Farrokh, K. (2011). *Iran at War: 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing.

БРИТАНСКИЙ АНТИРОССИЗМ, РУСОНЕНАВИСТНИЧЕСТВО И РУСОФОБСТВО: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Шамаров П. В., доктор политических наук,
кандидат военных наук, доцент
e-mail: pvs291189@gmail.com
Академия военных наук Российской Федерации

В статье комплексно исследуется традиционно враждебный внешне-политический курс Британии, обосновывается новое понятие «антироссизм» и раскрывается его содержание, а также аргументируется вывод, что в настоящее время Великобритания де-факто ведет против России не столько гибридную войну нового типа и прокси-агрессию на Украине, сколько необъявленную террористическую войну на российской исторической территории вне зоны СВО.

Ключевые слова: Россия, Британия, Соединенное Королевство, туманный Альбион, СВО, теракт, диверсия.

BRITISH ANTI-RUSSIANISM, RUSSOPHOBIA AND RUSSO-HATRED: PAST AND PRESENT

P. Shamarov
Academy of Military Sciences of the Russian Federation

The article comprehensively examines Britain's traditionally hostile foreign policy, substantiates the new concept of «anti-Russianism» and reveals its content, and also argues for the conclusion that at present, Britain is de facto waging against Russia not so much a new type of hybrid war and proxy aggression in Ukraine, but rather an undeclared terrorist war on Russian historical territory outside the NVO zone.

Keywords: Russia, Britain, the United Kingdom, Foggy Albion, the Central Military District, terrorist attack, sabotage.

Специальная военная операция (далее по тексту — СВО) не только явилась фактором обеспечения национальной безопасности России и снижения геополитической напряженности в мире [12], но и предельно актуализировала насущность независимого национального развития нашей страны, основу которого составляет как упрочение ее суверенной государственности [1, Предисловие; 2, п. 1; 9, с. 95—97; 10, с. 68—69; 11], так и безусловная победа над украинскими «неонацистами и карателями» [4].

Решению указанных задач, с одной стороны, объективно способствует рост в обществе патриотических настроений, взаимной

поддержки, солидарности и сплоченности [13, с. 10–12], а, с другой, нивелирование как негативного политического наследия западноориентированных властных элитариев, идентифицированных нашим Президентом с началом СВО в качестве «национал-предателей» [3], так и масштабной русоненавистнической и антироссийской деятельности совокупного Запада, в первую очередь, его британского сегмента [5–6].

Именно Туманный Альбион является вековым, убежденным и непримиримым геополитическим противником нашего государства, традиционно аккумулирующим на своей островной территории всевозможных антироссийских предателей, отщепенцев и перебежчиков, а также использующим любые средства для нанесения России максимального ущерба и стратегического поражения, критического ослабления и разрушения самих основ ее федерального устройства и независимого суверенного развития.

А между тем на протяжении многих исторических эпох взаимоотношения между Британией и Россией характеризовались со стороны элиты последней во-многом не только крайне абсурдно-пагубным преклонением и почитанием, запредельными терпимостью и подобострастием, но прежде всего ментальной и духовной зависимостью от английских «сливок общества». Все это неизбежно вело к иррациональному чувству беспричинного «очарования Западом», в первую очередь, его англосаксонским сообществом.

Вышеуказанное правомочно трактовать в ипостаси иррационального игнорирования второй библейской заповеди «не сотвори себе кумира», как подчеркивающей вредоносность и опасность поклонения чужим и ложным идеалам и персонам, так и остающейся весьма актуальной и востребованной для современной российской нации. При этом полагаю, что нынешнему внутривнутриполитическому «отрезвлению» России в немалой степени способствовало жесткое применение Лондоном в отношении целого ряда ее видных бизнесменов, постоянно проживающих в Великобритании и обладающих ее «золотыми паспортами», механизма персональных санкций и уничительных рестрикций, а также крайне недостойное поведение Альбиона на международной сцене в рамках известной исторической парадигмы «англичанка гадит» [7].

На современном этапе Соединённое Королевство стремится обеспечить свой международные политико-правовой статус и влияние посредством активного участия в европейской политике с опорой на императив особых отношений с США и гарантирования незыб-

ленности неолиберального миропорядка глобалистов [14, с. 17–22]. Главным оппонентом последнего Лондон считает Россию и ее федеральное руководство, которым по сути, объявлена тотальная война.

В этой связи представляется крайне уместным ввести в научный дискурс вместо привычного термина «русофобия» (который давно не отражает сложившиеся геополитические реалии на Западе, поскольку нас там никто уже не боится) новое понятие **«антироссизм»** — комплексную идеологию, политику и практику совокупного Запада и, прежде всего, британского истеблишмента по нанесению Российской Федерации максимальных стратегического ущерба и национального вреда [6, с. 5].

Антироссийский и русоненавистнический внешнеполитический курс Британии идентифицируется в европейской истории как минимум с XVIII века, объективным подтверждением чего являются:

- традиционное позиционирование российского государства Туманным Альбионом в качестве своего единственного геополитического конкурента;

- подготовка и финансирование Лондоном успешного государственного заговора с целью убийства в Петербурге 23 марта 1801 года российского императора Павла Первого;

- организация британцами 11 февраля 1829 года нападения многотысячной толпы персов на посольство Российской империи в Тегеране, в ходе которого весь его персонал (за исключением единственного сотрудника) был зверски убит, в том числе и российский посол, великий русский поэт Александр Грибоедов;

- активно-враждебные антироссийские и завоевательные устремления Британской империи в Средней Азии во второй половине XIX-го столетия;

- русофобская внешнеполитическая позиция Британии в ходе русско-турецкой войны за освобождение Балкан в 1877-1878 годах;

- добровольное и деятельное участие Альбиона против России в Крымской войне 1853-1856 годов и интервенции на российском Дальнем Востоке в ходе Гражданской войны в 1917-1919 годах;

- низменные намерения британского правительства уже после совместного с СССР сокрушения фашистского Рейха осуществить в июле 1945 года операцию «Немыслимое» в интересах разгрома в Европе без объявления войны союзной Лондону Красной Армии. В этих целях предполагалось задействовать 12 германских нерасформированных, 47 английских и американских дивизий, а также венгерские, эстонские, литовские и латвийские части из состава

вермахта, личный состав которых был заблаговременно подготовлен британскими военными инструкторами;

- оскорбительные и уничижительные заявления со стороны правительства Королевства уже в XXI веке в адрес национального руководства России;

- позиционирование в новейших британских доктринальных документах Российской Федерации в качестве прямой и «самой острой» угрозы собственной и евроатлантической безопасности;

- предельная интенсификация Великобританией антироссийской враждебной и подрывной деятельности в период СВО на Украине [6, с. 4–5]. К последней, прежде всего, отношу:

- всестороннюю поддержку британским правительством неонацистского режима на Украине в целях военного и экономического истощения динамично развивающейся России, а также нанесения ей стратегического поражения;

- фейковая и изощренная демонизация нашего государства на международной арене, в том числе инкриминирование его федеральному руководству якобы применение за рубежом в террористических целях боевых отравляющих веществ или радиоактивных элементов;

- присвоение Лондоном «международной» роли активного пособника и защитника киевского неонацистского режима, включая координирование тесного военного взаимодействия между Киевом и Брюсселем;

- провоцирование конфликтных ситуаций вдоль российских границ, например, связанных с подрывом веток газопровода «Северный поток» в сентябре 2022 года;

- тайное спонсирование украинских террористических атак на российские гражданские объекты, в том числе гуманитарные конвои и гражданские суда в черноморской акватории;

- попытки реализации в Европе стратегии сдерживания России, предполагающей создание русофобского «пояса государств-лимитрофов» и организацию ее морской блокады;

- предоставление британских наемников и военных специалистов в распоряжение ВСУ, планирование их операций против ВС РФ в ходе СВО и подготовка украинских военнослужащих (в том числе диверсантов-подводников и операторов управления морскими дронами) для специальных операций;

- обеспечение Киева разведывательной информацией, а также плотное консультационное сопровождение и непосредственное обеспечение киберзащиты объектов Украины [5, с. 8-10];

— британское участие в украинских терактах и диверсиях на территории исторической России вне зоны СВО, которые организуются по следующей схеме. Разработка и оперативное обеспечение операций находятся в компетенции спецслужб Великобритании, а их непосредственное исполнение — Службы безопасности Украины или Главного управления разведки минобороны Украины [8]. Именно такой механизм использовался в ходе осуществления в период с 31 мая по 1 июня 2025 года терактов на железной дороге в Брянской и Курской областях, ударов по аэродромам ВКС России 1 июня 2025 года, воздушных терактов по гражданской инфраструктуре, в том числе повышенной опасности (Запорожской, Курской, Ленинградской и Калининской АЭС), общественным местам и жилым кварталам нашей страны.

В частности, только в 2022-2024 годах британо-украинский террористический синдикат осуществил на российской территории свыше 1,6 тыс. терактов на объектах гражданской, энергетической и транспортной инфраструктуры, повлекшие масштабные разрушения и многочисленные жертвы среди мирного населения во многих субъектах страны. Их жертвами стали более трех тыс. мирных российских жителей (среди которых почти 150 детей), а ранения получили до 11 тыс. чел. (630). При этом было уничтожено или частично повреждено свыше 31 тыс. объектов гражданской инфраструктуры, в том числе до 240 образовательных и 40 медицинских учреждений, 200 детских садов и почти 20 храмов [6-7];

— передача Великобританией в марте 2025 года Украине денежных средств от доходов замороженных активов России в размере 970 млн долл. США, которые были использованы киевским режимом на военные нужды;

— организованное Лондоном совместное заявление в январе 2026 года 14-ти европейских стран (Бельгии, Германии, Дании, Исландии, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Франции, Латвии, Литвы, Польши, Швеции и Эстонии) во главе с Великобританией о своей готовности (в нарушение международного морского права) жестко пресекать деятельность так называемого «теневого флота» России;

— тайные намерения Лондона (совместно с Парижем) скрытно предоставить в распоряжение Киева ядерный или так называемый «грязный» боеприпас со средствами его доставки в интересах завершения Украиной боевых действий на более выгодных условиях. Как один из вариантов рассматривается передача французской ма-

логабаритной боевой части TN75 от баллистической ракеты подводных лодок М51.1. Реализация указанного плана подразумевает вопиющее нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия от 1968 года, участники которого — 191 государство.

Все это позволяет заключить, что Великобритания в настоящее время де-факто ведет против Российской Федерации не только гибридную войну нового типа и прокси-агрессию на Украине, но и необъявленную масштабную террористическую войну на российской исторической территории вне зоны СВО. При этом британские антироссийские и русоненавистнические подходы отличаются воинственностью, неразборчивостью, циничностью и спекулятивностью, что не только противоречит нормам международного права, но и исключает, по моей оценке, на длительную перспективу нормализацию наших двухсторонних межгосударственных отношений.

Отсюда с учетом условий СВО как никогда актуализируется задача адекватно-упреждающего и действенно-результативного реагирования Российской Федерации на любые угрозы со стороны непримиримой, русоненавистнической и антироссийской Великобритании с задействованием всех имеющихся национальных возможностей и ресурсов из арсенала предупредительных, активных, пассивных, комбинированных или иных проактивных мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). Предисловие // Российская газета. — 2020. — 04 июля.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. — 2021. — 03 июля.

3. *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. // Президент России. Офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 24.07.2025).

4. *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Президент России. Офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 25.07.2025).

5. *Аверьянов А. В., Шамаров П. В.* Британская элитарная стагнация как следствие антироссийского и диаспорального факторов // Дипломатический вестник. Право. Экономика. Политика. — 2025. — № 3 (30). — С. 5–27.

6. *Аверьянов А. В., Шамаров П. В.* Британское «привилегированное» образование как геополитический инструмент воздействия на иностранные элиты // Представительная власть. — 2025. — № 7-8 (222-223). — С. 1–18.

7. Англичанка снова гадит // Служба внешней разведки Российской Федерации. Офиц. сайт. Пресс-бюро. 2025. 06 октября. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2025/10/anglichanka-snova-gadit.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

8. Украина и Европа готовят изощренные провокации против России // Служба внешней разведки Российской Федерации. Офиц. сайт. Пресс-бюро. 2025. 16 июня. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2025/06/ukraina-i-evropa-gotovyatizoshchrennye-provokatsii-protiv-rossii.htm> (дата обращения: 28.09.2025).

9. *Шамаров В. М., Шамаров П. В.* О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 89—98.

10. *Шамаров В. М., Шамаров П. В.* Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 64—72.

11. *Шамаров П. В.* Суверенная государственность России как стратегический императив ее национального развития // Представительная власть — XXI век. 2024. — № 1-2. — С. 14—30.

12. *Шамаров П. В.* Специальная военная операция на Украине как фактор обеспечения национальной безопасности России и снижения геополитической напряженности в мире // Меняющийся ландшафт международной безопасности: конфликты и сотрудничество: монография / под ред. О. П. Иванова, С. М. Гавриловой ; Дипломатическая академия МИД России. — Москва : Квант Медиа, 2025. — С. 113—129.

13. *Шамаров П. В.* Патриотизм как политико-правовое условие суверенной государственности России // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мерзоева. — 2025. — № 1 (76). — С. 8—16.

14. Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defense, Development and Foreign Policy. 2021. 16 March. — 114 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Белащенко Д. А., Гудкова Е. О. РОССИЯ И КИТАЙ В АРКТИКЕ: ТРУДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	3
Бочарова О. С., Фролов А. П. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА БАЛКАНАХ И РОЛЬ РОССИИ В ИХ УРЕГУЛИРОВАНИИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА	8
Голиков А. Г. ЕЖЕГОДНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЕДОМСТВЕННЫЙ СПРАВОЧНИК И СБОРНИК ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ	16
Гребенкин А. Н. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА	21
Дрягин Д. С., Строенский Е. В. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУШНЫМ ТРАНСПОРТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАПРЕДПРИЯТИЙ	29
Казаков М. А. Котов М. В. НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЭЛИТЫ В УПРАВЛЕНИИ КОММУНИКАЦИЯМИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ	33
Кротова М. В. ПАРОВОЗЫ И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА: КОНФЛИКТ НА КВЖД 1933 г.	42
Маврина П. А. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЛИВАНА В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ	50
Малето Е. И. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ НОТЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ХОРАСАНЕ В.О. ФОН КЛЕММА К МЕСТНЫМ ПЕРСИДСКИМ ВЛАСТЯМ (1906-1907 гг.) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ	55

Мао Ие КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ	65
Моренкова В. О. ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РФ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	68
Новодран Е. М. ЭВОЛЮЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ДО ВЫЗОВОВ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»	75
Рейина Мусабек РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА К ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ (2015-2024)	81
Родин Д. В. ВОСПРИЯТИЕ КОНВЕНЦИИ МОНТРЕ 1936 ГОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	87
Романов А. В. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СИРИИ ПОСЛЕ 2024 ГОДА	99
Русанова А. А. ДОКТРИНА «ВОЕННОГО НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ВСТУПЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ В НАТО	105
Рыбачёнок И. С. К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО МИД В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	112
Рыжков Е. Н. А. УЛАМ О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ (1944-45 гг.) ФОРМИРОВАНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	118
Савко Я. А. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	126
Самситдинов И. З. ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК ПРАВОВОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОТ ИМПЕРСКОЙ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ	134

Сквозников А. Н. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СЕРБИИ В МАКЕДОНСКОМ ВОПРОСЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	140
Соколов В. С., Яворская А. Д. ТЕХНОЛОГИЯ НАЗЕМНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПЕРЕВОЗОК НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ: ПАССАЖИРЫ, БАГАЖ, ГРУЗЫ	152
Соколов М. Д. ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНТРОЛЬ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПОТОКОВ И МИНИМИЗАЦИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ	156
Соленцова Е. А. РОЛЬ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В КООРДИНАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	161
Тащян Ч. А. ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ Л.И. БРЕЖНЕВА: ЗАСТОЙ ИЛИ СТАБИЛЬНОСТЬ	168
Фирсов А. М. САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В ИСТОРИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ XX ВЕКА	176
Хижняк В. С. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	182
Цай Ин РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА АМУРЕ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.	189
Бабазаде Али ЧУХУРСААД И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ	200
Шамаров П. В. БРИТАНСКИЙ АНТИРОССИЗМ, РУСОНЕНАВИСТНИЧЕСТВО И РУСОФОБСТВО: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	210

Научное издание
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник материалов научной конференции

Ответственный редактор:

А. Н. Сквозников

Оригинал-макет, вёрстка *С. В. Бородина*

Оформление обложки *О. А. Шумакова*

Подписано в печать 21.04.26. Формат 60x84¹/₁₆

Усл.-печ. л. 12,79. Печ. л. 13,75.

Тираж 100 экз.

ООО «Самарама»

443087, Самара, ул. Стара-Загора, 167.

Тел. 8 960 831 74 78

E-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ООО «Прайм»

443069, Самара, ул. Гагарина, 59

тел.: 8 927 201 82 95